

СТИВЕН ЭРИКСОН

ВРАТА МЕРТВОГО ДОМА

МАЛАЗАНСКАЯ КНИГА ПАВШИХ ✦ КНИГА 2

Малазанская империя

Стивен Эриксон

Врата Мертвого дома

«Азбука-Аттикус»

2000

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Кан)-445

Эриксон С.

Врата Мертвого дома / С. Эриксон — «Азбука-Аттикус»,
2000 — (Малазанская империя)

ISBN 978-5-389-21447-7

Череда событий одно мрачнее другого сотрясает страны и континенты. Властная императрица Ласин начинает Великую чистку, планомерно избавляясь от имперской элиты и всех, кто к ней сопричастен. Правая ее рука в этом деле – новая адъютантесса Тавора, отличающаяся особой жестокостью. На территории Семиградья, древнего континента, история которого теряется в глубине времен, вспыхивает восстание против власти Малазанской империи, возглавляет его Ша'ик, таинственная провидица, которая живет в священной пустыне Рараку. Пророчество о Вихре Дриджны, божественном возмездии, которое обрушится на голову чужаков, обретает вдруг реальную силу. К Семиградью вот-вот отправится флотилия под командованием Таворы, чтобы пресечь мятеж и залить материк кровью. И неясно, сколько ее прольется и за кем будет победа...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Кан)-445

ISBN 978-5-389-21447-7

© Эриксон С., 2000
© Азбука-Аттикус, 2000

Содержание

Благодарности	6
Действующие лица	8
Пролог	11
Книга первая. Рараку	21
Глава первая	22
Глава вторая	37
Глава третья	67
Глава четвертая	89
Глава пятая	108
Книга вторая. Вихрь	123
Глава шестая	124
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Стивен Эриксон

Малазанская книга павших.

Книга 2: Врата Мертвого дома

Steven Erikson

DEADHOUSE GATES

Copyright © Steven Erikson, 2000

First published as Deadhouse Gates in 2000 by Bantam Press, an imprint of Transworld Publishers. Transworld Publishers is part of the Penguin Random House group of companies. All rights reserved

Карты выполнены Юлией Каташинской

© Е. В. Лихтенштейн, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Один из лучших фантастических романов года.

SF Site

Я стою с отвисшей челюстью в благоговейном страхе перед «Малазанской книгой павших». Этот шедевр писательского воображения – возможно, высшая точка эпической фэнтези.

Этот марафон авторских амбиций обладает глубиной, всесторонним охватом и ощущением враждебной бесконечности времени: и все это не похоже ни на что, сделанное в литературе сегодня. «Черный отряд», «Эмбер» Желязны, «Умирающая Земля» Вэнса и другая мощная барабанная дробь – всего лишь предзнаменования сокровищ этого скрывающегося в тени дракона.

Глен Кук

Эриксон – выдающийся писатель. Советую всем, кто может меня услышать, побалуйте себя «Садами Луны». И мой совершенно эгоистичный совет Стивену Эриксону: поскорее пишите дальше.

Стивен Дональдсон

* * *

Этот роман посвящается Дэвиду Томасу-младшему, который принимал меня в Англии и познакомил с замечательным литературным агентом, а также Патрику Уолшу, этому самому литературному агенту. Спасибо за то, что на протяжении долгих лет сотрудничества вы оба всегда неизменно верили в меня

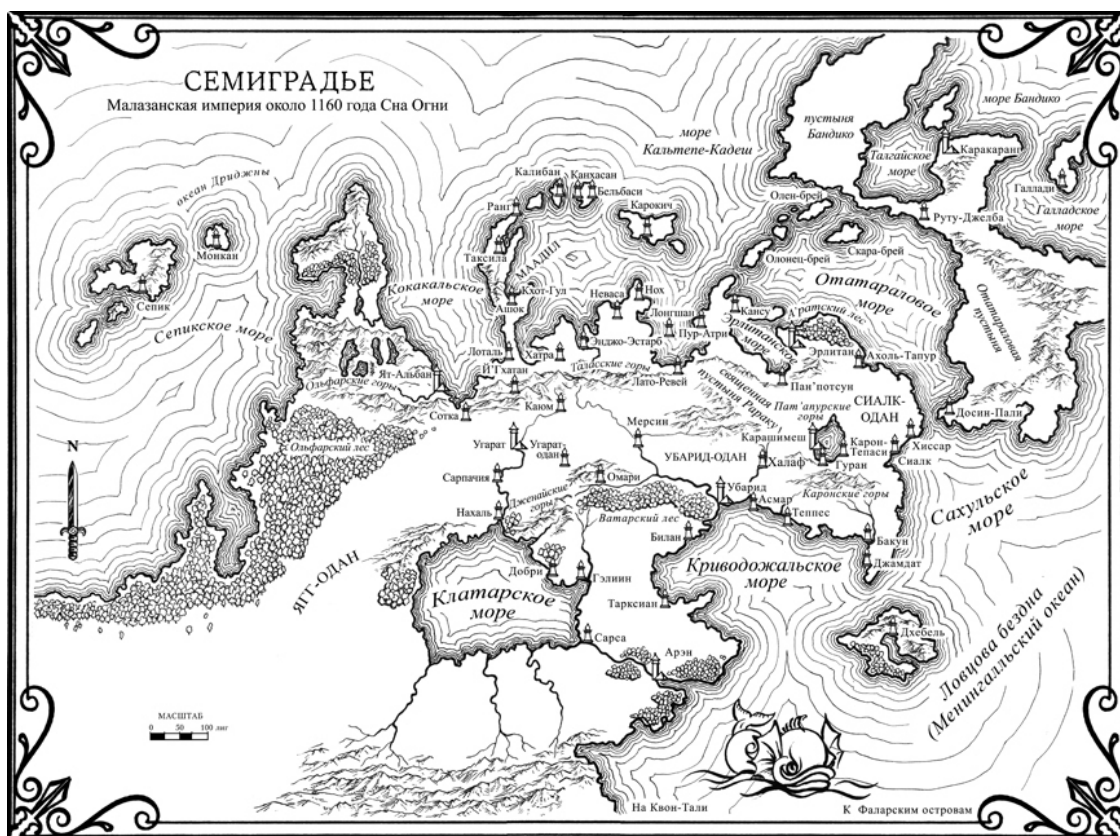
Благодарности

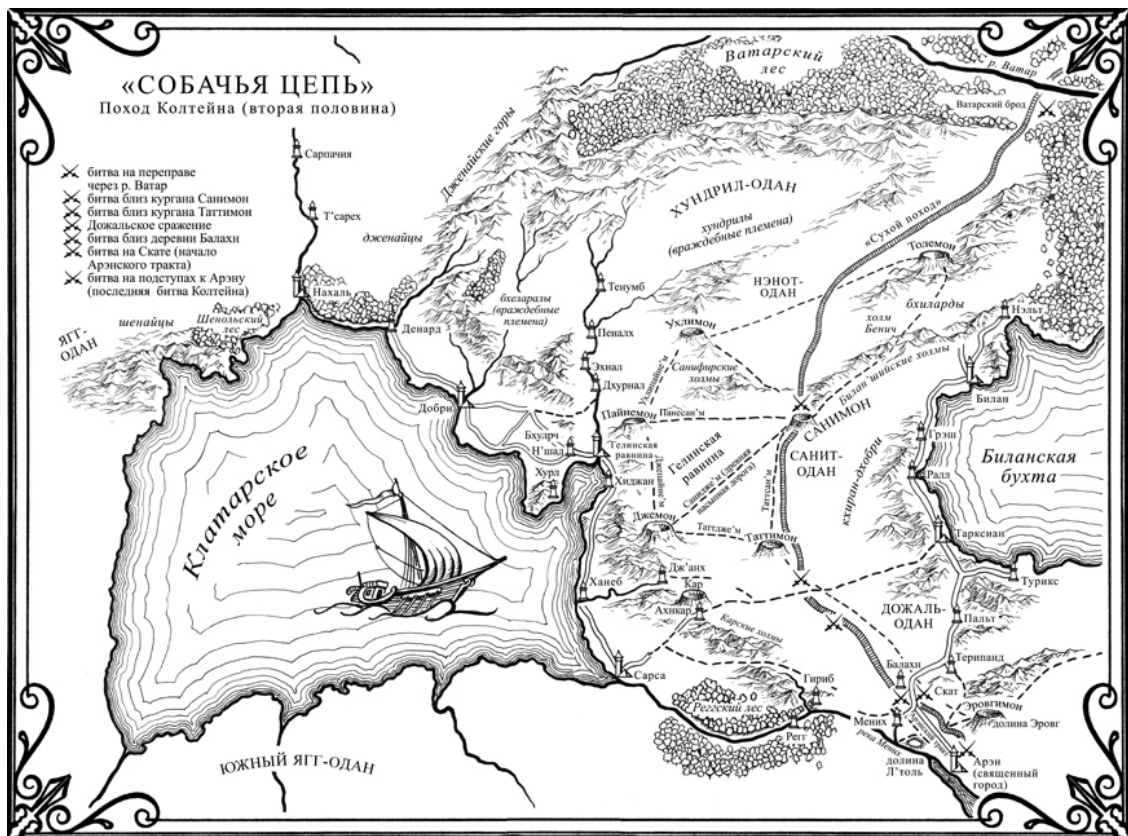
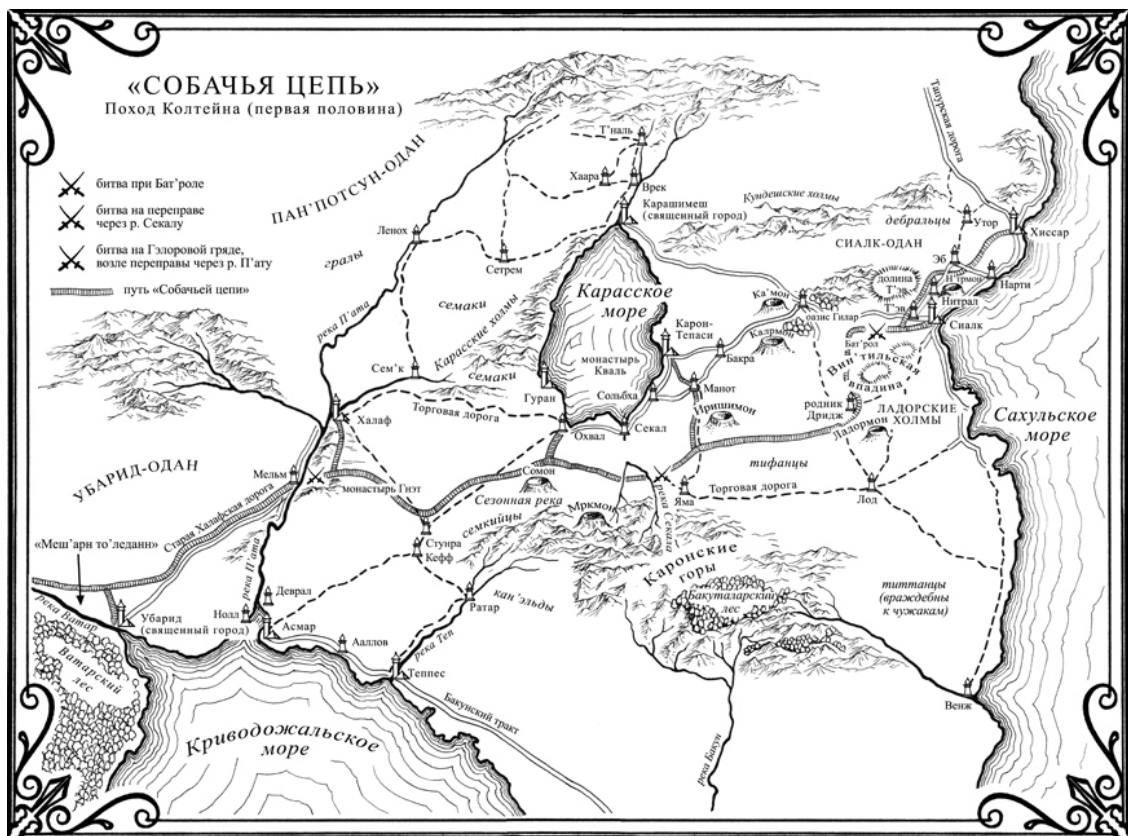
Я хотел бы выразить глубочайшую благодарность за поддержку: персоналу «Café Rouge» в Доркинге («И еще кофе, пожалуйста...»); ребятам из компании «Psion», разработавшим портативный компьютер «Psion Series 5», в котором хранился первый черновик этого романа; Дэрил и остальным из «Café Hosete» и, конечно же, своему редактору Саймону Тейлору и всем сотрудникам издательства «Transworld Publishers».

Я очень признателен своей семье и друзьям: спасибо вам за веру и поддержку, без которых все мои достижения ровным счетом ничего бы не значили.

Кроме того, благодарю за добрые слова Стивена и Росса Дональдсонов, а также Джеймса Баркли, Шона Рассела и Ариэль.

И наконец, огромное спасибо всем читателям, оставившим комментарии на различных веб-сайтах: ремесло писателя требует уединения, но вы помогли мне почувствовать себя менее одиноким.

Действующие лица

На тропе ладоней

Икарий – странствующий яггут-полукровка

Маппо – его спутник, трелль

Искарал Прыш – верховный жрец Тени

Рилландарас – Белый Шакал, д'иверс

Мессремб – одиночник

Гриллен – д'иверс

Могора – д'иверс

Малазанцы

Фелисин – младшая дочь из дома Паранов

Геборик Легкая Рука – ссыльный историк и бывший жрец Фэнера

Бодэн – спутник Фелисин и Геборика

Скрипач – Девятый взвод, сжигатели мостов, сапер

Крокус – молодой парень, бывший вор из Даруджистана

Апсалар – Девятый взвод, сжигатели мостов, новобранка

Калам – Девятый взвод, сжигатели мостов, капрал

Дукер – имперский историк

Кальн – Седьмая армия, кадровый маг

Маллик Рэл – главный советник первого кулака Семиградья

Саварк – начальник охраны на отатараловых рудниках в Черепке

Пелла – солдат, расквартированный в Черепке

Пормкваль – первый кулак Семиградья, ставка которого находится в Арэне

Блистиг – командир Арэнского городского гарнизона

Шик – глава когтей

Сон – капитан сиалкских военных моряков

Ченнед – Седьмая армия, капитан

Сильмар – Седьмая армия, капитан

Лист – Седьмая армия, капрал

Глазок – сапер

Спрут – сапер

Геслер – капрал береговой охраны

Ураган – солдат береговой охраны

Истин – солдат береговой охраны, новобранец

Прищур – лучник

Жемчуг – коготь

Капитан Кенеб – беженец

Сэльва – жена Кенеба

Минала – сестра Сэльвы

Кесен – старший сын Кенеба и Сэльвы

Ванеб – младший сын Кенеба и Сэльвы

Капитан торгового судна «Затычка»

Виканцы

Колтейн – кулак, командующий Седьмой армией
Темул – молодой копейщик
Сормо И'нат – колдун
Нихил – колдун
Бездна – колдунья, его сестра
Бальт – опытный полководец и по совместительству родной дядя Колтейна
«Красные клинки»
Барья Сэтрал (Досин-Пали)
Мескер Сэтрал, его брат (Досин-Пали)
Тин Баральта (Эрлитан)
Аральт Арпат (Эрлитан)
Лостара Йил (Эрлитан)

Аристократы в «Собачьей цепи» (малазанцы)

Нэттпара
Ленестро
Пуллик Алар
Тамлит

Последователи Апокалипсиса

Ша'ик – предводительница восстания
Леоман – командир армии Апокалипсиса в Рараку
Тоблакай – телохранитель Ша'ик и воин Апокалипсиса в Рараку
Корболо Дом – кулак-предатель, полководец армии мятежников
Камист Релой – высший маг в армии мятежников
Фебрил – маг и первый советник Ша'ик
Л'орик – маг Апокалипсиса в Рараку
Бидитал – маг Апокалипсиса в Рараку
Мебра – шпион в Эрлитане

Прочие

Салк Элан – загадочный путешественник
Хентос Ильм – заклинательница костей у т'лан имассов
Легана Брид – т'лан имасс
Олар Этил – заклинательница костей у т'лан имассов
Кимлок – таннойский духовидец
Бенет – главарь каторжников в Черепке
Ири – маленький прислужник
Радд – еще один маленький прислужник
Апт – демоница-аптори
Панек – ребенок, которого усыновила Апт
Карполан Демесанд – торговец

Була – хозяйка таверны

Паннионский Провидец – таинственный пророк и тиран, правитель земель к югу от Даруджистана

Котильон – бог, Покровитель Убийц

Престол Тени – владыка Высокого Дома Тени

Реллок – слуга Искарала Прыща

Моби – крылатая обезьянка, фамилляр

Псы Тени (Гончие Тени):

Барен

Бельмо

Зубец

Крест

Шан

Пролог

*Что видишь ты
На потемневшем горизонте,
Но все ж не в силах
Заслонить рукой?
Ток-младший. Сжигатели мостов*

1163-й год Сна Огни Девятый год правления императрицы Ласин Год Великой чистки

С трудом волоча ноги, он вошел с аллеи Душ в Круг Правосудия – будто уродливое облако из мух. Сонмы жужжащих насекомых с бессмысленной настойчивостью ползали по его телу; иногда они отваливались черными блестящими комьями и разбивались о булыжники мостовой, разлетались в стороны обезумевшими роями.

Час Жажды близился к концу, и жрец шел, пошатываясь, – слепой, глухой и безмолвный. В этот день служитель Худа, Владыки Смерти, почтил своего бога и присоединился к другим собратьям, которые раздевали казненных убийц и смазывали себя кровью мертвецов – той самой кровью, что хранилась в громадных амфорах, стоявших вдоль стен в нефе храма. Затем торжественная процессия жрецов двинулась по улицам Унты, чтобы поприветствовать посланников своего бога и присоединиться к пляске смерти, которой был отмечен последний день Поры Гниения.

Стражники, расставленные по периметру площади, посторонились, давая жрецу пройти, а потом еще сильнее расступились, пропуская жужжащее живое облако, что следовало за ним. Небо над Унттой по-прежнему казалось скорее серым, чем голубым, потому что мухи, влетевшие на рассвете в столицу Малазанской империи, поднялись в воздух и медленно двинулись над заливом в сторону соленых болот и подтопленных островков за рифом. Мор пришел вместе с Порой Гниения, которая теперь являлась неслыханно часто – вот уже в третий раз за последние десять лет.

Воздух в Круге Правосудия все еще гудел и переливался, словно в нем висела взвесь из крупного песка. Где-то на соседней улице отчаянно скулила издыхающая собака, а рядом с центральным фонтаном на площади лежал полумертвый мул и слабо сучил ногами. Мухи пробрались внутрь через все отверстия, и теперь несчастное животное раздуло от газов. Мул, упрямый, как и все его сородичи, отчаянно сопротивлялся, и агония длилась вот уже около часа. Когда старик слепо прошаркал мимо, насекомые взлетели с мула и влились в жужжащее облако, окутывающее человека.

Фелисин было совершенно ясно, что жрец Худа ковыляет прямо к ней. Он смотрел на мир тысячью крошечных мушиных глаз, и бедняжке казалось, будто все они в упор устремлены на нее. Но даже нараставший в душе ужас не мог сорвать покров оцепенения, которым было окутано сознание девушки; это чувство, что поднималось внутри, скорее являлось воспоминанием о пережитых страхах.

Эта была уже третья Пора Гниения в жизни Фелисин. И если самую первую она почти позабыла, то вторую помнила во всех деталях, ибо с тех пор прошло всего три года. Фелисин провела тот день в безопасности, под защитой семейной усадьбы, за крепкими стенами дома, где все окна были закрыты ставнями, щели заткнуты тканью, а во дворе и на высоких стенах стояли жаровни, от которых исходил густой дым тлеющих листьев истаарла. Последний день Поры Гниения и Час Жажды были для нее мгновениями неприятными, даже отвратительными, но не более того. Тогда она и не думала о бесчисленных городских нищих, об

одичавших животных, которым негде было спрятаться, и даже о просто небогатых горожанах, которых потом насильно заставляли убирать улицы столицы.

А теперь все изменилось: тот же самый город, но совершенно другой мир.

Девушка гадала, пропустят ли стражники жреца, подходившего все ближе и ближе к жертвам Великой чистки, которую затеяла императрица Ласин. Поскольку этот служитель культа ничего не видел и не слышал из-за окружавшего его облака мух, то он вроде как двигался наобум, однако Фелисин нутром чуяла: ох, неспроста этот человек направляется именно сюда. Интересно, сдвинутся ли с места солдаты в высоких шлемах? Попробуют ли они провести жреца через Круг Правосудия подальше от арестованных?

– Сомневаюсь, – сказал Фелисин ее товарищ по несчастью, сидевший на корточках справа от девушки. И пояснил: – Нет, я не умею читать мысли, просто вижу, как ты судорожно переводишь взгляд с охранников на жреца и обратно. – В его глубоко запавших глазах сверкнуло что-то похожее на веселье.

Высокий молчаливый мужчина слева от нее медленно поднялся на ноги, натянув цепь. Фелисин поморщилась, когда кандалы дернулись и врезались в кожу, а сосед скрестил руки на покрытой шрамами груди. Он посмотрел на приближавшегося жреца, но промолчал.

– Что нужно от меня служителю Худа? – прошептала Фелисин. – Чем я заслужила его внимание?

Мужчина справа перенес вес тела на пятки и подставил лицо лучам послеполуденного солнца.

– Ох, Королева Грез, никак с этих пухлых нежных губ слетают слова самолюбивой юности? Или же это просто дает знать о себе благородная кровь: ведь аристократы привыкли считать, будто весь мир вертится вокруг них.

Фелисин нахмурилась:

– Ну вот, начинается. Как было хорошо, пока ты молчал. Я уж подумала, что ты спишь или умер.

– Мертвецы, да будет тебе известно, девочка, на корточках не сидят, они лежат пластом. А жрец Худа идет вовсе не к тебе, а ко мне.

Фелисин обернулась, и цепь между ними звякнула. Ее сосед справа больше напоминал жабу с запавшими глазами, чем человека. Лысый череп и лицо его покрывали тонкие черные линии татуировки, в затейливом узоре скрывались мелкие квадратные символы, которых насчитывалось столько, что кожа казалась сморщившимся пергаментным свитком. На старике не было ничего, кроме изодранной набедренной повязки – когда-то красной, но теперь сильно выцветшей. По всему его телу ползали мухи; насекомые не спешили улетать и танцевали по коже – но, вдруг поняла Фелисин, делали они это вовсе не беспорядочно! Неожиданно причудливая татуировка превратилась в четкую картинку: на лицо старика накладывалась морда вепря, замысловатый лабиринт курчавого меха струился вниз, на руки, охватывал бедра и голени, а ступни украшало тщательно прорисованное изображение копыт. До сих пор Фелисин была слишком потрясена случившимся и поглощена собственными переживаниями, чтобы обратить внимание на соседей по шеренге, скованных цепью узников, а теперь сообразила: этот человек был жрецом Фэнера, Вепря Лета, и мухи, казалось, это знали, понимали настолько, что даже изменили свой безумный маршрут. У старика не было кистей обеих рук, и сейчас девушка с болезненным восхищением смотрела, как насекомые собирались на его культах, не коснувшись по пути к ним ни единой черточки татуировки. Мухи вились в безумном танце, всячески стараясь избежать знаков бога, но тем не менее плясали алчно и рьяно.

Жрец Фэнера был прикован в шеренге самым последним. Кандалы охватывали его лодыжки, хотя остальным железные полосы сковывали запястья. Ступни старика были покрыты кровью, и мухи вились над ними, но не садились. Фелисин заметила, что сосед резко распахнул глаза, когда его внезапно накрыла чья-то тень.

Это был жрец Худа. Цепь загремела, когда все узники слева от Фелисин попытались отодвинуться как можно дальше. Стена за спиной оказалась горячей, а плитка – украшенная сценами, которые изображали пышные имперские церемонии, – впиалась в тело сквозь тонкую тунику. Фелисин не могла отвести глаз от окутанной облаком мух фигуры, которая безмолвно возвышалась над сидевшим жрецом Фэнера. Девушка не видела даже клочка кожи, вообще ничего от самого человека: мухи покрывали его полностью, под ними он жил во тьме, где даже жар солнца не смог бы его коснуться. Облако с жужжанием растеклось в стороны, и Фелисин отшатнулась, когда холодные лапки насекомых коснулись ее ног, быстро двинулись вверх по бедрам; бедняжка испуганно прижала подол туники и плотно сдвинула ноги.

Жрец Фэнера заговорил, его широкое лицо словно бы треснуло в мрачной ухмылке:

– Час Жажды миновал, аколит. Возвращайся в свой храм.

Служитель Худа ничего ему не ответил, но Фелисин показалось, что жужжание начало звучать в иной тональности: оно делалось все ниже и ниже, пока не стало отдаваться у нее в костях.

Жрец сощурился, и голос его зазвучал по-другому:

– Ну же, довольно. Я и вправду был когда-то слугой Фэнера, но это в прошлом – годы утекли, а касание Фэнера не сходит с моей кожи. Однако похоже, что, хотя Вепрь Лета и не слишком-то меня жалует, тебя он не любит еще больше.

Фелисин показалось, будто что-то у нее в душе дрогнуло, когда жужжание вновь начало меняться, складываясь в понятные слова:

– Секрет... покажу... сейчас...

– Так давай! – прорычал бывший служитель Фэнера. – Показывай!

Кажется, именно тогда и вмешался сам Фэнер: то ли бог пришел в ярость, то ли бессмертные просто решили подшутить над людьми, ибо то, что произошло дальше, оказалось недоступно пониманию девушки. Так или иначе, Фелисин навсегда запомнила этот миг и впоследствии часто о нем думала: волна ужаса прорвала дамбу бесчувственного оцепенения, когда покров из мух вдруг взорвался, разлетелся во все стороны, а внутри его... никого не оказалось.

Бывший жрец Фэнера дернулся, как от удара, и пораженно распахнул глаза. На другой стороне площади полдюжины стражников беззвучно открывали рты, не в силах вымолвить ни звука. Цепь лязгнула, когда остальные узники рванулись прочь, будто собирались бежать. Железные кольца в стене, через которые была пропущена цепь, заскрежетали, но выдержали. Охранники бросились вперед, и шеренга арестованных снова замерла.

– А вот этого, – потрясенно пробормотал покрытый татуировками старик, – я ничем не заслужил.

Прошел час, и за это время потрясение и ужас от появления загадочного жреца Худа улеглись в сознании Фелисин, став новым слоем – самым свежим, но далеко не последним – бесконечного кошмара. Аколит бога Смерти... которого на самом деле не было. Жужжание мух, которое складывалось в слова.

«Может, это был сам Худ? Неужели он вновь ходит среди смертных? Но зачем же он тогда остановился перед бывшим жрецом Фэнера – в чем смысл этого откровения?»

Но вопросы постепенно поблекли, сознание снова сковала бесчувственность, а в душу вернулось холодное отчаяние. Императрица провела среди знати Великую чистку, конфисковала богатства дворян, а после стандартных обвинений в измене и предательстве многие представители аристократических фамилий оказались закованными в цепи. Вот только непонятно, как попали сюда бывший жрец Фэнера и другой сосед Фелисин – огромный чумазый громила, с виду типичный разбойник-головорез: ни тот ни другой явно не мог похвастаться благородным происхождением.

Фелисин тихонько рассмеялась, и оба мужчины вздрогнули.

– Неужто, девочка, тебе открылось, в чем смысл секрета, который сообщил нам Худ? – спросил бывший жрец.

– Нет.

– Так что же тогда тебя развеселило?

Она неопределенно покачала головой.

«А я-то рассчитывала оказаться в приличном обществе – ага, как бы не так! Тут поневоле продемонстрируешь то самое высокомерие, в котором императрица Ласин вечно упрекает знать...»

– Дитя мое!

Голос принадлежал пожилой женщине; он звучал по-прежнему надменно, но с нотками томительного отчаяния. Фелисин на миг зажмурилась, а затем выпрямилась и отыскивала глазами в шеренге за громилой тощую старуху. Та была одета в ночную рубашку, изорванную и запачканную.

«Ничем иным, как благородной кровью».

– Госпожа Гейсен?

Старуха вытянула вперед дрожащую руку:

– Да! Это я, госпожа Гейсен! Вдова господина Гилрака... – Слова прозвучали неуверенно, словно бы женщина и сама сомневалась в том, что сказала. Старуха нахмурилась, так что толстый слой пудры, скрывавший морщины, пошел трещинами, и ее покрасневшие глаза впились в девушку. – А я ведь тебя знаю, – прошипела она. – Ты Фелисин, младшая дочь дома Паранов!

Фелисин похолодела. Она отвернулась и посмотрела на стражников, которые, опираясь на пики, стояли в тени: передавали друг другу фляжку с элем и отгоняли последних мух. За мулом приехала телега, из нее выпрыгнули четверо измазанных пеплом мужчин с веревками и баграми. За стенами, окружавшими площадь, вздымались раскрашенные башни и купола с детства знакомых зданий Унты. Девушка тосковала по затененным улочкам столицы, скучала по беззаботной жизни, которой наслаждалась еще неделю тому назад. Фелисин вспомнила, как Себри, обучавший ее ездить на лошади, недовольно ворчал, что она не смотрит, куда направляет свою любимую кобылу. И как она поднимала глаза и видела зеленую изгородь из кустов, отделявшую площадку для верховой езды от семейных виноградников.

Громила рядом хмыкнул:

– Худовы пятки, а у этой сучки есть чувство юмора.

«О чем он говорит?» – с досадой подумала Фелисин. Девушка была недовольна тем, что ее отвлекли от приятных воспоминаний, однако смогла сохранить отрешенное выражение лица.

Бывший жрец слегка оживился:

– Сестры вечно ссорятся, такое случается сплошь и рядом. – Он помолчал, а затем сухо добавил: – Но это уже явный перебор.

Головорез снова хмыкнул и наклонился вперед так, что его тень упала на Фелисин:

– А ты у нас, выходит, жрец-расстрига? Что, поперла тебя императрица из храма?

– Ласин тут ни при чем. Я давно уже распрощался с благочестием. Уверен, что императрице больше понравилось бы, если бы я остался в монастыре.

– Да ей ровным счетом наплевать, – презрительно заявил громила и принял прежнюю позу.

– Ты должна поговорить с сестрой, Фелисин! – проскрежетала госпожа Гейсен. – Пусть Тавора попросит за нас! У меня есть богатые друзья...

Услышав это заявление, верзила расхохотался:

– Ты глянь в начало шеренги, старая карга, там и найдешь своих богатеньких друзей!

Фелисин только головой покачала.

«Поговорить с сестрой, как же! Прошли уже месяцы с того дня, как мы в последний раз беседовали. И с тех пор – ни слова. Даже когда отец умер».

Воцарилась тишина, почти такая же глубокая и нерушимая, как и до этого. А затем бывший жрец откашлялся, сплюнул и пробормотал:

– Не стоит искать спасения у женщины, которая просто исполняет чужие приказы, и не важно, что она сестра этой девочки...

Фелисин поморщилась и гневно посмотрела на старика:

– Ты что, воображаешь, будто...

– Да ничего он не воображает, – проворчал разбойник. – Просто забудь о голосе крови, обо всем, что это там, по-твоему, должно значить. Конечно, учитывая, кто ты такая, тебе, наверное, больше по нраву считать это личной мстью...

– Учитывая, кто я такая? – Фелисин хрипло расхохоталась. – А вот кто такой ты сам? Какой из домов считает тебя родичем?

Громила хмыльнулся.

– Дом Позора. Слыхала про такой? А что, ничуть не хуже ваших задрипанных благородных семейств!

– Я так и думала, – заявила Фелисин, с трудом делая вид, что ее ничуть не задело последнее замечание. Она покосилась на стражников. – Да что происходит? Почему мы до сих пор торчим здесь?

Бывший жрец снова сплюнул:

– Час Жажды миновал. Толпу снаружи следует определенным образом подготовить. – Он исподлобья посмотрел на Фелисин. – Простолюдинов надо раззадорить. Мы – самые первые, девочка, и должны стать примером на будущее. То, что творится здесь, в Унте, должно потрясти всю знать Малазанской империи.

– Чушь! – возмутилась госпожа Гейсен. – С нами будут обращаться достойно. Императрица просто обязана обращаться с нами достойно...

Громила хмыкнул в третий раз (это он так смеется, поняла Фелисин) и сказал:

– Если бы глупость считалась преступлением, госпожа Гейсен, вас бы арестовали еще много лет тому назад. Старый хряк прав. Немногие из нас доберутся до кораблей. Это шествие по Колонному проспекту превратится в кровавую баню. Но учтите, – добавил он, поглядывая на стражников, – Бодэн не допустит, чтобы его разорвала в клочья толпа простолюдинов.

Фелисин почувствовала, что в животе у нее шевельнулся настоящий ужас.

– Не возражаешь, если я буду держаться поближе к тебе, Бодэн?

Громила посмотрел на нее сверху вниз:

– Слишком ты пухленькая, как на мой вкус. – Он отвернулся, а затем проговорил: – Но делай что пожелаешь, я не против.

Бывший жрец наклонился поближе:

– Уж не знаю, девочка, что вы там не поделили, но вряд ли все так серьезно. Скорее всего, твоя сестра просто хочет убедиться, что ты...

– Тавора мне больше не сестра. Она теперь – адъютантесса императрицы, – отрезала Фелисин. – Тавора отсеклась от своего дома по приказу Ласин.

– Пусть так, но сдается мне, дело тут все-таки в сведении личных счетов.

Фелисин нахмурилась:

– Тебе-то откуда знать?

Старик отвесил насмешливый полупоклон:

– О, у меня богатый жизненный опыт. Был некогда вором, затем – жрецом, теперь стал историком. Мне хорошо известно, в каком тяжелом положении оказались благородные семейства.

Фелисин от удивления широко раскрыла глаза и тотчас выругала себя за глупость. Даже Бодэн, который, разумеется, все услышал, наклонился поближе и внимательно на них посмотрел.

– Да ведь это же Геборик, – заявил он. – Геборик Легкая Рука.

Старик вскинул изувеченные руки и иронически хмыкнул:

– Да уж, легче некуда.

– Так это ты переписал историю, – проговорила Фелисин. – Совершил подлог, подтасовал факты...

Жесткие брови Геборика поднялись в притворном ужасе.

– Боги упасите! Какой там подлог! Философское расхождение во взглядах, ничего больше! Так, кстати, и сам Дукер сказал на суде: он ведь в мою защиту выступил, благослови его Фэнер.

– Да вот только Ласин к нему не прислушалась, – ухмыльнулся Бодэн. – Ты ведь сперва обозвал ее убийцей, а потом еще набрался наглости заявить, что она плохо управляет Малазанской империей!

– А ты, парень, как я посмотрю, запрещенные книги читаешь, да?

Бодэн растерянно заморгал.

– Так или иначе, – продолжил Геборик, обращаясь к Фелисин, – я бы предположил, что твоя сестра, адъюнктесса Тавора, побеспокоится о том, чтобы ты добралась до корабля живой. Когда твой брат бесследно пропал в Генабакисе, ваш отец не пережил этого и умер... Так говорят, – добавил он с ухмылкой. – Но именно слухи об измене капитана Парана по-настоящему прищипорили твою сестру, верно? Она решила, что нужно очистить родовое имя и тому подобное...

– Тебе не откажешь в логике, Геборик, – с горечью ответила Фелисин. – Да, все так и было. Мы с Таворой разошлись во мнениях, и вот – взгляни на результат.

– Во мнениях о чем именно?

Девушка промолчала.

Вдруг шеренга пришла в движение. Стражники вытянулись во фрунт и обернулись к Западным воротам. Фелисин побледнела, когда увидела свою сестру – адъюнктессу Тавору, сменившую на этом посту Лорн, которая погибла в Даруджистане. Тавора ехала на собственном жеребце, самом лучшем, что нашелся в конюшнях дома Паранов. Ее, как обычно, сопровождала Ян'тарь, красивая молодая женщина с гривой длинных волос рыжеватого цвета, которые вполне оправдывали такое имя. Никто не знал, откуда Ян'тарь родом, но теперь она стала личной помощницей Таворы. Вслед за ними на плац въехали несколько офицеров и рота тяжелой кавалерии. Солдаты выглядели необычно, словно иноземцы.

– Какая ирония! – пробормотал Геборик, разглядывая всадников. – Знаете, кто это?

Бодэн склонил голову и сплюнул:

– «Красные клинки», задохлики ублюдочные.

Историк удивленно покосился на него:

– А тебя, видать, поносило по белу свету, а, Бодэн? Может, ты и Арэнскую гавань видел?

Громила недовольно поежился, а затем пожал плечами:

– Угадал, хряк. Довелось пару раз постоять на корабельной палубе. Да к тому же, – добавил он, – в городе об этих «красных клинках» судачат уже больше недели.

Отряд солдат выстроился, и Фелисин увидела, как латные рукавицы сжимаются на рукоятках мечей, а остроконечные шлемы поворачиваются – все как один – к адъюнктессе.

«Сестрица Тавора, неужели исчезновение нашего брата так глубоко тебя ранило? Сколь же ужасным преступлением кажется тебе его измена, если ты решила заплатить за нее такую цену... А потом, чтобы показать свою абсолютную преданность Ласин, ты надумала пожертвовать родными: выбирала между мною и матерью. Неужто, стоя на перепутье, ты не понимала,

что любая дорога все равно оканчивается у врат Худа? Ну что же, мама, по крайней мере, теперь воссоединилась со своим возлюбленным супругом...»

Фелисин смотрела, как Тавора быстро проинспектировала свою охрану, а затем что-то сказала спутнице, после чего Ян'тарь повернула лошадь к Восточным воротам.

Бодэн снова хмыкнул:

– Не зевайте! Сейчас пойдет потеха!

Одно дело – обвинить императрицу в убийстве, и совсем другое – предсказать ее следующий шаг.

«Если бы только они вовремя прислушались к моим словам».

Геборик поморщился, шаркая по мостовой: кандалы больно врезались в лодыжки.

Люди образованные и утонченные во всей красе проявили свою мягкотелость: изнеженность и чувствительность стали отличительными признаками благородного происхождения. Да, аристократам жилось легко и безопасно, но в этом-то и было все дело: они стали живым символом непоказного изобилия, которое жгло нутро бедным ничуть не меньше, чем явная демонстрация богатства.

Геборик это прямо сказал в своем трактате и теперь не мог подавить горькое восхищение перед императрицей и адъюнктессой Таворой, которую Ласин назначила инструментом возмездия. Показная жестокость полуночных арестов – двери особняков выламывали, аристократов прямо в нижнем белье вытаскивали из постелей под вой перепуганных слуг – стала для знати первым и самым сильным потрясением. Осоловевших от недосыпа благородных господ скрутили, заковали в кандалы и привели на суд пьяного магистрата и присяжных – нищих, которых притащили с соседней улицы. Это была настоящая пародия на правосудие, которая убила последнюю надежду на достойное обращение – разом сорвала весь налет цивилизации, оставив только хаос и дикость.

«Тавора хорошо знала себе подобных, знала их слабости – и безжалостно это использовала, целясь прямо в незащитное мягкое брюшко: одно потрясение накладывалось на другое. Но что же заставляет новую адъюнктессу действовать настолько жестоко?» – вновь и вновь недоумевал Геборик.

Услышав новости о Великой чистке, бедняки наводнили улицы; они кричали от восторга, громко восхищаясь своей императрицей. Затем начались тщательно подготовленные беспорядки: волна грабежей и убийств прокатилась по аристократическому кварталу столицы. Аресты знати не были поголовными: Ласин дала черни ровно столько жертв, чтобы утолить жажду крови, выместить ярость и ненависть к аристократам. А затем порядок в Унте был восстановлен: не хватало еще, чтобы город сожгли.

Императрица очень редко совершала ошибки. Она воспользовалась ситуацией, дабы избавиться от независимых ученых и инакомыслящих, а заодно сжать столицу в железном кулаке армии, провозглашая необходимость увеличить численность войск, набрать новых рекрутов, усилить защиту от предателей-аристократов, которые плели заговоры. Отошедшие короне богатства позволили финансировать разросшуюся армию. Этот не слишком оригинальный, но весьма действенный прием, подкрепленный силой специально изданного Эдикта о Великой чистке, был использован во всех провинциях, и теперь в каждом городе Малазанской империи набухал жестокий гнев толпы.

Наблюдая за действиями Ласин, историк вновь и вновь испытывал горькое восхищение. Геборику вдруг захотелось плюнуть прямо на мостовую, а ведь он не делал этого со дней своей юности, когда был еще только простым карманником в Мышином квартале города Малаза. Он видел потрясение, написанное на большинстве лиц тех, кто шагал в шеренге узников. Ну до чего же жалко выглядели эти люди в ночных рубашках, грязных и мокрых от пребывания в темнице, – их лишили даже нормальной одежды. Растрепанные волосы, потухшие глаза, сгор-

бившиеся спины – все, что только мечтала увидеть толпа простолюдинов, которая стремилась растоптать аристократов...

«Добро пожаловать на улицы столицы!» – подумал Геборик, когда стражники заставили шеренгу двинуться.

За ними пристально наблюдала адъюнктесса, которая восседала в седле: прямая как палка, с лицом таким напряженным, что от него остались одни лишь черточки – прорезь глаз, складки по бокам тонкогубого рта.

«Проклятье, да ей ведь красоты при рождении явно не отсыпали. В отличие от младшей сестры, той самой девчонки, которая теперь ковыляет на шаг впереди меня».

Внимательные глаза Геборика впились в адъюнктессу с любопытством – может быть, даже с проблеском зловещего удовольствия, – и вот ее ледяной взор, пробегая по шеренге, на кратчайший миг задержался на Фелисин. Но только на одно мгновение, знак узнавания – ничего больше. А затем взгляд Таворы двинулся дальше.

Стражники распахнули Восточные ворота в двух сотнях шагов от первых узников. Под сводами древней арки прокатился рев; волна звука, врезавшись в стражников и заключенных, отразилась от стен и взлетела к небесам вместе со стайкой перепуганных голубей. Хлопанье птичьих крыльев опустилось вниз, словно вежливые аплодисменты, хотя Геборику показалось, что никто, кроме него, не заметил этой иронии богов. Он не сдержался и отвесил легкий поклон.

«Пусть Худ подавится своими проклятыми секретами. Ох, Фэнер, старый ты хряк, никуда от тебя не денешься. Так смотри же, что будет сейчас с твоим беспутным сыном».

Что-то в душе Фелисин еще сопротивлялось безумию, отчаянно боролось с неодолимой круговертью хаоса. Солдаты стояли вдоль всего Колонного проспекта в три ряда, но толпа снова и снова находила слабые места в ошетилившейся копьями стене. Фелисин словно бы со стороны видела тянущиеся в ее сторону руки, занесенные и опускающиеся на нее кулаки, размытые лица, вынырывающие из водоворота, чтобы плюнуть в нее. И так же как в душе девушки отчаянно держался последний бастион сознания, тело ее обороняли крепкие руки – руки без кистей, испещренные гноящимися шрамами культи, которые обхватили Фелисин и подталкивали вперед, только вперед. Никто не тронул жреца. Попросту не осмелился. А впереди шагал Бодэн – и вид у него был страшнее самой разъяренной толпы.

Он убивал легко. Презрительно отбрасывал в сторону тела, ревел, жестами подзывал желающих бросить ему вызов, подначивал зевак. Даже солдаты в граненых шлемах не мешали этому странному узнику, а лишь вновь и вновь изумленно смотрели на него, вздрагивая от оскорблений, и покрепче сжимали руки на пиках или рукоятках мечей.

Хохочущий Бодэн, нос которому разбил метко брошенный кем-то кирпич; Бодэн, от которого отскакивали камни; Бодэн в изорванной тунике, мокрой от крови и слюны. Любого, кто попадался ему на пути, громила хватал и скручивал, гнул и ломал. Он задерживался, только если впереди что-то случилось: когда солдаты расступались, не в силах сдержать оцепление, или когда запнулась и упала госпожа Гейсен. Тогда он подхватил женщину под руки и бесцеремонно швырнул вперед, не переставая сквернословить.

Волна страха катилась перед ним, и толпа заметно присмирела. Теперь нападать стали реже, и большинство кирпичей летело мимо цели.

Марш через город продолжался. В ушах у Фелисин стоял болезненный звон. Девушка слышала все сквозь этот глухой звук, но глаза видели по-прежнему ясно, искали и находили – слишком часто – образы и картины, которых она никогда не забудет.

Узники уже видели впереди городские ворота, когда случилось самое страшное: толпа все-таки прорвала ограждение. Солдаты тут же благоразумно испарились, и волна дикой жестокости выплеснулась на улицу, накрыв заключенных.

Фелисин услышала, как за спиной у нее Геборик сдавленно пробормотал:

– Ну вот, так я и знал.

Бодэн страшно заревел. Кольцо вокруг сомкнулось: пальцы яростно рвут на куски одежду, ногти впиваются в плоть. С Фелисин сдернули последние обрывки туники. Чья-то рука ухватила ее за волосы и дернула, пытаясь сломать шею. Девушка услышала отчаянный крик и вдруг поняла, что он вырвался из ее собственного горла. Звериный рык послышался сзади, она почувствовала, как неведомая рука судорожно сжалась, а затем исчезла. В уши хлынули новые крики.

Их подхватила волна, повела или потащила – Фелисин и сама не знала, – и тут в поле зрения девушки попало лицо Геборика: старик сплюнул на землю обрывок окровавленной кожи. Внезапно вокруг Бодэна образовалось пустое пространство. Громила пригнулся, поток отборных ругательств срывался с его разбитых губ. Правое ухо ему оторвали – вместе с волосами, кожей и плотью. Обнажившаяся височная кость влажно поблескивала. Повсюду лежали искореженные тела, лишь немногие несчастные подавали признаки жизни. У ног разбойника застыла госпожа Гейсен. Бодэн схватил ее за волосы и поднял так, чтобы всем было видно лицо пожилой дамы. Фелисин показалось, что время замерло и весь мир сжался до этого крошечного пятка, на котором разворачивалось страшное представление.

Бодэн оскалил зубы и рассмеялся.

– Я вам не какой-нибудь сопливый дворянчик! – прорычал он в толпу. – Чего вы хотите? Крови знати?

Зеваки дружно завывали, вперед потянулись жадные руки. Бодэн снова захохотал:

– Мы все равно пройдем на причал, слышите? – Он выпрямился, поднимая госпожу Гейсен за волосы.

Фелисин не могла понять, в сознании старуха или нет. Глаза ее были закрыты, на лице – под слоем грязи и разводами синяков – застыло умиротворенное выражение, она даже словно бы помолодела. Наверное, уже умерла. Фелисин молила богов, чтобы так и было.

Девушка поняла: сейчас случится что-то воистину страшное, нечто такое, что станет кульминацией всего этого кошмара. Казалось, даже сам воздух звенел от напряжения.

– Она ваша! – заорал Бодэн.

Другой рукой он ухватил госпожу Гейсен за подбородок и одним движением повернул ее голову назад. Шея хрустнула, а тело обвисло, подергиваясь. Бодэн накиннул на шею старухе цепь. Натянул потуже и начал пилить. Показалась кровь, и цепь стала похожа на разодранный шарф.

Словно бы зачарованная, Фелисин не могла отвести глаз от ужасного зрелища.

– Смилуйся, Фэнер, – прошептал Геборик.

Толпа пораженно замолкла, даже жажда крови покинула ее, люди отступили. Появился солдат, без шлема; не сводя глаз с Бодэна, он сделал шаг, другой и остановился. За ним над толпой показали островерхие шлемы и широкие мечи «красных клинков», которые медленно прокладывали себе дорогу.

Все замерло, двигалась одна только цепь. Никто не дышал, лишь Бодэн всхрапывал от натуги. Если беспорядки и бушевали где-то, то наверняка за тысячу лиг отсюда.

Фелисин смотрела, как голова женщины дергается вперед и назад, словно бы в некоем подобии жизни. Она вспомнила госпожу Гейсен: надменную, властную, утратившую былую красоту и пытавшуюся заменить ее чувством собственного достоинства. А могло ли все быть иначе? Ах, какое это сейчас имеет значение? Даже окажись она мягкосердечной, доброй бабушкой, это все равно никак не повлияло бы на жестокость расправы.

С чавкающим звуком голова отвалилась. Бодэн посмотрел на зевак, и его зубы блеснули.

– Мы договаривались, – прохрипел он. – Вот вам то, чего вы хотели, – запомните этот день! – Он швырнул в толпу голову госпожи Гейсен, этакий ком спутанных волос и потеков крови. Громкие вопли ознаменовали ее невидимое приземление.

Появились солдаты – за ними возвышались конные «красные клинки» – и медленно двинулись вперед, отталкивая онемевших горожан. Порядок восстанавливали по всей длине шеренги, жестоко и беспощадно. Когда под ударами мечей упали первые горожане, остальные мигом разбежались.

Изначально заключенных было около трех сотен. Теперь, посмотрев на шеренгу, Фелисин заметила, как мало их осталось. Кое-где кандалы были пусты, в других местах цепи продолжали держать только оторванные запястья. Меньше сотни узников еще стояло на ногах. Многие корчились на мостовой, кричали от боли; остальные вовсе не шевелились.

Бодэн покосился на ближайшую группу солдат:

– Вовремя вы подоспели, жестяные головы.

Геборик тяжело сплюнул. Его лицо подергивалось, когда он уставился на громилу:

– Ты вообразил, что откупишься, Бодэн? Дашь зевакам то, что они хотят? Да только все зря. Солдаты уже шли сюда. А старуха могла бы остаться в живых...

Бодэн медленно обернулся, его лицо покрывала кровавая корка.

– Ради чего, жрец?

– Значит, так ты рассуждаешь? Мол, она бы все равно умерла в трюме, да?

Бодэн оскалился и медленно проговорил:

– Ох, до чего же я ненавижу заключать сделки с ублюдками.

Фелисин посмотрела на три фута цепи, отделявшие ее от разбойника. Было о чем подумать: и о прошлом, и о том, что произошло сегодня. Но она лишь тряхнула головой и вдруг сказала:

– А ты больше ни с кем не заключай сделок, Бодэн.

Он прищурился, глядя на девушку. Эти ее слова и сам тон каким-то образом задели громилу.

Геборик выпрямился и смерил Фелисин взглядом. Она отвернулась: отчасти – чтобы досадить историку, а отчасти – от стыда.

В следующий миг солдаты, которые уже убрали из цепей мертвецов, погнали живых узников вперед, через ворота, на Восточную дорогу, ведущую к портовому городку под названием Неудачник. Там их ждали адъютантесса Тавора и корабли работоторговцев из Арэна.

Крестьяне столпились у дороги, но не выказывали и тени той ярости, которая кипела в сердцах горожан. На их лицах Фелисин увидела совершенно иное выражение – глухую скорбь. Девушка не могла понять, откуда взялась эта скорбь, но чувствовала, что жизнь преподнесет ей еще много уроков, которые придется выучить. Так что синяки и царапины, беспомощность и нагота – это лишь начало.

Книга первая. Рараку

*У ног моих он плыл,
Могучими руками загребая
Песок текущий.
И спросил я: «По какому
Плывешь ты морю?»
На что ответил он:
«Ракушки видел я, и панцири, и кости
В пустыне на песке,
Поэтому плыву по памяти земли,
Так чту ее я прошлое». —
«Далеко ль держишь путь?» — я спросил.
Ответил он: «Не знаю сам.
Ведь утону задолго до того,
Как доберусь до цели».*

Тэни Бьюл. Речи шута

Глава первая

*И все пришли, чтобы оставить
Свой след на том пути,
Вдохнуть ветра сухие
И заявить права
На Восхождение.
Мессремб. Тропа Ладоней*

*1164-й год Сна Огни Десятый год правления императрицы Ласин Шестой из Семи годов
Дриджны (Апокалипсиса)*

Исполинский плюмаж из пыли пронесся по долине и направился дальше, в непроходимые пустоши Пан'потсун-одана. Хотя до этой движущейся воронки было не больше пары сотен шагов, казалось, что она появилась из ниоткуда.

Маппо Рант, стоявший на самой вершине плоского холма, проводил ее взглядом своих удивительных, песочного цвета глаз, глубоко сидевших на костистом бледном лице. В руке, покрытой с наружной стороны щетиной, он сжимал кусочек кактуса-эмрага, не обращая ни малейшего внимания на впившиеся в кожу ядовитые шипы. Потeki сока окрасили его подбородок в голубой цвет. Маппо жевал кактус медленно и задумчиво.

Рядом с ним Икарий швырнул с края гряды камешек. Тот прогрохотал вниз, вплоть до усыпанного валунами подножия. Под изорванным балахоном духовидца (когда-то оранжевым, а теперь выцветшим под немеркнущим солнцем до цвета ржавчины) серая кожа потемнела и стала оливковой, как будто древняя кровь отца Икария откликнулась на зов этой пустыни. Пот стекал по длинным, заплетенным в косицы черным волосам и падал крупными каплями на белесые камни.

Маппо вытащил застрявший между передними зубами шип.

– У тебя краска потекла. – Он поглядел на кактус и откусил еще кусок.

Икарий пожал плечами:

– Теперь уже не важно. Здесь это не имеет значения.

– Даже моя слепая бабушка не поверила бы в твой маскарад. На нас косо смотрели в Эрлитане. Я днем и ночью чувствовал спиной настороженные взгляды. Таннойцы все-таки по большей части низенькие и кривоногие. – Маппо оторвал взгляд от пыльного облака и критически оглядел друга. – В следующий раз попытайся выбрать племя, где все ростом в семь футов, – проворчал он.

Иссеченное морщинами лицо Икария на миг сложилось в улыбке, вернее, в намеке на улыбку, а затем снова приобрело обычное бесстрастное выражение.

– Те, кто могут опознать нас в Семиградье, уже сделали это, а все прочие пусть гадают, коли на большее неспособны. – Прищурившись против солнца, он кивнул в сторону песчаного вихря. – Что ты видишь, Маппо?

– Плоская голова, длинная шея, черный, весь порос шерстью. Кабы только это, был бы похож на одного из моих дядюшек.

– Но это ведь еще не все.

– Одна нога спереди, две – сзади.

Икарий задумчиво постукал пальцем по горбинке носа:

– Значит, это не один из твоих дядюшек. Может, апторианский демон?

Маппо медленно кивнул:

– До схождения всего несколько месяцев. Думаю, Престол Тени почуял что-то и выслал разведчиков.

– Ну и что скажешь про этого аптори?

Маппо ухмыльнулся так, что показались мощные клыки:

– Далековато демон забрался. Теперь служит Ша'ик.

Он доел кактус, вытер широченные ладони и поднялся. Потянулся, выгнул спину и поморщился. Прошлой ночью под его спальным мешком обнаружилось бесчисленное множество скрытых в песке корней, и теперь мышцы по обе стороны хребта в точности повторяли узор этих костяных пальцев несуществующих деревьев. Маппо потер глаза. Глянул на себя и обнаружил изорванную, покрытую коркой грязи одежду. Он вздохнул:

– Говорят, где-то здесь должен быть колодец...

– Возле которого разбила лагерь армия Ша'ик.

Трелль недовольно хмыкнул.

Икарий тоже выпрямился и в который уже раз отметил огромные габариты своего спутника – большого даже по меркам треллей, – широкие, поросшие черным волосом плечи, мускулистые длинные руки. А уж какой он был древний: тысячелетия проносились перед глазами Маппо с резвостью лани.

– Можешь его выследить?

– Если захочешь, смогу.

Икарий скривился:

– Сколько времени мы знакомы, друг мой?

Маппо ответил настороженным взглядом, затем пожал плечами:

– Давно. А что?

– Я умею распознать нежелание в голосе. Тебя тревожит то, что может случиться?

– Любая возможная стычка с демонами меня тревожит, Икарий. Ты же знаешь: этот трелль Маппо труслив как заяц.

– Но я сам не свой от любопытства.

– Понимаю.

Странная парочка вернулась к крошечному лагерю, который разбила между двумя высокими, обтесанными ветром скалами. Друзья не спешили. Икарий присел на плоский камень и продолжил натирать маслом свой длинный лук, чтобы древесина не сохлась. Покончив с этим, он взялся за палаш: вытащил старинное оружие из украшенных бронзовыми пластинами ножен и стал прохаживаться точилом по иззубренному лезвию.

Маппо толчком опрокинул палатку из шкур, небрежно свернул ее и засунул в свой большой кожаный мешок. За палаткой последовали спальные мешки и нехитрая посуда. Трелль затянул тесемки, повесил мешок на плечо и взглянул на Икария, который уже завернул лук в ткань, забросил его за спину и теперь дожидался друга.

Икарий кивнул, и оба – яггут-полукровка и чистокровный трелль – зашагали по тропинке, ведущей в долину.

На небе ярко светили звезды, их сияния хватало, чтобы покрыть растрескавшуюся поверхность долины налетом серебра. Вместе с дневной жарой пропали и кровные слепни, уступив власть над ночью немногочисленным роям накидочников и похожим на летучих мышей ящерицам-ризанам, которые ими питались.

Икарий и Маппо устроили привал на широком дворе посреди каких-то развалин. Стены из глинобитного кирпича почти рассыпались, остались лишь не доходившие до колена гребни, выложенные геометрически правильными узорами вокруг высохшего колодца. Плиты двора покрывал мелкий, принесенный ветром песок, который, как показалось Маппо, тускло мерцал. Жухлый кустарник цеплялся за трещины перекрученными корнями.

В Пан'потсун-одане и священной пустыне Рараку, которая примыкала к нему с запада, было немало таких памятников давно исчезнувшим цивилизациям. По пути Икарий и Маппо

натыкались на высокие телли (холмы с плоскими вершинами, образовавшиеся из многих слоев древних городов), расположенные лигах в пятидесяти друг от друга между холмами и пустыней: явное свидетельство того, что когда-то богатый и процветающий народ жил на земле, которая стала теперь сухой, иссеченной ветрами пустошью. Из священной пустыни пришла и легенда о Дриджне – Апокалипсисе. Маппо поневоле призадумался, насколько бедствие, постигшее жителей этих городов, повлияло на миф о суровой поре разрушений и смерти. За исключением немногих покинутых усадеб вроде той, где путники сейчас расположились на отдых, развалины эти свидетельствовали о войне, грабежах и пожарах.

Маппо поморщился – его мысли двинулись по накатанной колее.

«Прошлое продолжает упорно хранить свои тайны, и сейчас мы ничуть не ближе к их разгадке, чем раньше. Поэтому у меня нет причин не доверять собственным словам».

И, как не раз случалось и прежде, трель привычно отмахнулся от этих мыслей.

Неподалеку от центра двора возвышалась одинокая колонна из розового мрамора, вся покрытая выбоинами и подточенная с одной стороны ветрами, что неустанно налетали из Рараку на холмы Пан'потсуна. На противоположной стороне ее еще сохранились спиральные ложбинки, вырезанные давно умершим каменщиком.

Как только путники вошли во двор, Икарий тотчас направился к этой шестифутовой колонне и стал придирчиво рассматривать ее. Он хмыкнул, и Маппо понял, что его друг нашел то, что искал.

– И что интересного ты заметил? – спросил трель, сбрасывая с плеч кожаный мешок.

Икарий вернулся, отряхивая с рук песок:

– У самого основания – россыпь отпечатков, крошечные когтистые ладошки. Искатели вышли на Тропу.

– Крысы? Неужели целый выводок?

– Д'иверс, – пояснил Икарий.

– И кто же это, хотел бы я знать?

– Вероятно, Гриллен.

– Хм, неприятно.

Икарий окинул взором плоскую равнину на западе:

– Придут и другие. Одиночники и д'иверсы. Те, кто уже близок к Восхождению, и те, кто от него далеки, но все равно ищут Тропу.

Маппо вздохнул, глядя на своего старого друга. Призрачный ужас шевельнулся в его душе.

«Д'иверсы и одиночники, два проклятия оборотничества, неизлечимая хворь. Собираются... здесь. Идут сюда».

– Мудро ли это, Икарий? – мягко спросил трель. – В поисках твоей вечной цели мы сейчас направляемся в самый центр весьма неприятного общества. Если врата откроются, дорогу нам преградит армия кровожадных созданий, объединенных верой в то, что врата ведут к Восхождению.

– Если такой проход существует, – проговорил Икарий, не сводя глаз с горизонта, – возможно, я найду за ним ответы на свои вопросы.

«Эти ответы не принесут тебе облегчения, дружище. Поверь мне. Пожалуйста», – подумал трель. Но вслух сказал:

– Ты мне так и не объяснил, что собираешься делать, когда их получишь.

Икарий обернулся к другу и едва заметно улыбнулся:

– Мое проклятие, Маппо, заключается в том, что я прожил сотни лет, но мало что знаю о своем прошлом. Где мои воспоминания? Как я могу судить о собственной жизни, не обладая этим знанием?

– Многие сочли бы подобное проклятие великим даром, – возразил Маппо, и по лицу его пробежала тень печали.

– Но только не я. Это схождение для меня – шанс получить ответы. Надеюсь, что меня не вынудят обнажать оружие, но я возьмусь за него, если придется.

Трелль снова вздохнул – и поднялся.

– Боюсь, дружище, что до этого дойдет в самом скором времени. – Он взглянул на юго-запад. – По нашему следу идут шесть пустынных волков.

Икарий развернул свой лук и одним плавным движением натянул тетиву.

– Пустынные волки не нападают на людей.

– Это верно, – согласился Маппо. До восхода луны оставался еще целый час. Он увидел, как Икарий выложил перед собой шесть длинных стрел с каменными наконечниками, а затем прищурился, глядя во тьму. Холодный страх пополз вверх по шее. Волков еще не было видно, однако трелль их чувствовал. – Их шесть, но он один. Д'иверс.

«Лучше бы это оказался одиночник. Превращаться в одного зверя – само по себе неприятно, а уж в нескольких сразу...»

Икарий нахмурился:

– И весьма могущественный, коли сумел принять облик шести волков. Не знаешь, кто бы это мог быть?

– Есть подозрение, – тихо проговорил Маппо.

Оба замолчали и стали ждать.

Полдюжины покрытых рыжеватой шерстью зверей появились из неестественного сумрака в тридцати шагах от них. На расстоянии двадцати шагов волки рассыпались полукругом, не спуская глаз с Икария и Маппо. Пряный запах д'иверса заполнил ночной воздух. Один из поджарых хищников шагнул было вперед, но остановился, когда Икарий поднял лук.

– Не шесть, – пробормотал Икарий, – но один.

– Я его знаю, – заявил Маппо. – Жаль только, что сам он того же сказать о нас не может. Он не уверен, но на всякий случай принял звериный облик. Сегодня ночью кровь в пустыне проливает Рилландарас. Интересно, он охотится за нами или за кем-то другим?

Икарий пожал плечами:

– Кто будет говорить первым, Маппо?

– Я, – ответил трелль и шагнул вперед.

«Тут потребуются хитрость и коварство. Ошибка может стоить жизни».

Он произнес низким и хриплым голосом:

– Как я погляжу, далеконок ты от дому убежал, а? Твой брат Трич думал, что убил тебя. Где там находилась эта пропасть? В Дал-Хоне? Или в Ли-Хене? Ты тогда был д'иверсом шакалов, помнится.

Рилландарас заговорил в сознании каждого из них голосом срывающимся и нетвердым, поскольку он очень давно им не пользовался: «Меня мучает искушение посостязаться в остроумии, прежде чем убить тебя, трелль».

– Не стоит, – легко откликнулся Маппо. – Я странствую в такой компании, что, как и ты, давно не упражнялся в этом, Рилландарас.

Ярко-голубые глаза вожака метнулись к Икарию.

– Я не силен в остроловии, – мягко пояснил яггут-полукровка едва слышным голосом, – но я теряю терпение.

«Глупо. Только обаяние может спасти тебя. Скажи мне, лучник, неужто ты вверяешь жизнь хитроумной лжи своего спутника?»

Икарий покачал головой:

– Разумеется, нет. Я разделяю его мнение о себе.

Рилландарас был сбит с толку: «Значит, вы странствуете вместе только ради выгоды. Стали спутниками без взаимного доверия, без уверенности друг в друге. Что же, ставки, должно быть, очень высоки».

– Мне становится скучно, Маппо, – заметил Икарий.

Шесть волков вдруг оцепенели, как один.

«Маппо Рант и Икарий? Ага, теперь мы понимаем, в чем дело. Знайте же, что мы не питаем к вам вражды».

– Благоразумие одержало верх, – заявил Маппо, и его ухмылка на миг стала шире, а затем вовсе исчезла. – Ищи добычу в другом месте, Рилландарас, иначе Икарий может оказать Тричу непрошеную услугу. Ты меня понимаешь? – А про себя добавил: «Иначе он обрушит на мир все то, что я поклялся предотвратить».

«Наши дороги... сходятся там, – сказал в ответ д'иверс, – где пролег след демона Тени...»

– Вовсе даже не Тени, – возразил Маппо. – Этот демон служит Ша'ик. Священная пустыня пробудилась.

«Похоже на то. Вы запрещаете нам охотиться на него?»

Маппо взглянул на Икария, который опустил лук и пожал плечами.

– Если хочешь скрестить клыки с апторианским демоном, это твое дело. Наш интерес он привлек лишь случайно.

«Значит, наши клыки вопьются в горло демону».

– Хочешь сделать Ша'ик своим врагом? – спросил Маппо.

Вожак стаи склонил голову набок: «Это имя мне ничего не говорит».

Оба путника смотрели, как волки отошли восвояси и вновь исчезли в магическом сумраке. Маппо осклабился, затем вздохнул, а Икарий кивнул и произнес вслух то, о чем оба они подумали:

– Ничего, скоро скажет, причем очень многое.

Виканские кавалеристы верещали и дико кричали от восторга, когда сводили своих крепких коней по трапу с имперского грузового корабля. В гавани Хиссара воцарился хаос: всюду толпились буйные кочевники обоих полов, тут и там над заплетенными в косицы черными волосами и остроконечными шлемами поблескивали железные наконечники копий. Расположившись на наблюдательном пункте у парапета припортовой башни, Дукер смотрел на эту жутковатую иноземную армию с большой долей скепсиса и растущей тревогой.

Рядом с имперским историком, сложив на пузе толстые изнеженные руки и распространяя вокруг сильный запах арэнских духов, стоял представитель первого кулака, Маллик Рэл. Он был совершенно не похож на главного советника командира всех малазанских войск в Семиградье. Официально джистальский жрец древнего бога морей, Маэля, должен был поприветствовать от имени первого кулака нового командующего Седьмой армией, однако в действительности это было завуалированным – и хорошо рассчитанным – оскорблением. Впрочем, спохватился Дукер, подобные догадки лучше держать при себе. Маллик Рэл сделал головокружительную карьеру, очень быстро став одним из главных имперских игроков в Семиградье. Чего только не болтали солдаты об этом гладеньком невозмутимом жреце, который приобрел небывалую власть над первым кулаком Пормквалем, но все это говорилось исключительно шепотом, поскольку путь Маллика наверх сопровождался таинственными несчастьями, самым необъяснимым образом постигавшими всякого человека, который мешал ему, и приводившими, как правило, к его гибели.

Политическая трясина, где увязли малазанцы, оккупировавшие Семиградье, была непроясненной и смертельно опасной. Как Дукер подозревал, новый командующий мало что поймет в принятых здесь завуалированных знаках презрения, поскольку недостаточно разбирается в

нюансах местного этикета. Этот человек вообще не был по натуре приспособленцем, а потому неизбежно возникал вопрос: как долго Колтейн из клана Ворона продержится на новом посту?

Маллик Рэл сложил пухлые губы и медленно вздохнул.

– Историк, – тихо проговорил он со своим пришепетывающим гедорско-фаларским акцентом. – Я рад твоему присутствию здесь. Равно как и заинтригован. Далеко же от Арэна ты забрался... – Жрец улыбнулся, но не показал своих выкрашенных зеленой краской зубов. – Полагаю, так проявляется осторожность, порожденная отзвуками Великой чистки, что развернулась ныне в столице.

«Слова катятся, будто волны, коварные в своем обманчивом спокойствии. Ну просто истинный жрец морского бога Маэля. Сегодня я уже в четвертый раз общаюсь с Рэлом. Ох, до чего же я не люблю этого типа!»

Дукер откашлялся.

– Императрица уделяет мне мало внимания, джистал...

Тихий смех Маллика прошелестел, словно погремущка на хвосте змеи.

– Ласин уделяет мало внимания историку или истории? Ты обиделся из-за того, что твой совет отвергли или, того хуже, вообще не выслушали? В любом случае беспокоиться не о чем. Отсюда до башен Унты очень далеко.

– Рад это слышать, – пробормотал Дукер, гадая, откуда ушлый жрец все знает. – Я остался в Хиссаре с исследовательской целью, – объяснил он через некоторое время. – Практика ссылки узников на отатараловые рудники на острове не нова, она уходит корнями во времена императора, хотя он обычно приберегал эту судьбу для магов.

– Для магов? Любопытно.

Дукер кивнул:

– Наказание весьма действенное, однако последствия его непредсказуемы. Как известно, отатараловая руда способна подавлять магию, однако свойства ее еще до конца не изучены. Большинство сосланных сюда чародеев лишились рассудка, но до сих пор неизвестно, что стало тому причиной: отатараловая пыль или же невозможность коснуться своего Пути.

– А среди следующей партии узников есть маги?

– Да, есть несколько.

– Тогда ты вскоре получишь ответ на свой вопрос.

– Возможно, – согласился Дукер.

Т-образную пристань захлестнула волна воинственных виканцев, перепуганных портовых рабочих и недовольно храпящих боевых коней. В самом начале пристани, возле полукруглой мощеной площади, словно пробка в горлышке огромной бутылки, застыл кордон хиссарской стражи. Стражники – все родом из Семиградья, – подняв круглые щиты и обнажив тальвары¹, грозили широкими изогнутыми клинками виканцам, которые нисколько их не боялись, а, напротив, лишь всячески подначивали.

К парапету подошли двое. Дукер кивнул в знак приветствия. Маллик Рэл не удосужился заметить ни бывалого вояку-капитана, ни последнего выжившего кадрового мага Седьмой армии. Оба явно были слишком мелкими сошками, чтобы представлять интерес для бывшего жреца.

– Знаете, Кальп, – сказал Дукер приземистому седовласому чародею, – а вы, похоже, очень вовремя.

Узкое, обожженное солнцем лицо Кальпа скривилось в невеселой ухмылке.

¹ *Тальвар* – сабля со слабо или умеренно изогнутым клинком, длиной до 1 м. Ее отличительная особенность – эфес с дискообразным навершием. Носилась на поясе или перевязи, переброшенной через плечо. В нашей реальности была распространена в Северной Индии в эпоху Великих Моголов. – *Здесь и далее примечания В. Аренева.*

– Я сюда сбежал, чтобы мясо на костях удержать, Дукер. Не желаю становиться мягким ковриком, с которого Колтейн шагнет прямо на свой пост. Это ведь все его люди, в конце концов. А он палец о палец не ударил, чтобы предотвратить грядущую драку. Это не делает ему чести.

Капитан согласно заворчал.

– Этот Колтейн – ну прямо кость в горле! – буркнул он. – Да, между прочим, половина местных офицеров впервые пролила кровь, сражаясь с этим ублюдком, а теперь он, видите ли, явился, чтобы принять командование. Худовы костяшки! – Капитан сплюнул. – Никто и слезинки не уронит, если хиссарская стража прирежет Колтейна и всех его виканских дикарей прямо на причале. Седьмой армии они не нужны.

– Угроза восстания вполне реальна, – полуприкрыв глаза, сказал Маллик Рэл. Обращался бывший жрец исключительно к Дукеру. Семиградье – настоящее гадючье гнездо. И Колтейн – довольно странный выбор...

– Ну, не такой уж и странный, – заметил историк, пожимая плечами.

Он снова сосредоточил внимание на том, что происходило внизу. Виканцы на причале принялись расхаживать туда-сюда перед закованным в броню семиградским кордоном. До начала полномасштабной битвы оставались считанные секунды: сейчас «бутылочное горлышко» станет полем смерти. Историк почувствовал холодок в животе, когда увидел, что многие виканцы уже натягивают тетиву на роговые луки. По улице, справа от главной колоннады, подошла еще одна рота стражников с пиками.

– Можете объяснить, что вы имели в виду? – попросил Кальп.

Дукер обернулся и с удивлением обнаружил, что все трое внимательно смотрят на него. Историк припомнил свое последнее замечание и снова пожал плечами:

– Колтейн в свое время объединил виканские племена для восстания против Малазанской империи. Покойному Келланведу нелегко было совладать с ними – это некоторые из вас знают по личному опыту. Но старый император остался верен своим привычкам и сумел, как всегда, превратить врага в союзника...

– Но как ему это удавалось? – заинтересовался Кальп.

– Никто не знает. – Дукер улыбнулся. – Келланвед редко объяснял причины своих успехов. Как бы там ни было, поскольку императрица Ласин не слишком-то жаловала любимых полководцев своего предшественника, Колтейн до сих пор гнил где-то в глухомани в Квон-Тали. Теперь положение изменилось. Адьюнктесса Лорн убита в Даруджистане, верховный кулак Дуджек Однорукий и его армия подняли мятеж и фактически провалили всю кампанию на Генабакисе, а здесь, в Семиградье, приближается год Дриджны, когда, согласно пророчествам, восстание неминуемо. Ласин нужны умелые военачальники, пока ситуация не вышла из-под контроля. Новая адьюнктесса – Тавора – еще не прошла проверку. Поэтому...

– ...Императрица вспомнила про Колтейна. – Капитан кивнул и нахмурился пуще прежнего. – И отправила его сюда командовать Седьмой армией, чтобы задушить восстание...

– В конце концов, – сухо заметил Дукер, – кто лучше сумеет подавить мятеж, чем полководец, который прежде и сам был мятежником?

– Коль вспыхнет бунт, шансы его невелики, – проговорил Маллик Рэл, не сводя глаз с происходящего на причале.

Дукер увидел, как блеснули тальвары, заметил, что виканцы отступили и обнажили свои длинные ножи. Кажется, дикари нашли себе предводителя – высокого грозного воина с фетишами, вплетенными в длинные косы: он теперь ревел, подбадривая других и потрясая оружием над головой.

– Худова плешь! – выругался историк. – Ну и где же этот проклятый Колтейн?

Капитан хохотнул:

– Да вон тот, высокий, который размахивает длинным ножом.

Глаза Дукера округлились.

«Этот сумасшедший – Колтейн? Новый кулак Седьмой армии?»

– Ни капельки не изменился, как я погляжу, – продолжил капитан. – Если хочешь сохранить голову на плечах среди всех этих виканских кланов, нужно быть более злобным, чем все остальные, вместе взятые. За что, думаете, старый император так любил его?

– Храни нас Беру! – с ужасом прошептал Дукер.

Вздых спустя пронзительный вопль Колтейна заставил всех виканцев замолчать. Клинки скользнули обратно в ножны, луки опустились, а стрелы вернулись в колчаны. Даже норовистые, злобные кони замерли, подняв головы и наострив уши. Вокруг Колтейна, который повернулся спиной к стражникам, образовалось пустое пространство. Высокий воин взмахнул рукой, и четверо на башне увидели, как в полной тишине всех лошадей аккуратно оседлали. Меньше чем через минуту виканцы уже были верхом и выстроили коней в плотный строй, который мог бы соперничать с парадным каре элитной малазанской кавалерии.

– Вот это, – сказал Дукер, – было проделано великолепно.

Маллик Рэл тихонько вздохнул:

– Дикарское поведение, звериное чутье, высокомерное презрение к опасности. Похоже, послание сие было адресовано не только стражникам, но и всем нам тоже.

– Если хотите знать мое мнение, то Колтейн – хитрый змей, – заметил капитан. – И коли верховное командование в Арэне считает, что его легко будет обвести вокруг пальца, их ждет неприятный сюрприз.

– Благодарю великодушно за предупреждение, – хмыкнул Рэл.

Капитан испуганно скривился. Ну надо же было такое ляпнуть! Он явно упустил из виду, что бывший жрец имеет самое непосредственное отношение к верховному командованию.

Калып откашлялся:

– Колтейн выстроил виканцев для марша. Думаю, дорога до казарм окажется, как это ни странно, вполне мирной.

– Признаюсь, – с сухой иронией заметил Дукер, – я с нетерпением жду встречи с новым кулаком Седьмой армии.

Не сводя с пирса глаз под тяжелыми веками, Рэл кивнул:

– И я тоже.

Оставив позади острова Скара, рыбацкий баркас двинулся на юг и вышел в море Кансу. Его треугольный парус надулся и поскрипывал. Если ветер продержится, можно будет добраться до эрлитанского побережья часа за четыре. Скрипач нахмурился сильнее.

«Эрлитанское побережье, Семиградье. Терпеть не могу этот треклятый континент. И в первый-то раз я его возненавидел, а теперь уж и подавно».

Он перегнулся через планширь и сплюнул в теплые зеленые волны.

– Ну что, полегчало тебе? – спросил с носа Крокус, и на его юном загорелом лице отразилась искренняя забота.

Ох, до чего же старому саперу захотелось съездить прямо по этой роже! Однако он лишь невнятно заворчал и снова привалился к борту.

От руля донесся громкий смех Калама:

– Скрипач у нас с морем не в ладах, парень. Только глянь на него: зеленее, чем твоя летучая мартышка!

Кто-то сочувственно засопел рядом со щекой Скрипача. Он приоткрыл покрасневший глаз и увидел маленькое сморщенное личико.

– Проваливай, Моби, – прохрипел сжигатель мостов.

Фамилляр, который прежде служил дяде Крокуса, покойному историку Маммоту, теперь, кажется, прибил к саперу, как это частенько делали бездомные собаки и кошки. Калам, правда, утверждал, что его друг и сам прикипел душой к осиротевшему животному.

– Ох уж этот Калам! – прошептал Скрипач. – Все бы ему врать... А ведь это по его милости они целую неделю проторчали в Руту-Джелбе, в надежде, что в гавань зайдет какой-нибудь торговец из Скрея.

«„Поплывем с удобствами, а, Скрипач?“ – так говорил Калам. Ха, как будто бы это важно, они ведь вполне могли и без всяких удобств пересечь растреклятый океан. Подумать только, целую неделю провели в Руту-Джелбе, этой выгребной яме, где, куда ни глянь, одни ящерицы ползают вдоль кирпичных стен. Ну и чем в результате дело закончилось? Пришлось заплатить восемь джакат за этот пополам распиленный пивной бочонок, где дырка пробкой заткнута».

Равномерное покачивание на волнах на несколько часов усыпило Скрипача. А теперь его память вновь обратилась к невыносимо длинному путешествию, которое привело их сюда, и к невыносимо долгому странствию, что ждало их впереди.

«Никогда мы не ищем легких путей, верно? – Сапер не возражал бы, если бы вообще все моря высохли. – Недаром человеку ноги даны, а не плавники. Поскорее бы уж оказаться на суше. Хотя даже там нас не ждет ничего хорошего: нужно ведь еще пройти через полную мух пустошь, где люди улыбаются, только чтобы объявить, что сейчас тебя прирежут».

А день тянулся дальше, и все вокруг покачивалось в зеленоватом мареве.

Скрипач подумал о товарищах, которые остались в Генабакисе, и пожалел, что не смог отправиться вместе с ними на войну с Паннионским Провидцем.

«Вообще-то, они сражаются с религиозным фанатиком, – напомнил он себе. – А такие войны – штука скверная. Фанатики никогда не руководствуются здравым смыслом».

И все равно сжигатель мостов чувствовал себя обездоленным, расставшись со своим взводом, ведь долгие годы он не знал иной жизни.

«Один Калам остался из старой компании, но он уроженец Семиградья. И кстати, тоже улыбается перед тем, как убить. А ведь Калам до сих пор так толком и не объяснил мне, что именно они с Быстрым Беном задумали».

Тут чья-то мягкая рука коснулась его плеча, и Скрипач по голосу понял, что это Апсалар.

– Смотрите, опять летучие рыбы! – воскликнула девушка. – Сотни рыб!

– Видать, кто-то гонит их из самых глубин, – проговорил Калам.

Скрипач со стоном оттолкнулся от борта и сел прямо. Моби тут же, воспользовавшись моментом, свернулся у него на коленях и закрыл свои желтые глаза. Сапер ухватился за планширь и вместе с тремя спутниками уставился на косяк летучих рыб, который показался в сотне ярдов по правому борту. Молочно-белые рыбины длиной в руку взлетали в воздух, опускались обратно на волны, футов тридцать плыли вдоль поверхности, а затем снова уходили на глубину. В море Кансу летучие рыбы были хищниками вроде акул: один их косяк за считанные минуты мог разорвать в клочья кита. Благодаря способности летать они падали на спину киту, когда тот поднимался на поверхность, чтобы глотнуть воздуха.

– Да кто же, во имя Маэля, охотится на них самих?

Калам нахмурился:

– Да никто тут, в Кансу, на них не охотится. В Ловцовой бездне водятся, конечно, дхэнраби...

– Дхэнраби! Ох, вот это ты меня утешил, Калам! Просто слов нет!

– Это какой-то морской змей? – спросил Крокус.

– Представь себе многоножку длиной в восемьдесят шагов, – ответил Скрипач, – которая запросто обхватывает китов и корабли, крепко их сжимает и идет ко дну, словно камень, – вместе с добычей.

– Дхэнраби очень мало, – сказал Калам, – и никогда прежде они не были замечены на мелководье.

– До сегодняшнего дня, – возразил Крокус; в голосе его звенела тревога.

И тут, бешено мотая головой и выхватывая добычу широкой, острой как бритва пастью, среди летучих рыб и впрямь вынырнул дхэнраби. Голова его была огромной – не меньше десяти саженей в ширину, а темно-зеленую чешую чудовища покрывал слой ракушек. Удивительное создание на самом деле напоминало гигантскую многоножку.

– Говоришь, восемьдесят шагов в длину? – прошипел Скрипач. – Только если его пополам распилить!

Калам поднялся у руля:

– Берись за парус, Крокус. Сейчас будем удирать. На запад.

Скрипач спихнул взвизгнувшего Моби с коленей, раскрыл заплечный мешок и стал торопливо распаковывать арбалет.

– Если этот монстр решит, что мы вкусные, Калам...

– Знаю, – прорычал убийца.

Быстро собирая крупные железные части своего оружия, Скрипач поднял глаза и встретил перепуганный взгляд Апсалар. Ее лицо побелело от испуга. Сапер подмигнул ей:

– Есть у меня один сюрприз, если этот монстр захочет нами пообедать.

Девушка кивнула:

– Я помню...

И тут дхэнраби их увидел. Отвернувшись от косяка летучих рыб, он, извиваясь, заскользил по волнам к баркасу.

– А ведь это не обычная тварь, – пробормотал Калам. – Чуешь то же, что и я, Скрипач? «Пряный, горьковатый запах».

– Худов дух! Да это же одиночник!

– Кто? – переспросил Крокус. – Какой еще одиночник?

– Оборотень, – пояснил Калам.

В голове Скрипача вдруг зазвучал скрежещущий голос – и по выражениям лиц своих спутников сапер понял, что они тоже его услышали: «Смертные, не повезло вам увидеть меня в пути. – Скрипач фыркнул. Судя по голосу, никакого сожаления чудовище не испытывало. А мерзкая тварь продолжала: – Поэтому вам придется умереть, хотя я и не стану осквернять вашу плоть и пожирать ее».

– Очень мило с твоей стороны, – пробормотал сжигатель мостов, укладывая толстую стрелу на ложе арбалета. Железный наконечник на ней заменял глиняный шар размером с грейпфрут.

«Еще одна рыбацкая лодка таинственным образом пропала без следа, – иронично говорил дхэнраби. – Увы и ах».

Скрипач подобрался к корме и присел рядом с Каламом. Убийца выпрямился и обратился к дхэнраби, одной рукой удерживая руль:

– Одиночник! Плыви своей дорогой – нам нет дела до твоего странствия!

«Я убью вас без излишней жестокости».

Огромная тварь рванулась к корме баркаса, рассекая воду, как корабль с острым килем. Пасть его широко распахнулась.

– Ну смотри, тебя предупреждали, – буркнул Скрипач, поднял арбалет, прицелился и выстрелил.

Стрела влетела в раскрытую пасть чудовища. Дхэнраби молниеносно сомкнул челюсти, его тонкие зазубренные клыки легко разрезали древко и разбили глиняный шар, так что в воздух посыпался скрытый в нем порошок. Последовал громогласный взрыв, который разнес голову монстра на куски.

В воду со всех сторон полетели обломки черепа и куски серой плоти. Зажигательная смесь и дальше жгла все, к чему прикасалась, так что вверх с шипением устремились облака пара. Безголовое тело продолжало по инерции двигаться вперед; оно оказалось в четырех саженях от баркаса и лишь потом, погрузившись в воду, исчезло из виду – а последнее эхо взрыва по-прежнему звучало над волнами. Над морем поднимались небольшие клубы дыма.

– Не тех рыбаков ты выбрал, приятель, – хмыкнул Скрипач, опуская оружие.

Калам снова сел у руля и повел баркас на юг. В воздухе повисла странная тишина. Сапер разобрал арбалет и заново упаковал его в промасленную ткань. Как только Скрипач уселся обратно на свое место, Моби снова забрался к нему на колени. Вздыхнув, он почесал обезьянку за ухом.

– Ну что скажешь, Калам? И как это понимать?

– Сам не знаю, – признался убийца. – Что привело одиночника в море Кансу? Почему он хотел, чтобы его передвижение осталось в тайне?

– Если бы тут был Быстрый Бен...

– Да вот только его здесь нет, Скрипач. Придется нам записать это происшествие в загадки и надеяться, что с другими оборотнями мы не столкнемся.

– Думаешь, это связано с?..

Калам скривился:

– Нет, вряд ли.

– С чем связано? – не выдержал Крокус. – О чем вы оба говорите?

– Так, просто гадаем, – ответил Скрипач. – Одиночник плыл на юг. Как и мы.

– И?

Скрипач пожал плечами:

– И... все. Больше ничего. – Он снова сплюнул за борт и опустил на палубу. – Я с перепугу даже про морскую болезнь позабыл. А теперь вот опять вспомнил, будь она неладна.

Все замолчали, но угрюмое выражение лица Крокуса подсказывало саперу, что юноша очень скоро примется допрашивать их снова.

Продолжал дуть сильный, ровный ветер, который быстро гнал баркас на юг. Не прошло и трех часов, как Апсалар крикнула, что видит впереди землю, а еще через сорок минут Калам повернул судно и повел его вдоль побережья Эрлитана, в полулиге от кромки прибоя. Они плыли на запад, вдоль поросшей кедрами гряды, а день медленно клонился к вечеру.

– Кажется, я вижу всадников, – объявила Апсалар.

Скрипач поднял голову и вместе с остальными посмотрел на вереницу всадников, которые скакали вдоль берега по гряде.

– Я насчитал шестерых, – сказал Калам. – И у второго конника...

– ...Имперская хоругвь, – закончил Скрипач и поморщился от неприятного привкуса рту. – Курьер и эскорт уланов...

– Скачут в Эрлитан, – добавил Калам.

Скрипач обернулся и посмотрел в глаза капралу: «У нас, похоже, неприятности?»

«Вполне возможно».

Ни один из них не произнес вслух ни слова, но они прекрасно поняли друг друга – слишком много лет сражались бок о бок.

– Что-то не так? – насторожился Крокус.

«А мальчишка-то соображает».

– Сложно сказать, – пробормотал Скрипач. – Да, они нас заметили, но что они видели? Четверых рыбаков на баркасе: семья из Скрея направляется в порт, чтобы погулять по большому городу.

– На юге есть деревенька, сразу за рошей, – сказал Калам. – Не пропусти устье речушки, Крокус, и пляж без плавника: дома там с подветренной стороны гряды. Хорошая у меня память, а, Скрипач?

– Неплохая, но поскольку ты местный, то удивляться не приходится. И сколько оттуда до города?

– Десять часов пешком.

– Так близко?

– Ага.

Скрипач замолчал. Имперский курьер и его охрана спустились с гряды и, повернув на юг, к Эрлитану, скрылись из виду. Согласно плану, путешественники должны были приплыть прямо в древнюю людную гавань священного города так, чтобы никто не обратил на них внимания. Скорее всего, курьер вез послание, которое вовсе их не касалось, – они ничем не выдали себя с тех пор, как добрались до имперского порта Каракаранг из Генабакиса. Они приплыли туда на торговом судне синих морантов, а в качестве оплаты за проезд работали на корабле наравне с матросами. Дорога по суше из Каракаранга в Руту-Джелбу шла через Талгайские горы: это был излюбленный маршрут таннойских паломников, так что затеряться среди множества народа труда не составило. Да и затем, всю неделю в Руту-Джелбе, они вели себя тише воды ниже травы. Только Калам выходил каждую ночь на прогулку в портовый квартал, чтобы найти корабль, который перевезет их через Отатараловое море на материк.

В самом худшем случае кто-нибудь из чиновников получил донесение о том, что два вероятных дезертира в компании генабакийца и какой-то девчонки прибыли на земли империи, – вряд ли такая весть способна всколыхнуть малазанское осиное гнездо аж до самого Эрлитана. Так что Калам, скорее всего, просто проявляет свою обычную подозрительность.

– Вижу устье речки, – объявил Крокус, указывая на берег.

Скрипач покосился на Калама, и между ними вновь произошел безмолвный разговор: «Враждебные земли. Ну что, дружище, придется нам затаиться?»

«Будем скакать тихо, словно кузнечики, Скрипач».

«Ох, Худов дух!»

Сапер снова посмотрел на берег, побледнел и прошептал:

– Ненавижу Семиградье. – У него на коленях заворочался и зевнул Моби, распахнув пасть, полную тонких и острых как иглы зубов. – Ты спи сколько хочешь, малыш, – сказал Скрипач и поежился.

Калам повернул руль. Крокус занялся парусом: за два месяца пути через Ловцову бездну юноша набрался опыта, так что баркас легко шел по ветру, а истрепанный парус едва приподнимал переднюю шкаторину². Апсалар поерзала на скамье, потянулась и одарила Скрипача улыбкой. Сапер нахмурился и отвел глаза.

«Тряхани меня Огнь, надо следить за собой: нечего рот разевать всякий раз, как девчонка мне улыбается. Апсалар ведь когда-то была совсем другой. Безжалостной убийцей, клинком бога. Такое вытворяла, что и вспомнить страшно... К тому же она ведь сейчас вместе с Крокусом, так? Вот мальчишке счастье привалило, а на мою долю остались лишь траченные оспой каракарангские шлюхи... – Сапер встряхнулся и заключил: – Эх, Скрипач, слишком долго ты пробыл в море, это явно не пошло тебе на пользу!»

– Никаких лодок я не вижу, – заметил Крокус.

– Они в верховье реки, – проямлил сжигатель мостов и поскреб в бороде ногтями, пытаясь выгнать оттуда вошь. Вскоре он поймал ее, раздавил и бросил за борт.

«Десять часов пешком, а потом – Эрлитан, и баня, и бритье, и молодая кансуанка с гребнем, да еще целая ночь в придачу».

² Шкаторина – кромка паруса.

Крокус толкнул его в бок:

– Что, Скрипач, воспоминания оживают?

– И представить себе не можешь, сколько тут всего случилось.

– Ты же был здесь во время завоевания, да? Когда Калам еще сражался в другом лагере – за святых фалах'дов Семиградья, – но на стороне императора выступили т'лан имассы и...

– Хватит! – Скрипач отмахнулся. – Мне это напоминать не надо, и Каламу тоже. Все войны – дерьмо, но эта оказалась похуже прочих.

– А правда, что ты был в отряде, который гнался за Быстрым Беном по священной пустыне Рараку, а Калам служил вам проводником, только они с Беном задумали вас предать, но Скворец это уже понял и...

Скрипач гневно возрился на Калама:

– Одна ночь в Руту-Джелбе за кувшином фаларского рома – и этот малец знает больше, чем любой имперский историк! – Сапер снова обернулся к Крокусу. – Слушай, сынок, лучше тебе побыстрее забыть все, что этот пьяница наговорил тебе той ночью. Прошлого и так уже сидит у нас на хвосте – не надо ему помогать.

Крокус провел рукой по своим длинным черным волосам.

– Ладно, – тихо сказал он, – но если в Семиградье так опасно, то почему мы не отправились прямо в Квон-Тали, где прежде жила Апсарар, чтобы найти ее отца? Зачем мы так старательно прячемся, да еще и на другом континенте?

– Все не так просто, – проворчал Калам.

– Да в чем дело-то, можете объяснить? Я думал, что мы отправились в путь ради Апсарар. – Крокус взял руку девушки и нежно сжал ее в ладонях, наградив при этом Калама и Скрипача суровым взглядом. – Вы оба сказали, что считаете своим долгом ей помочь. Дескать, то, что произошло с нею, было несправедливо, и вы хотите все исправить. Но теперь я начинаю думать, что это только одна из причин. На самом деле вы двое что-то задумали. Решили сопровождать Апсарар домой? Ха, да это только повод, чтобы вернуться в эту свою Малазанскую империю, хоть вас там официально объявили вне закона. И что бы такое ни было у вас на уме, вам обязательно нужно было попасть сюда, в Семиградье. И в результате нам сейчас приходится прятаться, всего пугаться, шарахаться от каждой тени, будто за нами гонится вся малазанская рать. – Он замолчал, глубоко вздохнул и продолжил: – Вот что, мы с Апсарар имеем право знать правду, потому что вы подвергаете нас обоим опасности, а мы даже не в курсе, какой именно и зачем, да и вообще ничего не понимаем. Так что начинайте рассказывать. Сейчас же.

Скрипач откинулся на планширь. Взглянул на Калама и вопросительно приподнял брови:

– Ну что, капрал? Ты не против просветить парнишку?

– Озвучивай список по пунктам, Скрипач, – приказал Калам.

Тот кивнул:

– Значит, так. Императрица хочет заполучить Даруджистан. – Сапер посмотрел в глаза Крокусу. – С этим, надеюсь, ты спорить не будешь? Это ясно?

Парнишка заколебался, затем кивнул. Сжигатель мостов продолжил:

– Ну а если Ласин чего-то хочет, то она обычно это получает – рано или поздно. Тому, как известно, есть прецеденты. И она уже один раз попыталась захватить твой родной город, верно, Крокус? При этом потеряла адъюнктессу Лорн, двух имперских демонов и верность верховного кулака Дуджека Однорукого, не говоря уже о сжигателях мостов. Этого любому хватит, чтобы хорошенько призадуматься.

– Ну да. Но какое это имеет отношение к...

– Не перебивай. Капрал приказал озвучить список по пунктам, что я и делаю. Ты пока ничего не упустил? Хорошо. На этот раз Даруджистан ускользнул от Ласин, но впредь она станет действовать наверняка. Если, конечно, вообще будет следующий раз.

– Ну-у, – мрачно протянул Крокус, – а почему бы ему и не быть? Ты же сам сказал: императрица всегда получает то, чего хочет.

– А ты ведь любишь свой город, Крокус?

– Конечно люблю!

– Значит, ты сделаешь все, чтобы не позволить малазанцам его покорить?

– Ну да, но...

– Капрал. – Скрипач обернулся к Каламу. – Говори дальше ты.

Крепкий чернокожий солдат посмотрел на волны, вздохнул, а затем кивнул и обернулся к Крокусу:

– В общем, так, парень. Время пришло. Я иду за ней.

Даруджиец, кажется, ничего не понял, но Скрипач увидел, как глаза Апсалар расширились, а кровь отлила от лица. Вдруг девушка криво ухмыльнулась – и Скрипач похолодел, увидев это знакомое по прежним временам пугающее выражение ее лица.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду, – сказал Крокус. – За кем ты идешь? За императрицей? В каком смысле?

– Он имеет в виду, – объяснила Апсалар, с той, прежней улыбкой, которая принадлежала ей давно, когда девушка была... *другим существом*, – что собирается найти Ласин и убить ее.

– Что?! – Крокус подскочил и чуть не вывалился за борт. – Ты? Ты и измученный морской болезнью сапер с поломанной скрипкой за спиной решили убрать императрицу? И ты думаешь, что мы поможем тебе в этом безумном, самоубийственном...

– Я вспомнила, – вдруг проговорила Апсалар и прищурилась, глядя на Калама.

Крокус обернулся к ней:

– Что ты вспомнила?

– Насчет Калама. Он был клинком одного из фалах'дов, а когти поручили ему командовать пятерней. Калам – профессиональный убийца, Крокус. А Быстрый Бен...

– В трех тысячах лиг отсюда! – закричал Крокус. – Он же взводный маг, Худовы пятки! Всего-навсего убогий, жалкий взводный чародей!

– Не совсем так, – заметил Скрипач. – И то, что он сейчас далеко, ничего не значит, сынок. Быстрый Бен – наша карта в рукаве.

– Чего-чего? – изумился Крокус.

– У хорошего игрока всегда найдется в запасе подходящая карта, если ты понимаешь, о чем я. А что до «рукава», так это магический Путь Быстрого Бена, по которому он может явиться к Каламу за пару ударов сердца, где бы тот ни находился. Вот так-то, приятель: Калам хочет попытаться расправиться с императрицей, но тут потребуется толковый план, тщательная подготовка. И начинается все здесь, в Семиградье. Хочешь, чтобы Даруджистан навеки остался свободным? Тогда Ласин должна умереть.

Крокус медленно сел.

– Но разве императрица сейчас не в Квон-Тали? Почему вы выбрали Семиградье?

– Да потому, парень, – пояснил Калам, направляя баркас в устье речушки, – что в Семиградье вскоре станет жарко.

– В каком смысле?

Убийца осклабился:

– Здесь вот-вот вспыхнет мятеж.

Скрипач обернулся и оглядел зловонные заросли по берегам речки. «И вот эта часть плана, – сказал он себе, чувствуя холод в животе, – нравится мне меньше всего. Мало радости гоняться за очередной безумной идеей Быстрого Бена по земле, которая буквально пылает у тебя под ногами».

Через минуту баркас прошел поворот, и показалась деревушка – несколько мазанок стояли полукругом у песчаной отмели, на которой виднелись рыбацкие ялики. Калам приналег

на руль, и нос баркаса повернулся к берегу. Когда киль коснулся дна, Скрипач перевалился через планширь и ступил на твердую землю, а проснувшийся Моби всеми четырьмя лапками вцепился в его тунику на груди. Не обращая внимания на повизгивавшую обезьянку, Скрипач медленно распрямился.

– Ну вот, – вздохнул он, когда первая из деревенских дворняжек подняла лай, сообщая всем об их прибытии, – началось.

Глава вторая

До сих пор многие почему-то с легкостью упускают из вида то важнейшее обстоятельство, что верховное командование в Арэне было поражено предательством, раздорами, соперничеством и интригами... Предполагать, что оно (верховное командование) пребывало в неведении относительно того, какие настроения царят на окраинах, в лучшем случае наивно, а в худшем – цинично...

Кулларан. Восстание Ша'ик

Дождь размывал охряно-красный отпечаток ладони на стене, и багровые ручейки стекали между обожженными кирпичами вниз. Сгорбившись под не по сезону обильным ливнем, Дукер смотрел, как отпечаток медленно исчезает, и жалел, что погода нынче не выдалась сухой и что он не нашел этого знака, прежде чем дождь уничтожил его: ведь тогда, возможно, историк сумел бы что-нибудь узнать о ладони, которая оставила метку здесь, на внешней стене старого дворца фалах'да в самом сердце Хиссара.

В многочисленных культурах Семиградья хватало символов: то был тайный пиктографический язык невразумительных знаков, которые имели огромное значение для местных. Благодаря этим символам происходил сложный диалог, не понятный ни одному из малазанцев. Далеко не сразу, лишь спустя долгие месяцы жизни здесь, Дукер начал осознавать опасность такого невежества. С приближением года Дриджны подобные символы стали встречаться повсюду в изобилии, буквально все стены в городах вдруг стали свитками, исписанными тайным кодом. Ветер, солнце и дождь надежно очищали свитки, чтобы освободить место для следующих посланий.

«А семиградцам, похоже, сейчас надо многое сказать друг другу».

Дукер встряхнулся, пытаясь расслабить напряженные плечи и шею. Любые предупреждения, которые он посылал верховному командованию, судя по всему, оставались не услышанными. В этих символах была определенная система, но Дукер, видимо, оказался единственным малазанцем, который желал расшифровать этот код или, по меньшей мере, осознавал опасность невежества в подобных вопросах.

Историк поглубже надвинул капюшон, пытаясь прикрыть лицо от дождя, и почувствовал, как струйки воды потекли по предплечьям, когда широкие рукава балахона-телабы на миг открылись под ливнем. Отпечаток ладони уже смыло начисто. Дукер зашагал дальше.

Потоки воды лились с вымощенных булыжниками террас под стенами дворца и устремлялись в канавы, пересекавшие каждую улицу и каждый переулок. Напротив мощной дворцовой стены навесы над крошечными лавочками опасно накренились. Из холодных теней в щелях, что именовались здесь прилавками и витринами, Дукера провожали взглядами мрачные торговцы.

Если не считать жалких осликов и редких выючных лошадей, улицы были практически пусты. Несмотря на прохладные ветра, которые изредка дули с Сахульского моря, Хиссар был городом, рожденным засушливым жаром пустыни. Хотя Малазанская империя, завоевав эти территории, и сделала его главным портом Семиградья, город и его обитатели жили словно бы повернувшись к морю спиной.

Дукер оставил позади узкие улочки и старые дома, приютившиеся под стенами дворца, и вышел к Колоннаде Дриджны – улице, которая копьем пронзала сердце Хиссара. Ветви гульдиндх, обрамлявших проезжую часть, безостановочно дрожали оттого, что дождь поглаживал их охряную листву. По обеим сторонам тянулись приусадебные сады – в большинстве своем не огороженные, открытые для глаз прохожих. Ливень сбил цветы с кустов и карликовых деревьев, заполнив тротуары белыми, алыми и розовыми лепестками.

Историк пригнулся под очередным порывом ветра, почувствовав на губах привкус соли – напоминание о том, что в тысяче шагов справа бушует море. Там, где улица, названная в честь Дриджны, резко сужалась, проезжая часть превратилась в месиво из расколотой брусчатки и глиняных черепков, а гордый орешник уступил место чахламу пустынному кустарнику. Эта перемена застала Дукера врасплох, и он оказался по щиколотку в грязной воде, прежде чем понял, что вышел на окраину города. Щурясь от потоков дождя, историк огляделся.

Слева, едва заметная за струями воды, тянулась стена Имперского гарнизона. Из-за ее высокого гребня к небу пробивался дым. Справа, намного ближе, располагалось хаотическое скопление кожаных шатров, коней, верблюдов и повозок – лагерь торговцев, которые недавно прибыли из Сиалк-одана.

Поплотнее запахнув полы телабы, Дукер повернул направо. Ливень был достаточно сильным, чтобы скрыть звук его шагов от собак, когда он вошел в узкий грязный проход между шатрами. На перепутье историк задержался. Напротив стоял большой, поблескивавший янтарным цветом шатер, стенки которого украшала россыпь нарисованных краской символов. Из-под полога струйкой сочился дым. Дукер двинулся через перекресток и задержался лишь на миг, прежде чем откинуть полог и войти.

Рев голосов, пронизывающий волны горячего, влажного от пара воздуха, обрушился на Дукера, когда он остановился, чтобы стряхнуть с балахона воду. Со всех сторон кричали, ругались, смеялись; запахи дурханга, благовоний, жареного мяса, кислого вина и сладкого эля окутали историка, пока тот оглядывался по сторонам. Слева весело звенели, падая в горшок между несколькими игроками, монетки; прямо перед ним через толпу ловко пробирался тапу, сжимая в каждой руке по вертелу с жареным мясом и фруктами. Дукер вскинул руку, чтобы привлечь внимание разносчика.

– Самая лучшая козлятина, клянусь! – подходя поближе, воскликнул тапу на дебральском диалекте, распространенном среди жителей побережья. – Козлятина, а не какая-нибудь там собачатина, досий! Понюхай сам, какой аромат! И всего-то прошу «обрезник» за такую вкуснятину! Разве столько с тебя возьмут в Досин-Пали?

Дукер родился на равнинах Дал-Хона, и его темная кожа была того же оттенка, что и у местных дебральцев; он носил морскую телабу торговца из островного города Досин-Пали и говорил на тамошнем наречии без малейшего акцента. Поэтому не было ничего удивительного в том, что его постоянно принимали за досия.

Услышав, как тапу расхваливает свой товар, Дукер ухмыльнулся:

– Там даже собачатина стоит дороже, тапухарал. – Он вытащил две местные монеты с изображением полумесяца – примерно равных одному «обрезнику», как здесь называли имперскую серебряную джакату. – Но если ты воображаешь, что мезланы легко расстанутся с серебром у нас на острове, ты глупец или того хуже!

Мезланами в Семиградье презрительно именовали малазанцев.

Тапу забеспокоился, поспешно скинул с вертела кусок сочного мяса и два янтарных плода, а затем завернул все в листья.

– Берегись мезланских шпионов, досий, – пробормотал он. – Слова можно исказить.

– Слова – единственное их оружие, – презрительно бросил Дукер, принимая еду. – А правду говорят, что теперь мезланской армией командует какой-то покрытый шрамами варвар?

– Человек с лицом демона, досий! – Тапу покачал головой. – Даже сами мезланы его боятся. – Спрятав деньги, он двинулся дальше, воздев над головой вертелы. – Козлятина! Самая лучшая козлятина, клянусь!

Дукер оперся спиной о распорку шатра и, глядя на толпу, начал есть – жадно и неаккуратно, как тут было принято. «Всякая твоя трапеза может оказаться последней», – гласила житейская философия Семиградья. Когда жир потек по подбородку, историк бросил на гряз-

ный пол листья и коснулся испачканными пальцами лба в ритуальном (а ныне запрещенном) жесте благодарности фалах'ду, чьи кости теперь гнили в иле на дне Хиссарской бухты. Взгляд Дукера остановился на кружке стариков, сидевших за игроками, и он направился туда, вытирая руки о штаны.

Собрание оказалось подобием Колеса Веков, где два провидца сидели друг напротив друга и разговаривали на символическом языке прорицаний и сложных жестов. Протолкавшись через кольцо зевак, Дукер увидел в круге старого шамана, чье лицо, украшенное маленькими серебряными шипами и кожаными полосками, выдавало в нем выходца из материкового племени семаков, а напротив него – мальчика лет пятнадцати. На месте глаз у несчастного краснели сморщенные, едва залеченные рубцы. Болезненно худые руки и ноги, а также вздувшийся живот указывали на крайнюю степень истощения. Дукер догадался, что семья мальчика погибла во время малазанского завоевания, а сам он теперь живет на улицах Хиссара. Его наверняка нашли там провидцы, ибо всем хорошо известно, что боги говорят через такие вот страждущие души.

По напряженному молчанию собравшихся историк понял, что за этим прорицанием стоит настоящая сила. Несмотря на слепоту, мальчик двигался так, чтобы постоянно оставаться лицом к лицу с провидцем-семаком, который медленно и бесшумно переступал по белому песку. Оба вытянули перед собой руки и выписывали в воздухе замысловатые фигуры.

Дукер толкнул локтем соседа.

– Что интересного предрекли? – прошептал он.

Кряжистый горожанин с оставшимися еще со времен хиссарского ополчения старыми шрамами, которые едва маскировали ожоги на щеках, прошипел сквозь желтоватые зубы:

– Явился сам дух Дриджны, чей облик эти двое обрисовали руками, – дух, который узрели все здесь присутствующие, призрачное предзнаменование грядущего пламени.

Дукер вздохнул:

– Эх, кабы я сам это увидел...

– Увидишь. Смотри! Вот, снова!

Историк заметил, как руки предсказателей словно бы коснулись невидимой фигуры, после чего начали двигаться, оставляя за собой след красноватого света. Мерцание становилось все сильнее и вскоре сложилось в человеческую фигуру. Фигуру женщины, чьей плотью был огонь. Она подняла руки, и на запястьях ее блеснуло железо; теперь танцоров стало трое: призрак заметался и завертелся между двумя провидцами.

Вдруг мальчик резко запрокинул голову, из горла его со скрежетом вырывались слова:

– Два источника бушующей крови! Лицом к лицу! Кровь – одна, двое – одно, и соленые волны омоют Рараку! Священная пустыня помнит свое прошлое!

Призрачная женщина исчезла. Мальчик рухнул на песок лицом вниз, и тело его неподвижно застыло. Провидец-семак присел рядом и положил руку ему на голову.

– Он вернулся к своим родным, – проговорил шаман в сковавшей круг тишине. – Милосердие Дриджны, редчайший из даров, было явлено этому ребенку.

Суровые кочевники заплакали, некоторые упали на колени. Потрясенный Дукер отступил в сторону от сомкнувшегося круга. Историк сморгнул с ресниц пот, чувствуя на себе чужой взгляд. Он огляделся. Напротив стояла какая-то фигура, облаченная в черные шкуры, капюшон в форме козлиной головы надвинут так, чтобы лицо оставалось в тени. В следующий миг незнакомец отвел глаза. Дукер поспешил убрать от него подальше.

Историк подошел к пологу шатра.

Семиградье – старая цивилизация, закаленная в горниле древности еще в те времена, когда Взошедшие бродили по каждому торговому тракту, каждой тропе, каждой заросшей дороге между давно забытыми ныне городами. Говорят, пески копили магическую силу под своими шепчущими волнами, и всякий камень впитывал чары, как кровь, и под всяким горо-

дом лежат развалины бесчисленных поселений прошлого, которые застали еще Первую империю. Утверждают, что Семиградье выросло на спинах привидений, и плоть духов здесь густая и плотная, а каждый город вечно рыдает под звездами, вечно смеется и кричит, торгует и торгуется, молится и вздыхает: первым вздохом, который несет жизнь, и самым последним – предвещающим смерть. Под улицами тут скрываются мечты и мудрость, глупость и страхи, гнев и горечь, похоть и любовь – а также жестокая ненависть.

Историк шагнул наружу, под дождь, наполнил легкие чистым прохладным воздухом и снова закутался в телубу.

Завоеватели могут захватить стены и перебить всех жителей, могут поселить в каждом доме, каждой усадьбе, каждой хижине своих людей, но править будут лишь тонким поверхностным слоем, этакой кожицей настоящего, и однажды их свергнут духи, что таятся внизу, и победители станут только одним из множества магических слоев, из которых состоит Семиградье.

«Такого врага нам никогда не победить, – подумал Дукер. – В истории сохранилось множество рассказов о тех, кто снова и снова пытался покорить Семиградье. Но быть может, победа заключается не в том, чтобы одолеть этого загадочного неприятеля, а в том, чтобы слиться с ним, стать единым целым? Императрица прислала сюда нового наместника, чтобы раздавить вековые традиции этой беспокойной земли. Отправила ли она Колтейна с глаз подальше, как я сказал Маллику Рэлу? Или просто держала его наготове как оружие, специально выкованное и закаленное для осуществления одной конкретной цели?»

Дукер покинул лагерь, вновь сторбившись под струями дождя. Впереди чернели ворота Имперского гарнизона. Быть может, он получит ответы на свои вопросы уже через несколько часов, когда встретится лицом к лицу с Колтейном из клана Ворона.

Историк пересек изрытую дорогу, шлепая по мутным лужам, заполнившим глубокие колеи, что оставили копыта коней и колеса повозок, а затем поднялся по глинистому склону к воротам.

Как только он приблизился к узкому боковому входу, из тьмы выступили два стражника в плащах с капюшонами.

– Сегодня прошений не принимают, досий, – сказал один из малазанских солдат. – Приходи завтра.

Дукер распахнул балахон, чтобы стала видна имперская диадема, приколотая к тунике.

– Кулак собрал совет, не так ли?

Оба солдата отдали честь и отступили. Тот, что принял историка за просителя, сконфуженно улыбнулся и пробормотал:

– Простите, мы думали, что вы придете вместе с тем, другим.

– О ком ты говоришь?

– Ну, о том господине, который прошел через ворота несколько минут назад.

– Ясно.

Дукер кивнул стражникам и вошел. На каменном полу виднелись отпечатки грязных мокасин. Он нахмурился. Крытая галерея вела вдоль стены налево и заканчивалась у прямоугольной формы невыразительного штабного здания. Дукер и так уже промок до нитки, поэтому решил пересечь плац напрямую и подойти к главному входу. По дороге историк заметил, что человек, пришедший незадолго до него, поступил точно так же: мокрые следы выдавали характерную походку кривоногого всадника. Он нахмурился еще больше.

У входа в главное здание Дукера встретил очередной стражник, который направил его в Зал совета. Подходя к двойным дверям, историк поискал глазами следы предшественника, но ничего не заметил. Тот, очевидно, направился в другое место. Дукер пожал плечами и открыл двери.

Зал совета оказался помещением с низким потолком, каменные стены не были покрыты штукатуркой, а лишь выкрашены белой краской. В центре возвышался внушительный мраморный стол, который ввиду отсутствия стульев выглядел довольно странно. В зале уже присутствовали Маллик Рэл, Кальп, Колтейн и еще один офицер-виканец. Когда историк вошел, все обернулись, а Маллик Рэл удивленно приподнял брови. Он явно не знал, что Колтейн пригласил Дукера на совещание. Интересно, новый кулак таким образом хотел вывести жреца из себя? Намеренно провоцировал его? Однако, хорошенько подумав, историк отбросил эту мысль. Скорее всего, новый наместник еще просто толком не разобрался, что к чему.

Стулья убрали нарочно, это было заметно по следам, которые их ножки оставили в белой пыли на полу. Маллик Рэл и Кальп явно чувствовали себя не в своей тарелке, оттого что не знали, где встать и какую позу принять. Бывший жрец Маэля переминался с ноги на ногу, спрятав руки в широких рукавах, и на лбу у него в свете ламп, падавшем со стола, ярко блестели капли пота. Кальп, кажется, предпочел бы прислониться к стене, но не знал, как виканцы воспримут такую небрежную позу.

Историк внутренне улыбнулся и повесил свой насквозь промокший балахон на скобу для факела у дверей. Затем повернулся и предстал перед новым военным наместником, который замер у ближнего конца стола, справа от незнакомого Дукеру офицера, чье широкое лицо было обезображено шрамом, идущим по диагонали от левого виска к правой челюсти.

– Позвольте представиться: я – Дукер, имперский историк. – Он отвесил полупоклон. – Добро пожаловать в Хиссар, господин кулак.

Вблизи было заметно, что военный вождь клана Ворона провел сорок лет на севере Виканской равнины в Квон-Тали. Его худое невыразительное лицо было покрыто морщинами, глубокие складки залегли по обе стороны широкого тонкогубого рта и в уголках темных, глубоко посаженных глаз. Заплетенные в косички и обильно смазанные маслом волосы, украшенные фетишами из вороньих перьев, спускались ниже плеч. Колтейн был высок и жилист, он облачился в кожаные брюки для верховой езды, а также носил поверх кожаной рубахи выдававшую виды кольчугу и плащ из вороньих перьев до пят. Из-под левой руки выглядывал длинный нож с костяной рукоятью.

В ответ на слова Дукера незнакомый офицер склонил голову набок и прищурился.

– Когда я видел тебя в последний раз, историк, – произнес Колтейн с грубым виканским акцентом, – ты лежал в горячке на личной походной койке императора, собираясь пройти во врата Худа. – Он помолчал и кивнул на офицера со шрамом. – Бальт был тем самым молодым воином, чье копьё тебя пропороло, и за это солдат по имени Дуджек погладил Бальта по лицу мечом. – Колтейн медленно повернулся и улыбнулся изуродованному офицеру.

Мрачное выражение лица седого воина не изменилось, когда тот перевел взгляд на Дукера. Затем он покачал головой и вздохнул:

– Я помню незащищенного человека. То, что в руках у него не было оружия, в последний миг заставило мое копьё дрогнуть, иначе все закончилось бы гораздо хуже. Я помню, как меч Дуджека похитил мою красоту и как мой конь укусил его за руку, сокрушая кости. И знаю, что потом лекари отрезали Дуджеку руку, потому что ее поразило гнилостное дыхание лошади. Между нами говоря, я в том обмене проиграл, потому что потеря руки никак не сказалась на блестящей карьере Дуджека, а вот я в силу своего уродства так навсегда и остался с одной-единственной женой, которая у меня к тому времени уже была.

– Она ведь, кажется, приходилась тебе сестрой, а Бальт?

– Да, Колтейн. И к тому же была слепой.

Оба виканца замолчали: один хмурился, другой мрачно смотрел исподлобья.

Кальп рядом сдавленно хмыкнул. Дукер приподнял бровь.

– Извините, Бальт, – сказал он. – Хотя я и участвовал в той битве, однако не видел там ни вас, ни Колтейна. В любом случае я бы не сказал, что шрам сильно вас изуродовал.

Воин кивнул:

– Нужно присматриваться, это верно.

– Быть может, – подал голос Маллик Рэл, – пора уже прекратить предаваться воспоминаниям, сколь бы увлекательными они ни были, и начать наконец совещание?

– Начнем, когда я буду готов, – небрежно ответил Колтейн, продолжая рассматривать Дукера.

Бальт хмыкнул и поинтересовался:

– Скажи, историк, что надоумило тебя пойти в бой без оружия?

– Наверное, я потерял его в сражении.

– Да ничего подобного. У тебя вообще не было ни пояса, ни ножен, ни щита.

Дукер пожал плечами:

– Чтобы описывать историю Малазанской империи, я должен быть в гуще событий, господин Бальт.

– Ты собираешься проявлять такое же безрассудное рвение, если Колтейну и впредь придется воевать?

– Рвение? Да, пожалуй. Что же до безрассудства, – Дукер вздохнул, – увы, моя отвага уже не та, что прежде. Теперь, когда я иду на битву, то облачаюсь в броню, непременно беру щит и короткий меч. А еще надеваю шлем. И стою в окружении телохранителей по меньшей мере в лиге от сердца сражения.

– Годы принесли тебе мудрость, – заметил Бальт.

– В некоторых вещах недостаточную, как мне кажется, – медленно проговорил Дукер и перевел взгляд на Колтейна. – Я буду настолько отважен, что осмелюсь сегодня давать вам советы, господин наместник.

Колтейн покосился на Маллика Рэла и заметил:

– И ты опасаясь, что я разгневаюсь, если это мне вдруг не понравится. Боишься, что, быть может, услышав опрометчивые слова, я прикажу Бальту закончить начатое много лет назад и убить тебя. Что ж, – продолжил он, – это многое говорит мне о положении дел в Арэне.

– Об этом мне известно мало, – сказал историк, чувствуя, как по телу под туникой градом катится пот. – Но еще меньше я знаю о вас, господин наместник.

Выражение лица Колтейна не изменилось. Перед глазами Дукера почему-то встал образ кобры, медленно поднимающей голову: взгляд немигающий, холодный.

– Позвольте вопрос, – вновь вмешался Маллик Рэл. – Совещание уже началось?

– Нет еще, – медленно ответил Колтейн. – Мы ждем моего колдуна.

Услышав это, жрец Маэля резко выдохнул. Кальп сделал шаг вперед.

Дукер вдруг обнаружил, что у него пересохло во рту. Откашлявшись, он осторожно произнес:

– А мне казалось, что императрица в первый год своего правления приказала, кхм, искоренить всех виканских колдунов. За этим приказом ведь последовала массовая казнь? Я помню, как выглядели тогда внешние стены Унты...

– Колдуны умирали много дней, – сказал Бальт. – Висели на железных шипах, пока вороны не прилетели, чтобы забрать их души. Мы принесли детей к стенам города, чтобы показать им старейшин племени, чьи жизни отняли у нас по приказу коротко стриженной женщины. Таким образом мы даровали детям шрамы – на память, чтобы сохранить жизнь истине: после такого зрелища они уже не поверят никакому обману.

– Однако теперь, – напомнил Дукер, внимательно глядя в лицо Колтейну, – вы служите этой самой императрице.

– Коротко стриженная женщина ничего не знает об обычаях виканцев, – заявил Бальт. – Вороны, которые несли в себе души величайших колдунов, вернулись к нашему народу, чтобы переродиться, и таким образом сила старейшин возвратилась к нам.

Тут боковая дверь, которой Дукер прежде не заметил, скользнула в сторону. Высокая кривоногая фигура вступила в комнату. Голову незнакомца покрывал капюшон в форме козлиной головы. Когда вновь пришедший откинул его, присутствующим открылось лицо мальчика не более десяти лет от роду. Темные глаза ребенка спокойно встретили взгляд историка.

– Это Сормо И'нат, – пояснил Колтейн.

– Сормо И'ната – старика – казнили в Унте, – прошипел Кальп. – Он был самым могущественным из колдунов: императрица лично о нем позаботилась. Говорят, он умирал на городской стене целых одиннадцать дней. А это не Сормо И'нат, а какой-то мальчишка.

– Да, целых одиннадцать дней, – пробурчал Бальт. – Одна ворона не могла вместить целиком его душу. Каждый день прилетала новая, покуда не забрали всего полностью. Одиннадцать дней, одиннадцать ворон. Такова была магическая сила Сормо И'ната, его жизненная воля, и такую честь оказали ему чернокрылые духи. Одиннадцать – число особенное.

– Старинное чародейство, – прошептал Маллик Рэл. – В древнейших свитках косвенно упоминается о таком. Неужели мальчик по имени Сормо И'нат – воистину возродившийся колдун?

– У рхиви в Генабакисе распространены похожие поверья, – заметил Дукер. – Новорожденный ребенок может стать сосудом для души того, кто не вошел во врата Худа.

Мальчик заговорил – голосом тонким, но ломающимся, на рубеже зрелости:

– Да, я – Сормо И'нат, который несет в своей груди память о железном шипе. Одиннадцать ворон явились, чтобы приветствовать мое рождение. – Он отбросил плащ за плечи. – Сегодня я стал свидетелем обряда прорицания и увидел в толпе любопытствующих историка Дукера. Вместе мы наблюдали видение, посланное духом великой силы, духом, чье лицо – одно из множества. И дух этот возвестил Армагеддон.

– Да, он говорит правду, я тоже видел это собственными глазами, – подтвердил Дукер. – У стен города разбил лагерь торговый караван.

– Неужели в тебе не распознали малазанца? – вкрадчиво поинтересовался Маллик Рэл.

– Дукер хорошо говорит на местном наречии, – ответил Сормо И'нат. – И совершает жесты, которыми показывает ненависть к Малазанской империи. Этого оказалось довольно, чтобы обмануть местных. Скажи мне, историк, доводилось ли тебе прежде видеть подобные прорицания?

– Ну, такие явные... нет, – признался Дукер. – Но я видел достаточно, чтобы ощутить нарастающее напряжение. Новый год принесет нам мятеж.

– Смелое заявление, – проговорил Маллик Рэл и тяжело вздохнул: жрецу явно было неудобно стоять. – Новому кулаку следовало бы с разумной осторожностью отнестись к подобным утверждениям. Иногда кажется, что в нашей стране пророчеств не меньше, чем жителей. Подобное изобилие поневоле заставляет сомневаться в истинности каждого отдельного предсказания. Мятеж в Семиграде предрекают каждый год со времени малазанского завоевания. И какие же из пророчеств сбылись?

– У бывшего жреца есть тайные мотивы, – сказал Сормо И'нат.

Дукер напрягся, ожидая, что за этим последует.

Круглое потное лицо Маллика Рэла побелело.

Однако Колтейн, похоже, легкомысленно отмахнулся от заявления своего колдуна.

– У всех есть тайные мотивы, – небрежно произнес он. – Итак, я услышал два совета: предупреждение и предостережение. Хорошее сочетание. А теперь послушайте меня. Боевой маг, которому хочется опереться о стену, смотрит на меня, как на гадюку, забравшуюся к нему в постель. И страх свой он распространяет на всех солдат Седьмой армии. – Кулак сплюнул на пол, лицо его исказилось. – Мне нет дела до их чувств. Если бойцы будут исполнять мои приказы, я, в свою очередь, позабочусь о них. А коли нет – вырву каждому сердце из груди. Ты слышишь меня, кадровый чародей?

Калып волком посмотрел на Колтейна:

– Слышу.

– Я здесь, – в голосе Маллика Рэла прозвучали визгливые нотки, – чтобы передать указания первого кулака Пормкваля...

– Не забудьте сперва передать его официальное приветствие! – Дукер сразу же пожалел, что сказал это, несмотря на то, что Балът вдруг лающе рассмеялся.

Маллик Рэл расправил плечи:

– Первый кулак Пормкваль приветствует наместника Колтейна в Семиградье и желает ему всяческих успехов на новом посту. Седьмая армия остается одним из трех основных военных подразделений Малазанской империи, и первый кулак уверен, что новый командующий почтит ее достойнейшую историю.

– Мне нет дела до былых заслуг, – отрезал Колтейн. – Солдат будут судить по делам. Говори дальше.

Рэл аж весь затрясся, но продолжил:

– Первый кулак Пормкваль попросил меня передать кулаку Колтейну следующие приказы. Адмирал Нок должен выйти из гавани Хиссара и отправиться в Арэн, как только корабли пополнят припасы. Кулаку Колтейну следует начать подготовку Седьмой армии к маршу по суше... в Арэн. Первый кулак желает провести смотр армии, прежде чем окончательно определить ее дислокацию. – Жрец вытащил из рукава скрепленный печатью свиток и положил его на стол. – Таковы приказания первого кулака.

На лице Колтейна отразилось отвращение. Он скрестил на груди руки и демонстративно повернулся к Маллику Рэлу спиной.

Балът невесело рассмеялся:

– Первый кулак хочет провести смотр армии? Скорее всего, у Пормкваля есть в подчинении высший маг, а может, даже и пятерня когтей? Если он так хочет осмотреть войска Колтейна, пусть-ка прибудет сюда по магическому Пути. Не хватало еще Колтейну отправлять армию в полном обмундировании в путь длиной в четыреста лиг, только чтобы Пормкваль отругал солдат за пыль на сапогах. Такая перестановка сил оставит восточные провинции Семиградья без действующей армии. В теперешнее беспокойное время подобный уход будет воспринят как отступление, особенно если он совпадет по времени с отплытием сахульского флота. Нельзя управлять этими землями из Арэна.

– Вы отказываетесь подчиняться приказам первого кулака? – прошипел Маллик Рэл и впился в широкую спину Колтейна взглядом налитых кровью и сверкающих, словно бриллианты, глаз.

Кулак резко развернулся.

– Передай, что я советую изменить эти приказы, – сказал он, – и буду ждать от него ответа.

– Я и сам дам тебе ответ, – прохрипел жрец.

Колтейн глумливо ухмыльнулся. А Балът презрительно сказал:

– Ты? Да с какой стати? Ты не офицер, не правитель, а всего лишь жрец. Ты даже не являешься членом верховного командования.

Яростный взгляд Рэла метнулся от кулака к седовласому воину.

– Да как ты смеешь? Императрица Ласин...

– ...В глаза тебя не видала, – перебил его Балът. – Она ничего не знает о тебе, жрец, кроме того, что докладывает первый кулак. Пойми: императрица не доверяет власть тем, кого не знает. Первый кулак Пормкваль использовал тебя как мальчика на побегушках, и таковым ты останешься в глазах нового наместника. Ты не имеешь права приказывать. Ни Колтейну, ни мне, ни даже последнему поваренку в обозе Седьмой армии.

– Я передам все это первому кулаку, причем дословно.

– Не сомневаюсь. А теперь – можешь идти.

У Рэла отвисла челюсть.

– Идти?

– Ну да, мы с тобой закончили. Оставь нас.

В воцарившейся тишине все смотрели, как жрец уходит. Едва лишь дверь за ним закрылась, Дукер обернулся к Колтейну:

– Возможно, с вашей стороны это был опрометчивый шаг, господин кулак. Не стоило так с ним говорить.

Взгляд Колтейна казался сонным.

– Так это же Балът с ним говорил, а вовсе не я.

Дукер перевел глаза на старого вояку. На рассеченном шрамом лице виканца застыла ухмылка.

– Расскажи мне лучше о Пормквале, – попросил Колтейн. – Ты с ним знаком?

Историк снова обернулся к кулаку. И кивнул:

– Да, знаком.

– И хорошо он правит в Семиградье?

– Насколько я могу судить, – сказал Дукер, – он вообще не занимается управлением. Большинство эдиктов пишет человек, которого вы... которого Балът только что выставил из комнаты. Есть и другие закулисные деятели, по большей части – знатные и богатые торговцы. Именно они ведают пошлинами на ввоз-вывоз товаров и местными налогами, естественно делая себе всевозможные послабления. Фактически Семиградьем от имени империи заправляют малазанские торговцы: это началось еще четыре года назад, когда Пормкваль получил титул первого кулака.

– А кто был его предшественником? – поинтересовался Балът.

– Картерон Краст, который однажды ночью утонул в Арэнской гавани.

Кальп фыркнул:

– Да Картерон мог пьяным проплыть сквозь шторм! А потом просто взял и утонул точь-в-точь как его брат Урко. Тел так и не нашли, разумеется.

– То есть? – снова спросил Балът.

Кальп ухмыльнулся, но промолчал.

– Братья Краст были людьми императора, – объяснил Дукер. – Судя по всему, они разделили судьбу большинства спутников Келланведа, в том числе Тока-старшего и Амерона. Их тела ведь тоже не нашли. – Он пожал плечами. – Теперь это старая история. Запрещенная история, между прочим.

– Ты подразумеваешь, что их убили по приказу Ласин, – заявил Балът и оскалил кривые зубы. – Но представь себе ситуацию, когда самые опытные командиры императрицы просто... исчезают. Она остается одна, остро нуждается в способных людях. Ты забываешь, историк, что, прежде чем стать императрицей, Ласин была хорошо знакома с Крастом, Урко, Амероном, Дассемом и остальными. Такие раны не заживают.

– Неужели Ласин воображала, что, если убьет двух старых приятелей – Келланведа и Танцора, – это ничуть не повлияет на ее отношения с боевыми командирами? – горько спросил Дукер и покачал головой.

«А ведь эти люди были и моими друзьями тоже».

– Некоторые ошибки исправить невозможно, – проговорил Балът. – Император и Танцор, безусловно, были талантливыми полководцами, но вот насколько они оказались бы способными правителями?

– Что толку теперь гадать? – не выдержал Дукер. – Этого мы уже все равно никогда не узнаем!

Виканец издал странный звук: не то вздохнул, не то фыркнул.

– Согласен. Но если и существовал близкий к трону человек, который мог предвидеть, что произойдет, то это была Ласин.

Колтейн снова сплюнул на пол:

– Больше мне нечего об этом сказать, историк. Запиши слова, которые прозвучали здесь, если они не покажутся тебе слишком горькими. – Он покосился на Сормо И'ната и нахмурился.

– Даже если эти слова застрянут у меня в горле, то я все равно их запишу, – ответил Дукер. – Грош цена историку, который поступит иначе.

– Хорошо. – Кулак по-прежнему не сводил взгляда с Сормо И'ната. – Скажи мне, историк, а почему Маллик Рэл обладает такой властью над Пормквалем?

– Я бы и сам хотел это знать.

– Ну так выясни.

– Вы просите меня стать шпионом?

Колтейн обернулся к нему со слабой улыбкой на устах:

– А чем ты занимался в шатре торговца, Дукер?

Историк поморщился:

– Мне придется отправиться в Арэн. Не думаю, что Маллик Рэл снова допустит меня на заседания Совета после того, как я сегодня стал свидетелем его унижения здесь. Собственно, я уверен, что он теперь считает меня врагом, а его враги имеют досадное обыкновение бесследно исчезать.

– Ну, уж я-то точно не исчезну, – заявил Колтейн. Он шагнул вперед, вытянул руку и схватил историка за плечо. – В таком случае мы оставим без внимания Малика Рэла. А ты поступишь под мое командование.

– Как прикажете, господин кулак. – Дукер поклонился.

– Совещание окончено. – Колтейн развернулся к колдуну. – Сормо, ты расскажешь мне о том, что видел нынче утром... но позже.

Колдун поклонился.

Дукер забрал свой балахон и вышел из комнаты, по пятам за ним следовал Кальп. Как только двери за ними закрылись, историк потянул чародея за рукав:

– На пару слов. Без свидетелей.

– Я тоже хотел с вами поговорить, – ответил Кальп.

Они прошли дальше по коридору и отыскивали пустую комнату, забитую старой мебелью. Кальп запер за собой дверь, а затем обернулся и в отчаянии посмотрел на Дукера:

– Ну и тип! Да наш новый наместник вообще не человек! Он зверь и ведет себя по-звериному. А Балът – Балът распознает рычание и оскалы своего господина и облакает их в слова. В жизни не встречал такого разговорчивого виканца, как этот покореженный жизнью старик.

– Совершенно очевидно, – сухо заметил Дукер, – что Колтейну многое нужно было нам сказать.

– Зря они разозлили жреца Маэля. Подозреваю, что прямо сейчас он уже готовит свою месть.

– Возможно. Но меня потрясло то, как Балът защищал императрицу.

– Вы согласны с его аргументами?

Дукер вздохнул:

– Насчет того, что она сожалеет о своих действиях и теперь ощутила – во всей полноте – одиночество власти? Не исключено, что так оно и есть. Сие весьма любопытно, однако уже давным-давно не важно.

– Думаете, Ласин откровенничала с этими виканцами?

– Колтейна вызывали на аудиенцию к императрице, и, я полагаю, Балът повсюду таскается за своим господином как приклеенный, но что произошло между ними в ее личных покоях –

неизвестно. – Историк пожал плечами. – К поведению Малика Рэла они были готовы, это ясно. Скажите, Кальп, а что вы думаете про юного колдуна?

– Юного? – Кадровый маг нахмурился. – Да у этого мальчика аура древнего старика. Я почуял исходящий от него запах кобылей крови, а этим ритуалом колдуны отмечают так называемую пору железа – последние годы жизни, высшее цветение своей силы. Обратили внимание, как он себя вел? Пустил стрелу в жреца, а потом спокойно стоял и смотрел, что из этого выйдет.

– Но вы же утверждали, будто не верите в переселение душ!

– Не хочу, чтобы Сормо И'нат догадался о моих подозрениях, так что я и впредь стану обращаться с ним как с мальчишкой-самозванцем. Если повезет, колдун вообще обо мне забудет.

Дукер помедлил. Вдохнул затхлый, пыльный воздух.

– Кальп, – наконец заговорил он, – у меня к вам будет одна просьба.

– Да, историк, слушаю вас.

– Это никак не связано с Колтейном, Малликом Рэлом или Сормо И'натом. Мне нужна ваша помощь.

– В чем именно?

– Я хочу освободить одного заключенного.

Брови кадрового мага приподнялись.

– Из хиссарской темницы? Откровенно говоря, я не хочу ссориться со стражей Хиссара...

– Нет, не из городской темницы. Это узник Малазанской империи.

– И где же его держат?

– Его продали в рабство, Кальп. Он сейчас в отатараловых копиях.

Кадровый чародей ошеломленно уставился на собеседника:

– Худов дух, Дукер, и вы просите помощи у *мага*? Воображаете, что я по доброй воле осмелюсь хотя бы приблизиться к этим проклятым рудникам? Отатарал разрушает магию, сводит чародеев с ума...

– Будете ждать нас в лодке у берегов острова, – перебил Дукер. – На рудники вам соваться не придется. Это я обещаю, Кальп.

– Забрать узника, а потом что? Грести как демону, чтобы уйти от досийской галеры, которая сядет нам на хвост?

Дукер ухмыльнулся и кивнул:

– Что-то вроде того.

Кальп покосился на запертую дверь, а потом оглядел свалку в комнате так, словно прежде ее не замечал:

– Что это за помещение?

– Кабинет бывшего кулака Торлом, – ответил Дукер. – Здесь ее и прикончили однажды ночью убийцы – приверженцы Дриджны.

Кальп медленно кивнул:

– Вот же угораздило нас сюда зайти! Полагаю, это просто случайное совпадение?

– Очень надеюсь, что так.

– Я тоже, историк.

– Так вы мне поможете?

– А этот узник... кто он?

– Геборик Легкая Рука.

Кальп снова медленно кивнул:

– Ладно, Дукер, я подумаю.

– Позвольте спросить, что именно вас смущает?

Кальп нахмурился:

– Перспектива выпустить на свободу еще одного коварного историка, что же еще?

Священный город Эрлитан поднимался уступами белого камня от гавани и тянулся вдоль большого плоского холма под названием Джен'раб. Многие верили, что в глубине Джен'раба погребен один из первых городов мира и что там, среди руин, ждет своего часа Престол Семи Защитников: по легенде он был вовсе не трон, а залом, где стояли полукругом семь возвышений, благословленных каждым из Взошедших, которые и основали затем Семиградье. Эрлитан стоял уже тысячу лет, но Джен'раб, ставший ныне грудой разбитого камня, был в девять раз старше.

На заре истории Эрлитана местный фалах'д начал обширное строительство на плоской вершине Джен'раба, чтобы почтить город, погребенный под улицами. В каменоломнях на северном побережье закипела работа: срывали целые склоны, тяжеленные блоки мрамора обтесывали и перевозили на кораблях в эрлитанскую гавань, а затем тащили через нижние кварталы по пандусам и помостам на вершину холма. Храмы и особняки, украшенные куполами и башнями и окруженные садами, один за другим вырастали повсюду. Но истинным самоцветом на челе Джен'раба стал дворец фалах'да, который он назвал Короной.

Через три года после того, как строительство было закончено, древний погребенный город... шелухнулся. Подземные арки провалились под огромным весом Короны фалах'да, стены сложились гармошкой, плиты фундамента расползлись, укрыв улицы каменной крошкой. Под землей крошка и пыль вели себя как вода: текли по улицам и проулкам, прямо в зияющие проемы дверей, под доски пола – невидимые в непроглядной темноте Джен'раба. На поверхности же, в лучах яркого рассвета, что сопровождал годовщину правления фалах'да, Корона осела, башни ее обрушились, купола треснули, выбросив в воздух целые тучи мраморного крошева, и дворец провалился в реку пыли, причем неровно: кое-где лишь на несколько футов, в других местах – на двадцать с лишним саженей.

Те, кто наблюдал за происходящим из Нижнего города, так описали это событие: «Словно бы гигантская невидимая рука потянулась к Короне, сжала дворец и сломала его, вдавливая при этом в землю. Поднялась такая туча пыли, что солнце на несколько дней превратилось в медный диск».

В тот день погибло более тридцати тысяч человек, в том числе и сам фалах'д, но был один выживший – юный поваренок. Бедняга вбил себе в голову, что якобы кувшин, который он уронил на пол за несколько мгновений до землетрясения, как раз и повинен в произошедшей катастрофе. Обезумев от чувства вины, мальчик ударил себя ножом в сердце на Меркирской площади в Нижнем городе, а кровь несчастного потекла между камнями мостовой, на которой и стоял сейчас Скрипач. Так гласила легенда...

Прищурившись, голубоглазый сапер наблюдал за тем, как «красные клинки» быстро скачут через редеющую толпу на другой стороне площади.

Закутавшись в выцветшее льняное одеяние с капюшоном, наброшенным на голову по моде племени гралов, Скрипач неподвижно застыл на священном камне, украшенном полустертой памятной надписью, и гадал, слышат ли переполошившиеся горожане стук его отчаянно бьющегося сердца. Сперва сапер последними словами ругал себя за то, что рискнул прогуляться по древнему городу, а затем решил, что во всем виноват Калам: это он задержал их в Эрлитане, пытаясь выйти на связь с каким-то своим старым знакомым.

– Mezla'ebdin! – прошипел голос рядом.

В переводе это обозначало «малазанские прихвостни», что являлось довольно точной характеристикой «красных клинков»: они были уроженцами Семиградья, однако поклялись в нерушимой верности императрице. Редкое проявление прагматизма в этой стране фанатиков и духовидцев. Сейчас эти презируемые местными жителями воины начали по-своему – мечами и копьями – вразумлять сторонников Дриджны.

На выцветших камнях площади уже неподвижно лежало полдюжины жертв – среди поваленных корзин, тюков ткани и продуктов. Две маленькие девочки тщетно тормозили женщину, скорчившуюся рядом с пересохшим фонтаном. На соседних стенах атели потеки крови. Где-то вдали, на расстоянии нескольких кварталов отсюда, звенели тревожные сигналы городской стражи Эрлитана: наверняка наместнику уже сообщили, что «красные клинки» снова учинили самосуд.

А обезумевшие всадники продолжали убивать направо и налево, двигаясь по главной улице прочь с площади, и вскоре скрылись из вида. Попрошайки и воры сгрудились у мертвых тел, воздух наполнился завываниями. Горбатый сводник схватил обеих девочек и нырнул в один из переулков.

Несколько минут назад Скрипач и сам чуть не попал под удар меча, когда вышел на площадь и оказался на пути одного из «клинков». Боевой опыт спас сапера, заставив его броситься наперерез лошади, нырнуть вперед и вниз, чтобы проскочить под лезвием меча и оказаться позади всадника, вне пределов досягаемости. «Красный клинок» не стал преследовать его, а просто обезглавил следующую беспомощную жертву, женщину, которая отчаянно пыталась оттащить двоих детей с пути лошади.

Скрипач встряхнулся и тихо выругался. Протолкавшись через толпу, он свернул в тот же переулок, где скрылся сводник. Высокие покосившиеся дома с обеих сторон погрузили узкий проход в полутьму. Густой воздух пропитался запахами гнили. Не увидев никого, Скрипач осторожно потрусил дальше. Он добрался до бокового прохода между двумя высокими стенами – достаточно широкого для мула и засыпанного по щиколотку пальмовыми листьями. За обеими стенами были разбиты сады, а высокие пальмы сплетались кронами, словно полог, в двадцати футах над головой. Через тридцать шагов переулок закончился тупиком, и там-то сапер увидел сводника, который придавил младшую девочку коленом к земле, а старшую прижал к стене и возился с завязками ее шаровар.

Услышав, как Скрипач идет по сухим листьям, горбун обернулся. У него была белая кожа уроженца Скрея. Сводник оскалил почерневшие зубы в лукавой ухмылке.

– Грал, она – твоя всего за полджакаты, поскольку я поцарапал ей лицо. Вторая будет подороже, потому что младше.

Скрипач подошел к негодяю вплотную.

– Я купить, – сказал он. – На обе женись. Два джаката.

Горбун фыркнул:

– Да я за неделю на них больше заработаю. Шестнадцать джакат.

Скрипач вытащил длинный гральский нож, который приобрел час тому назад, и прижал лезвие к горлу сводника.

– Два джаката, и тебе мой пощада, симхарал. Соглашаться?

– Да, грал! – с выпученными глазами прохрипел сводник. – Договорились, клянусь!

Скрипач вытащил из пояса две монеты и бросил их на листья. Затем отступил.

– Сейчас забирать обе.

Симхарал упал на колени и зашелестел листьями.

– Забирай их, грал, забирай на здоровье.

Сжигатель мостов хмыкнул, сунул нож обратно за пояс, подхватил девочек и, повернувшись спиной к своднику, зашагал прочь из тупика. Вероятность того, что негодяй попыбует вести грязную игру, была ничтожной. Гралы частенько напрашивались на оскорбления, лишь бы только получить повод заняться любимым делом – кровавой местью. И подкрасться к гралу сзади, по слухам, было невозможно, поэтому никто даже не пытался. Но, несмотря на это, Скрипач был рад, что между ним и горбуном остался ковер сухой листвы.

Сапер вышел из переулочка. Девочки висели у него на руках, как огромные куклы, – все еще не оправившись от потрясения. Он посмотрел на лицо той, что была постарше – лет девяти, может десяти. Та подняла на Скрипача взгляд огромных темных глаз.

– Не бойся, все страшное уже позади, – сказал он. – Ты сможешь идти? Покажешь, где вы живете?

Некоторое время девочка молчала, затем кивнула.

Они добрались до одного из кривых проходов, которые в Нижнем городе считались улицами. Скрипач поставил одну малышку на землю, а вторую продолжал бережно держать на руках – она, кажется, уснула. Старшая немедленно вцепилась в плащ сапера, чтобы толпа не разделила их, и потащила вперед.

– Ты ведешь меня домой? – уточнил Скрипач.

– Да, – ответила она.

Через десять минут они покинули рыночный квартал и оказались в более спокойном жилом районе, где стояли скромные, но чистенькие дома. Девочка повела своего спасителя в одну из боковых улочек. Как только они вошли туда, отовсюду появились дети и с криками окружили пришедших. В следующий миг из ворот, что вели в сад, выскочили трое вооруженных мужчин. Они двинулись на Скрипача с поднятыми тальварами, а толпа ребятишек вдруг рассеялась, и наступила напряженная тишина.

– Я есть грал, – прорычал сапер. – И видеть, как женщина убивать «красный клинок». Симхарал брать эти две. Я их купить. Не тронуть. Три джаката теперь мне давать.

– Два, – поправил один из стражников и сплюнул на брусчатку под ногами Скрипача. – Мы нашли того симхарала.

– Два купить. Один привести. Не тронуть. Три. – Сапер мрачно ухмыльнулся. – Хороший цена, дешевый за честь грала. Дешевый за защиту грала.

Тут за спиной у Скрипача заговорил четвертый мужчина:

– Да заплатите вы гралу, дураки! Тут и сотня золотых – не деньги. Это вы должны были защищать няньку с детьми, а сами сбежали, когда показались «красные клинки». Если бы этот грал не нашел и не купил девочек, их обеих уже обесчестили бы. Так что раскошеливайтесь и, во имя Королевы Грез, благословите его самого и весь его род во веки веков.

Стражник шагнул вперед. На нем красовались доспехи наемника с капитанскими знаками отличия. На узком лице выделялись крестообразные шрамы – память о битве под Й'гхатаном, а на тыльной стороне кистей виднелись старые ожоги.

Он твердо встретил взгляд Скрипача. И попросил:

– Прошу, скажи, как тебя зовут, грал, чтобы мы могли поминать тебя в своих молитвах.

На секунду Скрипач замешкался, а затем назвал свое настоящее имя – то, которым его давным-давно нарекли при рождении.

Услышав ответ, капитан нахмурился, но ничего не сказал.

Один из стражников подошел к саперу, держа на ладони монеты. Скрипач передал капитану спящую девочку.

– Не есть правильно, что она так долго спать.

Седой воин осторожно принял у него ребенка.

– Мы позовем домашнего целителя.

Скрипач огляделся. Дети явно происходили из богатой и влиятельной семьи, но здания вокруг казались сравнительно небольшими и принадлежали, скорее всего, мелким торговцам и ремесленникам.

– Раздели с нами трапезу, грал, – пригласил капитан. – Дедушка этих девочек наверняка захочет с тобой поговорить.

Скрипач одолело любопытство, и он кивнул. Капитан повел его к низким воротам, врезанным в стену вокруг сада. Трое охранников поспешили их отпереть. Первой внутрь пропустили старшую девочку.

За воротами раскинулся на удивление просторный сад, воздух в котором был влажным и прохладным от дыхания ручья, что тихо звенел где-то среди буйной растительности. Над выложенной камнями дорожкой смыкался полог из крон старых плодовых и ореховых деревьев. С другой стороны видна была высокая стена, целиком возведенная из матового стекла, которое сверкало радужными отблесками под капельками влаги. Скрипач никогда прежде не видел столько стекла сразу в одном месте. В стене виднелась одинокая дверь из льняного полотна, натянутого на тонкий металлический каркас. Перед ней стоял старик в помятом оранжевом облачении. Его кожу глубокого, насыщенного цвета охры оттеняла копна седых волос. Девочка подбежала к старику и обняла его. Тот не сводил со Скрипача внимательного взгляда янтарных глаз.

Сапер упал на одно колено.

– Благослови, о духовидец! – прорычал он с самым грубым гральским акцентом, какой только смог изобразить.

Смех таннойского жреца прошелестел, словно песок на ветру.

– Я могу благословить лишь своих единоверцев, господин, – тихо проговорил он. – Но прошу, раздели со мной и капитаном Туркой скромное угощение. Я полагаю, наши стражники пожелают искупить свою трусость тем, что позаботятся о детях хотя бы здесь, за стенами сада. – Он положил морщинистую руку на лоб спящей девочки. – Сэляль защищается по-своему. Капитан, скажи целителю, что ее нужно вернуть в этот мир – и сделать сие аккуратно.

Капитан передал ребенка одному из охранников:

– Ты слышал слова господина. Живо!

Обе девочки, а также их провожатый скрылись за льняной дверью. Таннойский духовидец неспешно направился туда же, жестом предложив Скрипачу и капитану Турке следовать за ним.

В комнате со стеклянными стенами стояли низенький железный столик и такие же невысокие обтянутые кожей стулья. В мисках на столике лежали фрукты и холодное мясо, щедро сдобренное специями. Хрустальный графин с бледно-желтым напитком был открыт, чтобы вино «дышало». На дне графина скопился осадок в два пальца толщиной: бутоны пустынных цветов и тельца белых пчел. Вино наполняло помещение прохладным, сладковатым ароматом.

Внутренняя дверь в мраморной стене была сделана из крепкого дерева. В небольших альковах горели свечи, причем у всех пламя было разного цвета. Отражения огоньков заворачивающе поблескивали в стеклянных плитках напротив.

Жрец сел и указал гостю на стул напротив:

– Прошу. Я удивлен, что малазанский шпион рискнул своим маскарадом ради двух местных детей. А теперь ты небось попытаешься выудить ценные сведения у преисполненных благодарности родных?

Скрипач со вздохом откинул капюшон на спину.

– Я и впрямь малазанец, – признался он. – Но не шпион. Я скрываюсь, чтобы меня не нашли... малазанцы.

Старый жрец налил вина и протянул гостю кубок:

– Ты солдат?

– Да.

– Дезертир?

Скрипач поморщился:

– Не по своей воле. Императрица решила объявить наше подразделение вне закона. – Он пригубил сладкое цветочное вино.

Капитан Турка подал голос:

– Сжигатель мостов. Солдат из воинства Дуджека Однорукого.

– Тебе многое известно, господин.

Духовидец указал на миски с едой:

– Пожалуйста, угощайся. Если после стольких лет войны ты ищешь мирную обитель, то совершил серьезную ошибку, когда прибыл в Семиградье. Тут покоя нет и в помине.

– Это я понял, – сказал Скрипач и принялся за фрукты. – Потому и надеюсь как можно скорее купить себе место на корабле до Квон-Тали.

– Кансуанский флот ушел из Эрлитана, – заметил капитан. – Теперь редкий торговец решится плыть через океан. Высокие пошлины...

– ...И возможность быстро разбогатеть, когда начнется гражданская война, – продолжил, кивая, Скрипач. – Значит, придется идти по суше – по крайней мере, до Арэна.

– Это неразумно, – произнес старый жрец.

– Я знаю.

Но духовидец продолжал качать головой:

– Дело не только в грядущей войне. Чтобы добраться до Арэна, тебе придется пересечь пустоши Пан'потсун-одана, они граничат со священной пустыней Рараку. Из Рараку явится Вихрь Дриджны. И более того, там состоится схождение.

Скрипач прищурился: «Так вот откуда взялся тот одиночник-дхэнраби».

– Это когда Взошедшие собираются в одном месте?

– Именно так.

– Что же их притягивает?

– Врата. Пророчество о Тропе Ладоней. Одиночникам и д'иверсам сии врата обещают... нечто. Притягивают их, словно пламя мотыльков.

– А чем врата магического Пути могут заинтересовать оборотней? Они ведь не объединены в братство и не пользуются чародейством, во всяком случае сколько-нибудь сложным.

– Удивительная глубина познаний для солдата.

Скрипач нахмурился.

– Солдат всегда недооценивают, – буркнул он. – Я ведь тоже не с закрытыми глазами провел пятнадцать лет, сражаясь на войнах во имя Малазанской империи. Император схлестнулся с обоими – Тричем и Рилландарасом – под Ли-Хеном. Я был там.

Таннойский духовидец склонил голову, извиняясь.

– У меня нет ответов на твои вопросы, – тихо проговорил он. – По правде говоря, я не думаю, что даже сами одиночники и д'иверсы точно знают, что ищут. Как лосось возвращается в те воды, где родился, так и они действуют инстинктивно, повинаясь грубому влечению и чувственному обещанию. – Он сложил руки. – Среди оборотней нет единства. Каждый сам за себя. Эта Тропа Ладоней... – Старик помолчал, а затем продолжил: – Это, вероятно, средство Восхождения – для победителя.

Скрипач медленно и натужно выпустил воздух из легких.

– Восхождение означает силу. Сила означает власть. – Он перехватил взгляд янтарных глаз духовидца. – Если один из оборотней совершит Восхождение...

– ...То обретет власть над своим родом и племенем, да. Такое происшествие будет иметь... определенные последствия. В любом случае, друг мой, пустоши никогда не считались безопасным местом, а в грядущие месяцы Пан'потсун-одан превратится в обитель дикого ужаса, это я знаю наверняка.

– Благодарю за предупреждение.

– Но оно, похоже, тебя не удержит?

– Боюсь, что нет.

– В таком случае мне остается хотя бы предложить тебе некоторую защиту на время пути. Капитан, тебя не затруднит принести ларец?

Воин поднялся и ушел.

– Объявленный вне закона солдат... – проговорил через некоторое время старик, – который рискует жизнью, чтобы вернуться в сердце Малазанской империи, приговорившей его к смерти. Должно быть, у тебя имеется на то очень серьезная причина.

Скрипач в ответ лишь неопределенно пожал плечами. А хозяин дома продолжил:

– Сжигателей мостов хорошо помнят здесь, в Семиградье. Их проклинаят, но ими и восхищаются. Вы были честными солдатами, которые сражались на бесчестной войне. Говорят, ваше подразделение закалилось в жаре и на выжженном камне священной пустыни Рараку, когда преследовало отряд чародеев фалах'да. Эту историю я бы хотел однажды услышать, чтобы обратить ее в песню.

Скрипач удивленно раскрыл глаза. Чары духовидцев передавались через пение – никаких других ритуалов не требовалось. Хотя песни таннойцев и посвящались миру, однако силу, по слухам, они имели огромную. Сапер призадумался, чем подобное песнопение может закончиться для сжигателей мостов.

Духовидец, видимо, понял его незаданный вопрос, потому что улыбнулся:

– Такую песнь до сих пор еще никто не пытался сложить. В песни таннойцев есть залог Восхождения, но может ли целое подразделение взойти? Воистину, вот вопрос, заслуживающий ответа.

Скрипач вздохнул:

– Будь у меня время, я бы рассказал тебе эту историю.

– Это займет всего лишь один миг.

– Что ты имеешь в виду?

Старый жрец поднял морщинистую длиннопалую руку:

– Если позволишь мне прикоснуться к тебе, то я узнаю твою историю.

Сапер отшатнулся.

– Ясно, – вздохнул духовидец. – Боишься, что я не лучшим образом обойдусь с твоими тайнами?

– Я боюсь, что их знание поставит твою жизнь под угрозу. Да и не все мои воспоминания – о делах честных и благородных.

Старик откинул голову и рассмеялся:

– Ну, будь все они сплошь таковыми, ты мог бы с куда большим основанием носить облачение вроде моего. Прости меня за неучтивую просьбу.

Капитан Турка вернулся с небольшим песочного цвета ларцом из мореного дерева. Он поставил его на столик перед своим господином, который откинул крышку и потянулся за чем-то лежавшим внутри.

– Рараку некогда была морем, – сказал духовидец. Он вынул из ларца выцветшую белую раковину. – Такие останки можно найти в священной пустыне, если знать, где пролегали древние берега. Кроме песни памяти о внутреннем море, в нее были вложены и другие песни. – Старик поднял глаза и встретил взгляд Скрипача. – Мои собственные песни силы. Прощу, прими это в дар за спасение жизней и чести моих внуков.

Скрипач поклонился старому жрецу и приподнял в ладонях раковину:

– Благодарю тебя, духовидец. Значит, твой подарок дает защиту?

– В некотором роде, – с улыбкой заметил хозяин дома. Затем он встал. – Не смею тебя более задерживать, сжигатель мостов.

Скрипач быстро поднялся.

– Капитан Турка проводит тебя к выходу. – Старик шагнул ближе и положил руку на плечо саперу. – Духовидец Кимлок благодарит тебя.

С раковиной в руках сапер вышел из комнаты. Снаружи, в саду, прохладный влажный воздух коснулся его мокрого от пота лба.

– Кимлок, значит... – едва слышно прошептал Скрипач.

Турка хмыкнул, шагая рядом с ним по дорожке к воротам:

– Первый гость за одиннадцать лет. Ты понимаешь, какой чести удостоился, сжигатель мостов?

– Ясно, что он очень ценит своих внуков, – сухо ответил Скрипач. – Одиннадцать лет, говоришь? Выходит, последним его гостем был...

– Верховный кулак Дуджек Однорукий из Малазанской империи.

– С предложением мирной сдачи Каракаранга, священного города таннойцев. Кимлок, помнится, утверждал, что может полностью уничтожить малазанские легионы. Однако сдался, и его имя теперь вошло в поговорку как символ пустых угроз.

Турка фыркнул:

– На самом деле все было не так. Кимлок открыл ворота города, ибо ценит жизнь выше всего. Он постиг Малазанскую империю и понял, что смерть тысяч людей ничего для нее не значит. Император Келланвед все равно получил бы то, чего хотел. А он вознамерился захватить Каракаранг.

Скрипач поморщился и с грубоватым сарказмом сказал:

– И если бы для этого потребовалось привести в священный город т'лан имассов – как оно случилось в Арэне, – мы бы так и сделали. Сомневаюсь, что чары Кимлока смогли бы сдержать т'лан имассов.

Оба остановились у ворот. Турка раскрыл створки, и в его темных глазах блеснула давняя боль.

– Именно поэтому Кимлок так и поступил, – пояснил он. – Бойня в Арэне выказала все безумие Малазанской империи...

– То, что случилось во время Арэнского мятежа, было ошибкой, – огрызнулся Скрипач. – Никто не давал приказа Логросовым т'лан имассам.

Вместо ответа Турка только горько усмехнулся и жестом предложил саперу выйти на улицу.

– Ступай с миром, сжигатель мостов.

Обозленный Скрипач вышел на улицу.

Повизгивая от восторга, Моби метнулся через узкую комнату и врезался в грудь Скрипача, с бешеным хлопанием крыльев цепляясь за одежду. Сапер выругался и, отодвинув в сторону фамильяра, который чуть не задушил его в объятиях, перешагнул порог и запер за собой дверь.

– Ну наконец-то, а то я уже начал беспокоиться, – пророкотал Калам из тени в дальнем конце комнаты.

– Извини, задержался, – буркнул Скрипач.

– Надеюсь, не впутался в неприятности?

Сапер пожал плечами, расстегивая плащ, под которым блеснула кольчужная рубаха с кожаными накладками.

– А остальные где?

– В саду загорают, – хмыкнул Калам.

По пути Скрипач остановился у своего вещевого мешка и быстро положил туда раковину, завернув ее в запасную рубашку.

Когда сапер подсел к небольшому столу, Калам налил приятелю кружку разведенного водой вина и заново наполнил свою собственную.

– Ну?

– Трещотку в рот воткну! – проворчал Скрипач и сделал солидный глоток, прежде чем продолжить: – На городских стенах полным-полно знаков. Думаю, пройдет неделя, не больше – и улицы станут красными от крови.

– У нас есть кони, мулы и припасы. К тому времени мы будем уже на подходе к пустоши. Там безопаснее.

Скрипач внимательно посмотрел на своего товарища. Темное, грубоватое лицо Калама поблескивало в мутном дневном свете, пробивавшемся из занавешенного окна. На столе перед убийцей лежала пара ножей, а рядом – точило.

– Может, и так. А может, и нет.

– Ладони на стенах видел?

Скрипач хмыкнул:

– Значит, ты тоже их заметил?

– Каких только тайных знаков нет в городе! Призывы к восстанию, места для сходок, извещение об обрядах Дриджны – это все я могу прочесть не хуже любого местного. Но вот отпечатки ладоней – нечто совсем другое. – Калам наклонился вперед и взял ножи. Он бездумно скрестил голубоватые клинки. – Похоже, они указывают направление. На юг.

– В Пан’потсун-одан, – сказал Скрипач. – Болтают, будто бы там состоится схождение.

Убийца замер, не сводя темных глаз с перекрещенных лезвий.

– А вот я ничего подобного еще не слышал.

– Это пророчество Кимлока.

– Кимлока?! – Калам выругался. – Он в городе?

– Говорят, что да.

Скрипач глотнул еще вина. Если рассказать убийце о том, что произошло на рынке – и о встрече с духовидцем, – Калам долго ждать не будет. И Кимлок мигом окажется за воротами Худа. Причем не один, а вместе со всеми своими родными и стражниками. Поэтому Скрипач решил благоразумно промолчать.

«Пусть это будет еще одним моим даром тебе, старик».

В коридоре раздались шаги, и вскоре на пороге появился Крокус:

– У вас тут темно, как в пещере.

– Где Апсалар? – резко спросил Скрипач.

– В саду! Где же еще ей быть? – огрызнулся вор-даруджиец.

Сапер взял себя в руки. Старые страхи по-прежнему не желали уходить в прошлое.

Раньше, если Жаль пропадала из виду, то потом всегда непременно случалась беда. Так что следовало постоянно держаться начеку. Тяжело было поверить, что девчонка уже не является тем, чем была прежде.

«Страшно представить, что может произойти, если покровитель убийц вдруг решит снова вселиться в нее, – ведь тогда девчонка запросто всадит нож в горло кому угодно».

Скрипач помассировал окаменевшие мышцы шеи и вздохнул.

Крокус подтащил к столу стул, плюхнулся на него и потянулся за вином.

– Мы уже устали ждать, – заявил он. – Если нам и вправду нужно пересечь эту проклятую пустошь, то давайте выступать в дорогу. За стеной сада груды вонючего мусора уже такая, что забились канавы и стоки. И полным-полно крыс. Воздух горячий и густой, толком даже не вдохнешь. Да мы запросто чуму заработаем, если будем и дальше тут торчать.

– Будем надеяться, что до чумы дело не дойдет. Лично я бы предпочел, чтобы ты подцепил синеязычку, – заметил Калам.

– Это еще что за напасть?

– Болезнь такая, от которой язык синеет и опухает, – объяснил Скрипач.

– А что в этом хорошего?

– Болтать не сможешь.

Над головой блестели звезды, но луна еще не взошла. Калам двигался в сторону Джен'раба. Старая дорога поднималась к вершине холма великанскими ступенями; прорехи, словно выбитые зубы, темнели там, где обтесанные каменные блоки вытащили, чтобы использовать их для строительства в других районах Эрлитана. В дырах рос вьющийся кустарник, длинные жесткие корни которого впились в склон холма.

Убийца легко скользил среди развалин, пригибаясь, чтобы его силуэт не выделялся на фоне ночного неба, если кто-то вдруг решит посмотреть на Джен'раб с улиц внизу. В городе царила странная, неестественная тишина. Редкие патрули малазанских солдат оказались вдруг в полном одиночестве, словно бы их назначили охранять некрополь, где, кроме призраков, никого нет. Тут любому станет не по себе. Стражники нервничали и поэтому вели себя шумно, так что Каламу без труда удавалось разминуться с ними.

Убийца добрался до гребня и проскользнул между двумя большими блоками песчаника, из которого когда-то была сложена внешняя стена Верхнего города. Он остановился, глубоко вдохнул пыльный ночной воздух и посмотрел вниз, на улицы Эрлитана. Цитадель городского кулака, которая когда-то служила резиденцией святому фалах'ду, вздымалась темной бесформенной грудой над хорошо освещенным гарнизоном, словно сжатая рука среди россыпи углей. А внутри этой каменной громадины прятался, стараясь не слышать горячих увещаний «красных клинков» и тех малазанских шпионов, которых еще не выгнали из города и не убили, военный наместник, правитель из Малазанской империи. Все войска захватчиков скопились в казарме цитадели: их отозвали из дальних фортов, что располагались в ключевых точках на окраинах Эрлитана. Цитадель не могла справиться с таким наплывом солдат: вода в колодце уже отдавала гнилью, а воины спали на камнях надвратной башни, прямо под открытым небом. В гавани стояли на якоре две древние фаларские триремы, а одна недоукомплектованная рота военных моряков охраняла имперские доки. Малазанцы оказались в осаде, хотя пока еще никто в открытую не поднял на них руку.

Калам испытывал весьма противоречивые чувства. По рождению он принадлежал к покоренным, но по собственному выбору встал под знамена Малазанской империи. Сражался за императора Келланведа.

«И за Дассема Ультора, и Скворца, и Дуджека Однорукого. Но не за Ласин. Предательство давным-давно разрушило эти узы».

Будь жив император, он бы действовал иначе, подавив мятеж еще в самом зародыше. Не обошлось бы без жестокого, но непродолжительного побоища, за которым бы последовал долгий период мира. Однако Ласин позволила старым ранам загноиться, и теперь грядет такая бойня, что сам Худ удивится.

Калам отступил от гребня холма. Перед ним раскинулся сложный лабиринт из разбитых плит песчаника и кирпича, провалов в грунте и зарослей кустов. Над черными прудами роились тучи насекомых. Среди них метались летучие мыши и ризаны.

Ближе к центру вздымалась трехэтажная башня, увитая змееподобными корнями мертвого, погибшего от засухи дерева, что росло на крыше. У основания зияла черная пасть дверного проема.

Некоторое время Калам внимательно смотрел на него, а затем приблизился. Убийца был уже в десяти шагах от арки, когда заметил внутри отблеск света. Он вытащил нож, дважды постучал рукояткой по камню и направился к проему. Голос из темноты остановил его:

– Не подходи ближе, Калам Мехар.

Калам звучно сплюнул:

– Мебра, думаешь, я не узнал твой голос? Гнусные ризаны вроде тебя никогда не отходят далеко от своего гнезда, поэтому тебя так легко было найти. А уж проследить досюда – проще некуда.

– У меня здесь важное дело, – прорычал Мебра. – Зачем ты вернулся? Чего от меня хочешь?

– Получить старый долг. Надеюсь, ты про него не забыл?

– Я был должен за услугу сжигателям мостов, но их больше нет.

– Но я же тут, – заявил Калам. – Давай раскошеливайся, приятель.

– А когда очередной малазанский пес с эмблемой горящего моста на плече найдет меня, он опять потребует заплатить ему? А затем явится следующий, и еще один, и еще? Ну уж нет, Ка...

Убийца оказался в дверях прежде, чем Мебра успел что-то понять; он метнулся в темноту, уверенно схватив шпиона рукой за горло. Тот взвизгнул, когда Калам поднял его и припечатал спиной к стене. Сжигатель мостов крепко держал Мебру, а острие ножа щекотало ему шею. С перепугу Мебра выпустил из рук что-то тяжелое, что прежде прижимал к груди, и сверток с громким стуком упал на землю. Но Калам даже и не взглянул под ноги, он пристально смотрел в глаза старому знакомому.

– За тобой должок, приятель.

– Мебра – человек чести, – прохрипел шпион. – Он платит по всем счетам! И по этому тоже!

Калам ухмыльнулся.

– Убери руку с кинжала, что у тебя за поясом, Мебра. Лучше не дури. Я знаю все, что ты задумал. Так, а теперь посмотри мне в глаза. Знак чего ты там видишь?

Дыхание шпиона участилось. По лбу заструился пот.

– Пощады... – прошептал он.

Калам приподнял брови:

– Ответ в корне неправильный...

– Нет-нет, ты не понял! Я прошу пощады, Калам! А в твоих глазах я вижу только смерть! Не убивай меня! Я верну долг, мой старый друг. Я много знаю: все, что только нужно знать кулаку! Я могу отдать весь Эрлитан ему в руки...

– Не сомневаюсь, – проговорил Калам, отпустил шпиона и сделал шаг назад. Тот обмяк и сполз по стене. – Но до кулака мне дела нет, пусть он сам выбирает свою судьбу.

Шпион посмотрел на него снизу вверх, и его глаза вдруг хитро блеснули.

– Ты вне закона. И совсем не хочешь вернуться в объятия Малазанской империи. Ты вновь человек из Семиградья. Ох, Калам, да благословят тебя Семеро!

– Мне нужны знаки, Мебра. Такие, что обеспечат безопасный путь через одан.

– Они давно тебе известны...

– Но с тех пор число символов умножилось. Я знаю лишь прежние символы, и меня убьет первое же племя, с которым я повстречаюсь.

– Путь тебе откроет один-единственный знак, Калам. На любой тропе в Семиградье. Клянись!

Убийца отступил на шаг:

– И какой же именно?

– Ты – дитя Дриджны, воин Апокалипсиса. Изобрази знак Вихря. Помнишь его?

Калам подозрительно прищурился, но кивнул.

– Однако я видел множество других новых символов. Что они означают?

– Во всей туче саранчи правдив лишь один, – ответил Мебра. – Как лучше оставить «красных клинков» в неведении? Запутать их. А теперь прошу тебя, Калам, уходи. Я отдал свой долг...

– Но учти: если ты предал меня, то Бен Адаэфон Делат об этом узнает. Скажи, сможешь ты скрыться от Быстрого Бена, когда он откроет свои магические Пути?

Мебра стал бледен, как лунный свет, и лишь молча покачал головой.

– Вихрь, стало быть? – переспросил сжигатель мостов.

– Да, клянусь Семерыми!

– Не шевелись, – приказал Калам. Не снимая ладони с рукояти длинного ножа за поясом, убийца шагнул вперед, присел и подобрал предмет, который Мебра выронил на землю. Услышал, как шпион задержал дыхание, и улыбнулся. – Наверное, это стоит взять с собой – в качестве гарантии.

– Умоляю тебя, Калам...

– Тихо! – Убийца увидел, что держит в руках завернутую в парусину книгу. Откинул грязную ткань. – Худов дух! – прошипел Калам. – Из подвалов первого кулака в Арэне... и прямо в руки эрлитанского шпиона. – Он посмотрел в глаза Мебре. – Да сам Пормкваль хотя бы знает о том, что у него украли книгу, где содержатся пророчества Дриджны?

Коротышка ухмыльнулся, так что сверкнул ряд острых зубов, кончики которых были оправлены серебром.

– Ха, Пормкваль! Даже если бы из-под этого дурака вытащили среди ночи шелковую простыню, он бы не заметил. Пойми, Калам, если ты забереешь ее как залог, то все воины Апокалипсиса будут охотиться за тобой. Священная книга Дриджны должна вернуться в Рараку, где провидица...

– ...Поднимет священный Вихрь, – закончил Калам. Древний фолиант, который он держал в руках, вдруг показался ему тяжелым, точно гранитная плита. Переплет из шкуры бхедерина был покрыт пятнами и царапинами, а от страниц из ягнячьей кожи поднимался запах овечьего жира и особых чернил, которые делали из кровь-ягоды.

«На этих страницах слова безумия, а в священной пустыне ждет Ша'ик, провидица, обещанная Дриджной предводительница восстания...»

– Ты откроешь мне последнюю тайну, Мебра. Ту, что должен знать владелец этой книги. Глаза шпиона испуганно распахнулись.

– Ты не можешь забрать ее, Калам! Возьми лучше меня в заложники, умоляю!

– Я доставлю эту книгу в священную пустыню Рараку, – пообещал Калам. – Отдам лично в руки Ша'ик, и это откроет мне все дороги и тропы, Мебра. И если я почую хоть тень предательства, если увижу у себя на пути хоть одного воина Апокалипсиса, – уничтожу книгу. Ты меня понял?

Мебра отчаянно заморгал, потому что глаза ему заливал пот. А затем резко кивнул и зататорил:

– Ты должен скакать на жеребце цвета песка, облачившись в красную телабу. А каждую ночь оборачиваться лицом к своему следу, вставать на колени, разворачивать книгу и взывать к Дриджне – и все, больше ни слова, ибо богиня Вихря услышит и подчинится, – и любые следы твоего странствия исчезнут. После чего надлежит один час провести в молчании, а затем снова завернуть книгу в ткань. Ее нельзя открывать солнечному свету, ибо время пробуждения книги определит Ша'ик. Сейчас повторю все еще раз...

– Не нужно, – прорычал Калам. – Я и так запомнил.

– Тебя и вправду объявили в Малазанской империи вне закона?

– Тебе мало доказательств?

– Ладно. Если доставишь Книгу Дриджны Ша'ик в целостности и сохранности, то тебя будут благословлять до скончания века, Калам. Предашь наше дело – и при звуках твоего имени люди станут плевать на песок.

Убийца снова завернул Книгу Дриджны в парусину, а потом спрятал ее в складки своей туники.

– Наш разговор закончен.

– Да благословят тебя Семеро, Калам Мехар.

В ответ Калам хмыкнул и пошел к двери, остановившись лишь для того, чтобы оглядеть окрестности. В лунном свете он никого не увидел и выскользнул наружу.

Продолжая сидеть у стены, Мебра смотрел вслед сжигателю мостов. Он замер, ожидая услышать, как Калам шагает по битому кирпичу, камням и черепкам, но ничего не услышал. Шпион утер пот со лба, запрокинул голову, прижав затылок к прохладной кладке башни, и прикрыл глаза.

Через несколько минут от входа в башню донеслось поскрипывание доспехов.

– Видел этого типа? – спросил Мебра, не открывая глаз.

– Лостара следит за ним, – ответил низкий голос. – Книга у него?

Тонкие губы Мебры изогнулись в улыбке.

– Вот так сюрприз! Я никак не ожидал такого удивительного гостя. Это был Калам Мехар.

– Сжигатель мостов? Поцелуй тебя Худ, Мебра! Да если бы я это знал, мы бы его зарезали, прежде чем он вышел из башни.

– Если бы вы только попытались это сделать, – проговорил Мебра, – то и ты, и Аральт с Лостарой уже поили бы собственной кровью жадные корни Джен'раба. Вот так-то, Тин Баральта.

Кряжистый воин отрывисто хохотнул и вошел внутрь. За спиной у него, как и ожидал шпион, виднелась фигура охранявшего вход Аральта Арпата – такого высокого и широкоплечего, что он перекрыл собой почти весь лунный свет.

Тин Баральта положил руки в перчатках на рукояти мечей у пояса.

– А что насчет того первого человека, который должен был прийти вместо Калама?

Мебра вздохнул:

– Как я и говорил, нам, скорее всего, понадобится еще дюжина таких ночей. Он напуган и сейчас уже, наверное, на полпути к Г'данисбану. Он... передумал, как поступил бы на его месте всякий разумный человек. – Шпион поднялся и стряхнул пыль с телабы. – Поверить не могу, что нам такая удача подвалила, Баральта...

Облаченный в кольчужную рукавицу кулак Тина молниеносно мелькнул в воздухе и врезался в лицо Мебре, так что шипы оставили на щеке шпиона длинные царапины. На стену брызнула кровь. Мебра отшатнулся и прижал руки к разодранному лицу.

– Не фамильярничай, – спокойно сказал Баральта. – Ты подготовил Калама, я так понимаю? Дал ему нужные... указания?

Мебра сплюнул кровь, затем кивнул:

– Ты без труда сможешь его выследить, командир.

– До самого лагеря Ша'ик?

– Да. Но только умоляю тебя, будь осторожен. Если Калам вас заметит, он уничтожит Книгу Дриджны. Держитесь не менее чем в сутках пути позади него.

Тин Баральта вытащил из кошелья, что висел на поясе, кусочек шкуры бхедерина.

– Теленок ищет матку, – произнес он.

– И безошибочно находит ее, – кивнул Мебра. – Чтобы убить Ша'ик, тебе понадобится целая армия, командир.

«Красный клинок» улыбнулся:

– Это наша забота, Мебра.

Мебра заколебался, глубоко вздохнул, а затем сказал:

– У меня есть одно пожелание.

– Ты еще смеешь высказывать мне пожелания?

– Нижайшая просьба, командир.

– Ладно, говори.

– Оставь жизнь Каламу.

– Видать, я плохо проучил тебя, Мебра. Ничего, сейчас поглажу и по другой стороне лица.

– Выслушай меня, командир! Сжигатель мостов вернулся в Семиградье. Он назвал себя воином Апокалипсиса. Но пристанет ли Калам к лагерю Ша'ик? Сможет ли человек, рожденный, чтобы приказывать, подчиняться другому?

– К чему ты клонишь?

– Калам тут по другой причине, командир. Он хотел только обеспечить себе безопасный переход через Пан'потсун-одан. Именно для этого Калам и забрал Книгу Дриджны – лишь потому, что это обеспечит ему безопасность. Убийца направляется на юг. Зачем? Мне кажется, «красным клинкам» – да и Малазанской империи – было бы интересно это узнать. Вот почему я попросил сохранить этому человеку жизнь.

– У тебя есть подозрения, куда он идет?

– В Арэн.

Тин Баральта фыркнул:

– Неужто хочет воткнуть клинок в ребра Пормквалю? Мы все благословили бы его за это, Мебра.

– Каламу плевать на первого кулака.

– Тогда что же ему нужно в Арэне?

– Лично мне только одно приходит в голову. Он ищет корабль, который направляется в Малаз. – Сгорбившись и потирая пульсирующее болью лицо, шпион наблюдал из-под полу-прикрытых век, как его слова медленно проникают в сознание командира «красных клинков» и пускают там корни.

После долгой паузы Тин Баральта тихо спросил:

– Что ты предлагаешь?

Несмотря на боль, Мебра улыбнулся.

Словно груда уложенных друг на друга глыб известняка, утес вздымался над пустыней на высоту четырех сотен саженей. Выветренный склон его был покрыт глубокими трещинами и расселинами, а в самой большой из них – на высоте примерно пятидесяти саженей над песком – стояла башня.

Единственное сводчатое окно ее чернело на фоне кирпичей.

Маппо тревожно вздохнул:

– Должен же быть какой-то проход туда, хотя я ничего такого и не вижу! – Он бросил взгляд назад, на своего спутника. – Ты и правда считаешь, что там кто-то живет?

Икарий вытер со лба запекшуюся кровь, а затем кивнул. Он наполовину выдвинул меч из ножен и нахмурился, заметив кусочки плоти, которые застряли в зазубринах на лезвии.

Диверсы застали путников врасплох: дюжина леопардов песочного цвета выскользнула из лощины в десятке шагов справа, когда друзья готовились разбить лагерь. Один прыгнул на спину Маппо, вцепился клыками в загривок, разрывая толстую кожу трелля когтями. Леопард пытался убить его так, словно Маппо был антилопой, – потянулся к горлу, норовил повалить на землю. Но не тут-то было: клыки глубоко вошли в плоть, однако нашли только мускулы. В ярости трелль закинул руки за спину и сорвал зверя с плеч. Ухватив рычащего леопарда за шкуру на шее и бедрах, Маппо изо всей силы стукнул его головой о ближайший валун так, что у того треснул череп.

Остальные одиннадцать хищников устремились на Икария. Маппо отбросил тело леопарда в сторону, резко обернулся и заметил, что четыре зверя уже неподвижно лежат у ног яггута-полукровки. Когда взгляд трелля упал на Икария, Маппо внезапно охватил страх.

«Ну и ну! Насколько далеко зашел ягг? Благослови нас Беру, только не это!»

Один из зверей вцепился клыками в левое бедро Икария, и Маппо увидел, как древний меч воина рванулся вниз и точным ударом отрубил леопарду голову. Его поразила одна жут-

коватая деталь: голова еще некоторое время висела на ноге Икария, словно бесформенный мешок, из которого хлестала кровь.

Оставшиеся в живых хищники кружили вокруг спутников.

Маппо рванулся вперед и ухватился за бешено бьющий хвост. Трелль заревел и швырнул рычащего зверя в воздух. Извиваясь, леопард пролетел шагов семь или восемь, а затем врезался в камень и сломал себе хребет.

Для д'иверса все было кончено. Он осознал свою ошибку и попытался отступить, однако Икарий был неумолим. Глухое клочкотание в его горле переросло в пронзительный рев – и ягг устремился к пяти оставшимся леопардам. Те бросились врассыпную, но поздно. Хлынула кровь, рассеченная плоть с глухим звуком упала на землю. Мгновение спустя еще пять тел неподвижно лежали на песке.

Икарий резко развернулся, высматривая следующую жертву, и трелль сделал полшага вперед. В следующую секунду пронзительная скорбная песнь Икария затихла, и ягг распрямился. Каменным взглядом он посмотрел на трелля и нахмурился.

Маппо увидел на лбу Икария капли крови. Жуткий звук исчез.

«Ничего, на сей раз вроде как пронесло. Не успел. Ох, боги нижнего мира... зря я, дурак, вообще за ним пошел, не для меня этот путь. Ведь на краю пропасти остановился, на самом краю».

Понимая, что на запах крови д'иверса – пролитой столь щедро – придут и другие, спутники быстро свернули лагерь и скорым шагом направились прочь. Перед уходом Икарий вынул из колчана одну из стрел и воткнул ее в песок на видном месте.

Под покровом ночи друзья бежали трусцой. Обоих гнал вперед отнюдь не страх смерти, куда больший ужас скрывался в том, чтобы убивать самим. Маппо молился про себя, чтобы стрела Икария оказалась достаточно весомым предупреждением для остальных д'иверсов.

Рассвет застал спутников у восточной гряды. Впереди вздымались горы, которые отделили Рараку от Пан'потсун-одана.

Некое существо не обратило внимания на стрелу и упорно шло по их следу, держась примерно в лиге позади. Трелль почуял его еще час назад: одиночник, и облик он принял просто громадный.

– Найди для нас тропу наверх, – сказал Икарий, натягивая тетиву на лук.

Он вытащил оставшиеся стрелы и прищурился, глядя назад. Всего в сотне шагов мерцающий жар поднимался над песком, словно занавес, и скрывал все вокруг. Если одиночник покажется там и бросится в бой, ягг успеет выпустить полдюжины стрел. Врезанные в их древка магические Пути смогли бы уничтожить даже дракона, но по выражению лица Икария было понятно, что его мутит от одной мысли об этом.

Маппо коснулся глубокой раны на шее. Растерзанная плоть воспалилась и горела, по ране ползали мухи. Мускулы пульсировали глубокой болью. Он вытащил из мешка побег кактуса-джегуры и выжал в рану сок. По шее моментально распространилось онемение, позволившее треллю шевелить руками без мучительной боли, от которой его бросало в пот последние несколько часов. Маппо поежился от внезапной прохлады. Сок джегуры был таким сильнодействующим средством, что использовать его можно было только один раз в день, иначе пострадали бы легкие и сердце. Не говоря уже о том, что мухи слетелись бы на запах в еще большем количестве.

Он приблизился к расселине в каменном склоне. Поскольку трелли живут на равнинах, Маппо не обладал умением скалолаза и совсем не обрадовался предстоящему испытанию. Трещина была достаточно глубока, чтобы поглотить утренний свет солнца, и узкой у основания – едва ли в ширину его плеч. Ссутулившись, трелль скользнул внутрь, и холодный, затхлый воздух вызвал у него новую волну дрожи. Глаза быстро приспособились к полумраку, и Маппо разглядел шагах в шести впереди дальнюю сторону расселины. Ступенек нет, руками тоже

зацепиться не за что. Задрал голову, он посмотрел вверх. Выше расселина расширялась, но стенки ее оставались абсолютно гладкими до самого выступа, на котором, как решил Маппо, стояла башня. Ничего похожего, например, на болтающуюся веревку с узлами. Загорчав от разочарования, трелль выбрался обратно на солнечный свет.

Икарий стоял лицом к пустыне: стрела на тетиве, лук натянут. В тридцати шагах от него покачивался на четырех мощных лапах огромный бурый медведь; зверь приподнял голову и принюхивался. Одиночник все-таки догнал их.

Маппо присоединился к спутнику.

– Этого я знаю, – тихо произнес трелль.

Ягг опустил оружие и ослабил тетиву.

– Сейчас явит нам свой истинный облик, – сказал Икарий.

Медведь накренился вперед.

Маппо заморгал, потому что зрение его на миг помутилось. Он почувствовал вкус песка, ноздри раздулись от сильного пряного запаха, каким всегда сопровождалось превращение оборотней. Трелля невольно накрыло волной страха, он ощутил во рту сухость, отчего вдруг стало трудно глотать. В следующий миг обращение завершилось, и навстречу им шагнул человек – абсолютно голый и бледный под палящими лучами солнца.

Маппо медленно покачал головой. Под личиной медведя одиночник выглядел просто горой мышц, огромной и мощной, но теперь оказался низеньким, всего пяти футов ростом, болезненно худым, узколицым мужчиной с лошадиными зубами, да еще вдобавок почти лысым. Мессремб собственной персоной. Его маленькие глазки цвета граната поблескивали среди морщинок, которые вызвала появившаяся на лице одиночника улыбка.

– Трелль Маппо! А я ведь издали тебя учуял!

– Давненько мы не виделись, Мессремб.

Одиночник с интересом рассматривал ягга:

– О да, в последний раз встречались к северу от Нэмила.

– Думается, тамошние девственные сосновые леса больше тебе подходили, – проговорил Маппо, вспоминая добрые старые времена, когда огромные караваны треллей еще отправлялись в великие странствия.

Улыбка исчезла с лица одиночника.

– Это точно. А ты, господин, должно быть, Икарий, прославленный создатель хитроумных механизмов, а ныне – погибель д'иверсов и одиночников? Знай же, что я чувствую большое облегчение оттого, что ты опустил лук, – у меня сердце едва не выскочило из груди, когда я заметил, что ты прицелился.

Икарий нахмурился.

– Будь у меня выбор, я не стал бы никого губить по доброй воле, – произнес он. – На нас напали без предупреждения, – добавил ягг, однако в голосе его прозвучала странная неуверенность.

– Выходит, у тебя не было возможности предупредить это злополучное создание, да упокоятся части его души. Я-то уж точно не отличаюсь опрометчивостью. Единственный мой бич – любопытство, везде-то мне надо сунуть свой нос. «Что это за запах смешивается с запахом Маппо? – подумал я. – Так похож на яггутский, но при этом чуть-чуть иной?» Теперь, когда глаза дали мне ответ, я готов продолжить свой путь по Тропе Ладоней.

– Ты знаешь, куда он тебя приведет? – спросил Маппо.

Мессремб словно бы оцепенел.

– Вы видели врата?

– Нет. Что ты ожидаешь там найти?

– Ответы, мой старый друг. А теперь позвольте избавить вас от запаха моего превращения и отойти на некоторое расстояние. Ну что, Маппо, пожелаешь мне на прощание всего доброго?

– Конечно, Мессремб. И добавлю к пожеланию предупреждение: четыре ночи назад мы столкнулись с Рилландарасом. Будь осторожен.

Глазах одиночника полыхнули диким огнем.

– Что ж, я его поищу.

Икарий и Маппо смотрели вслед человечку, который вскоре скрылся за каменным выступом.

– В нем кроется безумие, – заметил Икарий.

От этих слов трелль вздрогнул.

– Не только в нем, но и во всех них. – Маппо вздохнул. – А подъема-то я, кстати, пока не нашел. В пещере ничего такого нет.

И тут до слуха спутников вдруг донесся неспешный стук подкованных копыт. На тропе, идущей вдоль склона, появился какой-то человек верхом на черном муле. Он сидел, скрестив ноги, на высоком деревянном седле и был закутан в изорванную, грязную телабу. Руки, лежавшие на резной луке седла, были цвета ржавчины. Лицо скрывал капюшон. Мул выглядел довольно необычно: шерсть – черная, кожа внутри ушей – черная, даже глаза – черные. Ровный цвет ночи нигде не нарушался, если не считать грязи и пятен, похожих на засохшую кровь.

Приблизившись, незнакомец покачнулся в седле.

– Входа нет, – прошипел он, – только выход. Час еще не настал. Жизнь, данная за жизнь отнятую; запомните эти слова, хорошенько запомните! Ты ранен, – обратился он к Маппо, – я чувствую, что плоть воспалилась. Ну да ничего, мой слуга позаботится о тебе. Услужливый человек с просоленными руками: одна старая, морщинистая, а другая розовая, совсем новая – ты понимаешь, насколько это важно? Нет, не осознаешь, пока еще нет. Ко мне так редко приходят... гости. Но вас я ждал.

Мул остановился напротив расселины и бросил на двух странников печальный взгляд, когда всадник попытался распрямить согнутые ноги, поскуливая при этом от боли. Однако его отчаянные усилия не увенчались успехом, и в конце концов незнакомец, взвизгнув, свалился с седла и кулем рухнул в песок.

Увидев ярко-алую кровь, которая проступила на ткани телабы, Маппо шагнул вперед:

– Да ты и сам ранен, господин!

Станный человек извивался на земле, словно опрокинувшаяся на спину черепаха, причем ноги его так и оставались скрещенными. Капюшон свалился, открыв большой крючковатый нос, жиденькую клочковатую бороденку, лысую макушку, покрытую татуировками, и кожу цвета темного меда. На искаженном гримасой лице сверкнул ряд великолепных белых зубов.

Маппо опустился на колени, пытаясь рассмотреть рану, из которой вылилось столько крови. Мощный запах железа щекотал треллю ноздри. Потом Маппо сунул руку под балахон незнакомца и вытащил открытый бурдюк. Хмыкнув, он посмотрел через плечо на Икария:

– Это не кровь, а краска. Красная охра.

– Помоги же мне, олух! – рявкнул странный человек. – Ох, ноги мои, ноги!

Пребывая в полнейшем недоумении, Маппо помог незнакомцу распрямить ноги, при этом каждое движение того сопровождалось жалобными стонами. Как только мужчина поднялся и сел, он тут же начал лупить самого себя по бедрам.

– Эй, слуга! Немедленно подай мне вина! Пошевеливайся, тупица безголовый!

– Я тебе не слуга, – холодно сказал Маппо, отступая на шаг. – И я не беру с собой вина, когда иду через пустыню.

– Да я не к тебе обращаюсь, варвар! – Станный человек гневно оглянулся. – Где он?

– Кто?

– Мой слуга, разумеется. Ишь распустился, думает, что возить меня – это единственная его обязанность... Ага, вот он!

Проследив за взглядом собеседника, трелль нахмурился:

– Это мул, господин. Сомневаюсь, что он сумеет откупорить бурдюк с вином, не говоря уже о том, чтоб наполнить кубок.

Маппо улыбнулся и подмигнул Икарию, но ягг не обращал внимания на происходящее: он снял тетиву с лука, а теперь устроился на камне и чистил меч.

Продолжая сидеть на земле, странный человек набрал пригоршню песка и швырнул его в мула. От испуга зверь заревел, рванулся к расселине и вскоре скрылся в пещере. С натужным стоном странный человек поднялся на ноги и теперь стоял, покачиваясь; его руки быстро теребили одна другую.

– Ну вот, нагрубил гостям, – пробормотал он со смущенной улыбкой. – Совсем забыл про этикет. А ведь бессмысленные извинения и всякие там экивоки очень важны. Нижайше прошу прощения за то, что не проявил должного гостеприимства. О да, мне очень жаль. Мои манеры оказались бы лучше, не будь я настоятелем этого храма. Привык к тому, что послушнику следует проявлять смирение и безропотно скоблить полы, а потом жаловаться на тяжелую жизнь в компании собратьев по несчастью. Ага, а вот и слуга.

Широкоплечий кривоногий мужчина в черном одеянии вышел из пещеры. В руках он держал поднос, на котором стояли кувшин и глиняные чаши. Лицо его скрывала чадра, которую по обыкновению носили слуги, лишь глубокие карие глаза сверкали сквозь прорези.

– Ленивый олух! Паутину где-нибудь видел?

– Нет, Искарал. – Малазанский выговор слуги немало удивил Маппо.

– Как ты ко мне обращаешься? Забыл про мой титул?

– Верховный жрец...

– Не так!

– Верховный жрец Искарал Прыщ из Тесемского храма Тени...

– Кретин! Ты – слуга! А значит, я...

– ...Хозяин.

– Вот именно. Ну наконец-то сообразил. – Искарал обернулся к Маппо. – Мы редко разговариваем, – пояснил он.

Икарий подошел к ним.

– Значит, это Тесем. Мне говорили, что здесь есть монастырь, посвященный Королеве Грез...

– Они все ушли, – буркнул Искарал. – Забрали с собой свои светильники, а мне оставили только...

– ...Тени.

– Умный ягг, но меня об этом предупреждали, о да! Вы оба больны, выглядите просто ужасно, словно недоваренные свиньи. Слуга приготовил для вас покои. А также отвары целебных трав и корений, лечебные настойки и эликсиры. Белый паральт, эмулор, тральб...

– Это все яды, – заметил Маппо.

– Да ну? Неудивительно, что свинья померла. Ладно, время идет, не пора ли уже совершить восхождение?

– Веди нас, – согласился Икарий.

– Жизнь, данная за жизнь отнятую. Следуйте за мной. Никому не перехитрить Искарала Прыща. – Верховный жрец повернулся к склону и гневно прищурился.

Маппо не понимал, чего они ждут. Через несколько минут трель откашлялся и спросил:

– Твои послушники спустят вниз лестницу?

– Послушники? Нет у меня послушников. Никакой возможности посамодурствовать. Очень печально, что никто у меня за спиной не ворчит и не жалуется – никакой радости быть верховным жрецом. Когда бы не шепот моего бога, я бы вообще это дело бросил, уж поверьте и примите во внимание, учитывая все, что я уже сделал и еще сделаю.

– Я вижу в расселине какое-то движение, – заметил Икарий.

Искарал хмыкнул:

– Это бхок’аралы. Они тут гнездятся на склоне. Гнусные писклявые твари, вечно лезут под ноги, нюхают то одно, то другое, мочатся на алтарь, гадят мне на подушку. Они мое проклятие, почему-то выбрали меня из всех – и за что, интересно? Я ведь даже не освежевал ни одного из них, не сварил их мозги, чтобы выскребать их ложечкой из черепов во время изысканной трапезы. Не ставил ни силков, ни ловушек, не травил их ядом, но эти создания все равно преследуют меня. За что? Нет ответа. Я в полном отчаянии.

Солнце опускалось все ниже, и бхок’аралы стали смелее: они перелетали с уступа на уступ, цеплялись передними и задними лапками за щели и выступы на отвесном склоне и ловили ризанов – эти крохотные летающие ящерки как раз выбирались из укрытий на ночную охоту. Маленькие обезьяноподобные бхок’аралы хлопали кожистыми, как у летучих мышей, крыльями; эти твари были лишены хвостов, а их крапчатые шкурки отливали рыжевато-коричневым и бурым. Если не считать длинных клыков, мордочки бхок’аралов удивительно напоминали человеческие лица.

Из одинокого окна башни выпал, разворачиваясь, моток узловатой веревки. Крошечная круглая головка высунулась наружу и посмотрела на них.

– Однако нельзя не признать, – добавил Искарал, – что некоторые из этих тварей оказались довольно полезными.

Маппо вздохнул. Он-то надеялся, что сыщется какой-нибудь магический способ подняться наверх, нечто достойное верховного жреца Тени.

– Значит, нам придется карабкаться по веревке?

– Конечно нет! – возмутился Искарал. – Слуга заберется наверх, а затем поднимет нас.

– Ему потребуется немалая сила, чтобы втащить меня, – заметил трелль. – Да и Икария тоже.

Слуга поставил на землю поднос, поплевал на руки, подошел к веревке и начал взбираться по ней с неожиданной ловкостью. Искарал присел рядом с подносом и плеснул вина в три чаши.

– Мой слуга – наполовину бхок’арал. Длинные руки. Железные мускулы. Дружит с ними – вот возможный источник всех моих бед. – Жрец взял себе одну чашу и, выпрямившись, указал на поднос. – К счастью для слуги, я удивительно мягкий и терпеливый хозяин. – Он обернулся и крикнул человеку, карабкавшемуся по веревке: – Быстрей, пес паршивый!

А тот уже добрался до окна, перелез через подоконник и скрылся из виду.

– Этот слуга – дар Амманаса. Жизнь, данная за жизнь отнятую. Одна рука старая, другая – новая. Вот истинное раскаяние. Впрочем, сами увидите.

Веревка задрожала. Верховный жрец залпом выпил остатки вина, отшвырнул в сторону чашу и заковылял к веревке.

– Слишком старая, как бы не перетерлась. Давайте поживее! – Он уцепился руками за один из узлов и поставил ноги на другой. – Тяни! Эй, ты там оглох, что ли? Тяни, тебе говорят!

Искарал пулей взлетел наверх.

– Лебедка, – заметил Икарий. – Весьма удобное приспособление.

Маппо поморщился, вновь ощутив боль в плече, а затем сказал:

– Я так понимаю, ты ждал чего-то другого?

– Тесем, – проговорил Икарий, глядя, как жрец скрылся в окне. – Храм исцеления. Чертог отшельнического созерцания, хранилище свитков и книг. Место обитания ненасытных монахинь.

– Неужели ненасытных?

Ягт взглянул на своего друга и приподнял брови:

– Представь себе.

– Жаль, что их тут больше нет.

– Да, весьма.

– Судя по всему, – заметил Маппо, когда веревка снова упала вниз, – от отшельнической жизни у Искарала помутился рассудок. Война с бхок'аралами и шепотки бога, которого иные и самого считают безумным...

– Но здесь есть магическая сила, Маппо, – тихо сказал Икарий.

– Это точно, – согласился трелль, подходя к веревке. – Когда мул скрылся в пещере, там открылся Путь.

– Тогда почему же верховный жрец им не воспользовался?

– Сомневаюсь, что мы сможем получить простые ответы у Искарала Прыща.

– Держись крепче, Маппо.

– Хорошо.

Икарий вдруг протянул руку и положил ладонь на плечо Маппо:

– Друг мой.

– Да?

Ягг нахмурился:

– У меня не хватает стрелы, Маппо. Более того, на моем мече кровь, а на тебе я вижу ужасные раны. Скажи, мы с кем-то дрались? Я... ничего не помню.

Трелль долго молчал, а затем ответил:

– На меня напал леопард, когда ты спал, Икарий. Тебе пришлось использовать оружие. Я не думал, что об этом стоит упоминать.

Икарий нахмурился еще больше.

– И снова, – медленно прошептал он, – я выпал из времени.

– Ничего ценного ты при этом не потерял, дружище.

– Иначе ты сказал бы мне, да? – В серых глазах ягга отразилась отчаянная мольба.

– А с какой стати мне молчать, Икарий?

Глава третья

«Красные клинки» были в то время самой многочисленной из промалазанских организаций, которые появились на завоеванных территориях. Члены этого воинственного псевдокульта рассматривали себя как сторонников прогресса, ратовавших за присоединение к Малазанской империи. Однако они печально прославились жестоким отношением к своим более консервативно настроенным соотечественникам...

Илем Траут. Жизнь покоренных

Фелисин неподвижно лежала под Бенетом, пока он, содрогнувшись в последний раз, наконец не кончил. Отодвинувшись, он ухватил пятерней ее волосы. Под слоем грязи лицо его покраснело, а глаза блестели в свете лампы.

– Ты еще научишься получать от этого удовольствие, девочка, – сказал Бенет.

Волна чего-то дикого всегда накатывала на Фелисин, когда она совокуплялась с Бенетом. Она знала, что это пройдет.

– Наверняка, – ответила девушка. – Так ты дашь ему выходной?

Хватка Бенета на миг стала крепче, но потом он расслабился.

– Ага, мы ведь договорились. – Молодой мужчина отодвинулся дальше и начал завязывать штаны. – Но как по мне, так смысла в этом никакого. Старик все равно до конца месяца не дотянет. – Бенет помолчал, глядя на Фелисин; его дыхание стало жестким. – Худов дух, девочка, да ты ведь красавица. Будь поживее в следующий раз, не лежи бревном. Не пожалейшь. Я тебе мыло добуду, новый гребешок, настойку от вшей. Работать будешь тут, на Загибах, – это я обещаю. Покажи, что тебе приятно, девочка, только и всего.

– Я постараюсь, – сказала Фелисин. – Когда боль пройдет.

Пробил одиннадцатый дневной колокол. Они находились в третьем забое дальней шахты на руднике под названием Загибы. Тоннель был невысоким, так что по всей длине штольни – почти четверть мили – приходилось ползти на четвереньках. В затхлом воздухе стоял запах отатараловой пыли и мокрого камня.

Все остальные уже давно вернулись в Присмерк, но Бенет, бывший правой рукой капитана Саварка, мог делать, что ему вздумается. Например, использовать для личных нужд заброшенную штольню. Фелисин встречалась с ним здесь уже в третий раз. В первый было труднее всего, а сейчас она уже начала потихоньку привыкать. Бенет заприметил ее сразу же после прибытия в Черепок, поселение каторжников в Досийских копиях. Широкоплечий, огромного роста, даже выше Бодэна, Бенет, хотя и сам тоже был узником, командовал всеми прочими рабами, так что стража считала его своим человеком среди заключенных. Он был жестоким, опасным и... поразительно красивым.

Еще на корабле, перевозившем арестантов, Фелисин поняла, что может торговать своим телом. Отдаваясь стражникам, она получала больше еды для себя, Геборика и Бодэна. Раздвигая ноги перед нужными людьми, смогла добиться, чтобы всех троих приковали на возвышении, у килевого трапа, а не в полной нечистот воде, которая плескалась в трюме, доходя до щиколотки. Менее удачливые заключенные всю дорогу гнили в этой воде. Некоторые захлебнулись, когда голод и болезни ослабили их настолько, что удержаться на поверхности уже не хватало сил.

Геборик поначалу страшно огорчился и злился, видя, какую цену платит Фелисин, и это заставляло девушку испытывать жгучий стыд. А потом смирился: это был единственный способ остаться в живых. Бодэн же – и тогда, и до сих пор – только смотрел на нее ничего не выражающим взглядом. Он наблюдал за Фелисин, как незнакомец, который никак не может разо-

браться, кто же она такая на самом деле. Но он постоянно держался рядом, охраняя ее наряду с Бенетом. Между этими двумя мужчинами явно установилась какая-то молчаливая договоренность. Когда Бенета не было рядом, чтобы защитить ее, поблизости непременно маячил Бодэн.

На корабле Фелисин хорошо изучила вкусы мужчин, а также тех немногих женщин-стражниц, которые брали ее к себе в койку. Она думала, что готова ко всему, но ошиблась: член у Бенета оказался таким огромным, что причинял ей страшную боль.

Поморщившись, Фелисин натянула свою рабскую тунику.

Бенет посмотрел на нее. Высокие скулы рельефно выступали под глазами, а черные волосы, длинные и курчавые, поблескивали от китового жира.

– Я отправлю старика на Земельку, если хочешь, – сказал он.

– Правда?

Бенет кивнул:

– Отныне для тебя все изменится. Я не возьму ни одну другую женщину. Я – король Черепка, а ты будешь моей королевой. Бодэн станет твоим личным телохранителем: я ему доверяю.

– А Геборик?

Бенет пожал плечами:

– Вот ему доверия нет. И проку от старика никакого. Только тележки таскать, на большее он не способен. Тележки здесь или плуг на Земельке. – Он пристально посмотрел на Фелисин. – Но он твой друг, так что я ему что-нибудь подберу. Сделаю Геборику послабление.

Девушка провела пальцами по волосам:

– Ну уж и послабление. Тележка или плуг, – по мне, так особой разницы нет...

Бенет нахмурился, и Фелисин подумала, что зашла слишком далеко.

– Ты никогда не тянула тележку с камнями, милая. Тащишь-тащишь ее пол-лиги по тоннелям, а потом идешь обратно, и все начинается по новой – и так три-четыре раза в день. Да никакого сравнения с тем, чтобы волочь плуг по мягкой, изрытой земле. Проклятье, девочка! Не могу же я просто освободить старика от тележек. В Черепке все работают.

– Но дело ведь не только в этом, да? Ты чего-то недоговариваешь?

Вместо ответа он отвернулся и пополз к выходу из забоя.

– У меня есть каннское вино, свежий хлеб и сыр. Була приготовила для стражников рагу, и нам достанется по миске.

Фелисин последовала за Бенетом. От одной мысли о еде у нее аж слюнки потекли. Если сыра и хлеба окажется вдосталь, можно будет приберечь немного для Геборика, хотя тот настаивал, что ему нужны только мясо и фрукты. Но такие яства в Черепке ценились на вес золота, и найти их было не легче. Фелисин подумала, что старик обрадуется всему, что бы она ни принесла.

Было ясно, что капитан Саварк получил приказ уморить историка. Никаких убийств – к чему лишний риск, – просто медленная, мучительная смерть от голода и непосильного труда. Поскольку у Геборика отсутствовали кисти рук, его отправили возить тележки. Каждый день старик налегал на ремни, вытаскивая сотни фунтов дробленого камня из Глубокой шахты к Присмерку. Все остальные тележки везли волю – по три на каждое животное. Геборик тянул только одну – вот и все, что указывало на его принадлежность к роду человеческому.

Фелисин не сомневалась, что Бенет знает о том, какие указания получил свыше Саварк. Власть «короля» Черепка была отнюдь не безграничной, хотя сам он и утверждал обратное.

Она добрались до основной штольни, откуда до Присмерка оставалось около четырех сотен шагов. Если в Глубокой шахте толстая и богатая жила отатарала шла прямо под холмами, то на Загибах жилы скручивались, поднимались и опускались, петляли в известняке. В отличие от железной руды на континенте отатарал никогда не уходил в материковый грунт. Найти его можно было только в толще известняка; этот минерал залегал длинными, но неглубокими

жилами, которые текли, словно реки ржавчины, между окаменевшими растениями и моллюсками.

«Известняк – это кости некогда живших созданий, – сказал Геборик, когда они обосновались на ночлег в лачуге, которую заняли в Заплюйном ряду; это было еще до того, как Бенет перевел их в более приличный район за таверной Булы. – Я раньше читал об этой теории, а ныне и сам убедился в ее состоятельности. Теперь приходится признать, что отатарал, похоже, не является рудой естественного происхождения».

«Это важно?» – поинтересовался Бодэн.

«Ну разумеется. Ведь если это не естественное образование, то что же тогда? – Геборик ухмыльнулся. – Отатарал, несущий погибель магам, был рожден магией. Будь я менее добросовестным ученым, написал бы об этом трактат».

«К чему ты клонишь?» – не поняла Фелисин.

«Жи́лы, которые мы тут разрабатываем, – принялся объяснять старик, – похожи на слои жира, который когда-то расплавился, а теперь снова застыл и лежит между слоями известняка. Догадываетесь, что произошло на острове? Магия, породившая отатарал, вышла из-под контроля. Я бы не хотел нести ответственность за то, что подобная катастрофа может вновь повториться».

У ворот Присмерка стоял одинокий малазанский солдат. За спиной у него начиналась насыпная дорога, ведущая в поселок. Далеко впереди солнце как раз садилось за гряды на границе рудника, так что Черепок накрыли ранние тени, этакое покрывало сумрака, которое приносило благословенное избавление от дневной жары.

Молодой стражник положил руки в наручах на крестовину своего меча.

Бенет хмыкнул:

– Привет, Пелла! А напарник твой где?

– Этот растреклятый досий ушел, бросив пост, Бенет. Может, тебе удастся достучаться до Саварка? Худ свидетель, нас он не слышит. Солдаты-досии растеряли последние остатки дисциплины. Совсем позабыли о службе, только и делают, что режутся в орлянку у Булы. Нас всего семьдесят пять человек, а их – две сотни, Бенет. Нельзя же так, тем более теперь, когда начались все эти разговоры про мятеж... Пожалуйста, объясни это Саварку.

– Да ты совсем историю позабыл, приятель, – сказал Бенет. – Досии не встают с коленей вот уже три сотни лет. Они по-другому просто и жить не умеют. Сперва ими помыкали выходцы с континента, потом фаларские колонисты, а теперь вы, малазанцы. Так что успокойся, парень, пока тебя не сочли трусом.

– «Историей утешаются лишь дураки», – заметил молодой малазанец.

Бенет лающе хохотнул и шагнул к воротам:

– А это чьи слова, Пелла? Не твои же.

Стражник приподнял брови, затем пожал плечами:

– Я иногда забываю, что ты корелец, Бенет. Это слова императора Келланведа. – Взгляд Пеллы метнулся к девушке, и в нем сверкнуло напряжение. – «Имперские войны» Дукера, том первый. Ты ведь малазанка, Фелисин. Помнишь, что там говорится дальше?

Она покачала головой, не показывая, насколько удивило ее поведение этого молодого человека.

«Я научилась читать людей по лицам, а Бенет ничего не замечает».

– Я не знакома с трудами Дукера, Пелла.

– А стоит с ними познакомиться, – с улыбкой заметил стражник.

Фелисин почувствовала нетерпение Бенета и шагнула к воротам мимо Пеллы.

– Боюсь, во всем Черепке и одного свитка не найдется, – сказала она.

– Ну, может, найдешь человека, который выудит продолжение из памяти, а?

Она снова посмотрела на него и нахмурилась.

– Никак мальчик с тобой флиртует? – хмыкнул Бенет. – Будь с ним помягче, милая.

– Я подумаю, – тихо ответила Пелле Фелисин и поспешила за любовником.

Догнав Бенета на дороге, она улыбнулась:

– Не люблю таких выскочек.

Он расхохотался:

– Это меня радует. Ты хорошо разбираешься в людях, милая.

«О, благословенная Королева Грез, пусть это окажется правдой!»

Окруженные отвалами битого камня штольни зияли по обе стороны насыпной дороги до того места, где она сливалась с двумя другими на перекрестке Трех Судеб – так именовалась широкая развилка, рядом с которой возвышались две приземистые караулки досийских стражников. К северу от Загибной дороги, по правую руку от идущих к перекрестку Фелисин и Бенета, лежала Глубокая дорога; а слева, на юге, тянулась Штольная дорога, которая вела к выработанной шахте, куда каждый вечер вывозили мертвецов.

Повозки с телами нигде не было видно; значит, задержалась в поселке: видимо, трупов сегодня набралось больше, чем обычно.

Они повернули на перекрестке и оказались на Рабочей дороге. За северной караулкой раскинулось Утопное озеро – гладь бирюзовой воды тянулась аж до северной стены рудника. Говорили, что вода якобы проклята и всякий нырнувший туда сгинет. Некоторые верили, что на дне озера живет демон. Геборик предположил, что недостаток плавучести – свойство крайне богатой известняком воды. В любом случае мало кто из рабов был настолько глуп, чтобы попытаться сбежать через озеро, поскольку стена рудника на севере была отвесной и вдобавок постоянно поблескивала каплями скапливавшихся на корке известняковых отложений, которые покрыли кладку, словно влажная полированная кость.

Тем не менее, когда наступил сухой сезон, Геборик попросил Фелисин обращать внимание на уровень воды в Утопном озере, и, шагая сейчас по Рабочей дороге, она, невзирая на сумерки, присматривалась к дальнему берегу. Линия отложений поднималась над водой на сажень. Эта новость наверняка обрадует старика, хотя Фелисин и не понимала почему. Даже думать о побеге было абсурдно. Вокруг рудника во всех направлениях простиралась безжизненная пустыня, в которой питьевой воды не было и в помине. Рабы, которые смогли выбраться за стену, а затем ускользнуть от патрулей на Жучьей дороге, окружавшей копи, оставили свои кости в красных песках пустыни. Забраться так далеко удавалось немногим, и на широкой стене башни, что стояла возле Ржавого пандуса, стальные шипы выставляли напоказ свидетельства их неудачи. Недели не проходило, чтобы башня не украсилась телом новой жертвы. Чаще всего беглецы умирали в первый день, но некоторые мучились дольше.

Вымощенная истертыми камнями Рабочая дорога тянулась между таверной Булы справа и чередой борделей слева, а затем выходила на Крысиную площадь. Посреди круглой площади стояла выложенная из отесанного известняка шестиугольная башня – резиденция Саварка. Из всех заключенных внутри этого трехэтажного строения бывал только Бенет.

Двенадцать тысяч рабов жило в Черепке и работало на огромном руднике в тридцати лигах к северу от единственного на острове города и порта Досин-Пали. Кроме них и трех сотен стражников, тут поселились и местные: шлюхи из борделей, служанки, что работали в таверне Булы и в игорных домах, торговцы, наполнявшие Крысиную площадь в выходные, а также разношерстное воинство изгнанников, бездомных и обездоленных, которые выбрали для жизни рудник, а не гнилостные переулки Досин-Пали.

– Рагу наверняка уже остыло, – проворчал Бенет, когда они подошли к таверне Булы.

Фелисин вытерла пот со лба.

– Вот и славно. Хотя что-то холодное.

– Это ты еще не привыкла к жаре. Через месяц-другой будешь дрожать по вечерам, как и все остальные.

– По вечерам еще чувствуется дневной зной. Мне холодно в полночь и предутренние часы, Бенет.

– Перебирайся ко мне, девочка. Я тебя согрею.

«Только этого еще не хватало», – ужаснулась про себя Фелисин.

– Подумай хорошенько, прежде чем отказываться, – раздраженно прорычал он.

У Бенета порой вдруг ни с того ни с сего резко портилось настроение. Вот и сейчас, похоже, начинается.

– Була меня возьмет к себе в постель, – сказала девушка. – Можешь посмотреть, а то даже и присоединиться. Она нам наверняка разогреет еду. Даже вторую порцию даст.

– Она тебе в матери годится, – буркнул Бенет.

«А ты – в отцы».

Но она уже услышала, как изменилось его дыхание.

– Була такая соблазнительная: она круглая, и мягкая, и теплая, Бенет. Подумай.

Фелисин с облегчением поняла, что разговор о переезде не возобновится.

«По крайней мере, сегодня. Геборик ошибается: бессмысленно думать про завтра, загадывать на будущее. Есть только здесь и сейчас. Мне нужно выжить любой ценой. Чтобы однажды оказаться лицом к лицу с предательницей Таворой и выпустить всю кровь из ее жил. Ничего, ради этого я все вытерплю...»

Фелисин взяла Бенета за руку, когда они подошли к таверне, и почувствовала, что его ладонь взмокла от пота: он уже мечтал о плотских утехах с Булой.

«Однажды мы непременно встретимся с тобой, сестрица. И тогда берегись».

Геборик еще не спал: сидел у очага, завернувшись в одеяло. Он поднял глаза на Фелисин, когда та забралась в комнату по лестнице и закрыла за собой люк в полу. Она вытащила из сундука овчину и набросила ее на плечи.

– Неужели ты начала получать удовольствие от жизни, которую выбрала, девочка? В такие ночи я начинаю сомневаться.

– Я-то думала, тебе уже надоело осуждать меня, Геборик, – сказала Фелисин, снимая с крючка бурдюк с вином, и принялась рыться в груде полых тыковок, которые служили им чашками, пытаясь найти чистую. – Я так понимаю, Бодэн еще не вернулся. Кажется, даже такая простая задача, как помыть посуду, ему не по силам. – Фелисин нашла чашку, которая с натяжкой могла бы сойти за чистую, и плеснула в нее вина.

– Для разнообразия могла бы сделать перерыв, – заметил Геборик. – Ты ведь уже которую ночь подряд хлещешь спиртное.

– Не учи меня жить, старик.

Покрытый татуировками жрец вздохнул.

– Худ поберей твою сестрицу, – пробормотал он. – Ей было мало просто убить тебя, мерзавка захотела еще и поиздеваться. Превратила четырнадцатилетнюю девчонку в шлюху. Если Фэнер услышал мои молитвы, судьба Таворы превзойдет ее преступления.

Фелисин выпила половину чашки и посмотрела на Геборика затуманенным взором.

– Мне в прошлом месяце уже исполнилось пятнадцать, – сказала она.

Его глаза вдруг показались ей ужасно старыми. Историк отвел взгляд и стал опять смотреть в огонь.

Фелисин снова наполнила чашу, а потом тоже подошла к очагу. Навоз в жаровне горел ровным бездымным пламенем. Возвышение, в котором был устроен очаг, было отполировано и наполнено водой. Огонь согревал воду для мытья и умывания, а подобная импровизированная печь излучала довольно тепла, чтобы прогнать из комнаты ночной холод. Половицы укрывали обрывки досийского ковра и камышовые циновки. Вся лачуга стояла на сваях и была приподнята на пять футов над песком.

Усевшись на низенький деревянный табурет, девушка прижала промерзшие ступни к теплomu камню.

– Я видела, как ты сегодня возил тележки, – слегка невнятно проговорила она. – Рядом шел Ганнип с хлыстом.

– Они весь день развлекались таким образом, – недовольно проворчал Геборик. – Ганнип говорил своим стражникам, что отгоняет мух.

– Он рассек тебе кожу?

– Да, но следы Фэнера хорошо меня исцеляют, ты ведь знаешь.

– Раны – да, но не боль... Я же вижу, Геборик.

Он покосился на собеседницу:

– Странно, что ты еще хоть что-нибудь замечаешь, девочка. Чем это от тебя пахнет? Дурхангом? Поосторожней с ним. Этот дым уведет тебя в штольню потемнее и поглубже, чем любой рудник.

Фелисин протянула историку маленький черный шарик:

– Я избавилась от своей боли, теперь твоя очередь.

Он покачал головой:

– Спасибо за предложение, но не сейчас. Ты держишь в руках месячный заработок досийского стражника. Я бы посоветовал приберечь это сокровище на черный день. За него много что можно выторговать.

Фелисин пожала плечами и убрала дурханг обратно в кошель на поясе.

– Все, чего я хочу, Бенет дает мне просто так. Достаточно просто попросить.

– И ты думаешь, что он делает это бескорыстно?

Она выпила.

– Какая разница? Кстати, Геборик, я договорилась: с завтрашнего дня тебя переводят на Земельку. Так что теперь не будет больше никакого Ганнипа с хлыстом.

Старик закрыл глаза:

– Почему, когда я благодарю тебя, во рту остается такой горький привкус?

– Мой затуманенный вином мозг подсказывает ответ: «Потому что ты лицемер».

Она увидела, как побледнел Геборик.

«Ох, да что же это я такое творю? – одернула себя Фелисин. – Слишком много дурханга, слишком много вина! Неужели я делаю добро Геборику только для того, чтобы иметь возможность сыпать старику соль на раны? Я не хочу быть такой жестокой».

Девушка вытащила из-за пазухи еду, которую сберегла для своего друга, наклонилась и положила сверток ему на колени, сообщив:

– Вода в Утопном озере опустилась еще на сажень.

Историк промолчал, не сводя глаз со своих культий.

Фелисин нахмурилась. Нужно было сказать ему что-то еще, но память подводила. Она допила вино и выпрямилась, провела обеими руками по волосам. Кожа на голове словно бы онемела. Фелисин замерла, заметив, что Геборик исподтишка смотрит на ее груди – круглые и полные под натянувшейся туникой. Девушка простояла в этой позе чуть дольше, чем было необходимо, а затем медленно опустила руки.

– Между прочим, Була положила на тебя глаз, – заявила Фелисин. – Хочет испытать... новые ощущения. Думаю, тебе это пойдет на пользу, Геборик.

Он рывком сорвался с табурета, так что нетронутый сверток с едой свалился на пол.

– Худов дух, девочка, что ты болтаешь!

Она смеялась, глядя, как историк поспешно откинул в сторону занавеску, которая отделяла его койку от остальной комнаты, а потом неуклюже задернул ее за собой. В следующий миг Фелисин услышала, как старик забирается в постель.

«Я сказала это, желая развеселить тебя, Геборик, – хотела объяснить она. – И вовсе даже не собиралась над тобой насмехаться... Я не такая жестокая, как ты думаешь. Или все-таки жестокая?»

Девушка подняла сверток с едой и положила его на полку над очагом.

Час спустя, когда Фелисин без сна лежала на своей койке, а Геборик – на своей, вернулся Бодэн. Он подбросил в очаг навоза, но вообще двигался тихо. Пришел не пьяный.

Фелисин призадумалась: «Ну и где же он тогда был? Куда вообще ходит каждую ночь?»

Самого Бодэна спрашивать было бессмысленно. Он вообще мало общался с другими, а с ней – особенно.

Однако в следующий миг Фелисин вдруг услышала, как Бодэн тихонько постучал пальцем по перегородке Геборика. Историк тут же откликнулся. Старик говорил тихо, так что слов было не разобрать, а Бодэн что-то прошептал в ответ. Разговор продолжался пару минут, а потом Бодэн тихонько хохотнул и отправился спать.

Эти двое явно что-то задумали, но Фелисин потрясло другое. Они ничего ей не сказали! В душе у девушки вспыхнула ярость.

«А ведь благодаря мне оба они остались в живых! Я им помогала – и на корабле, и потом! Була права: все мужчины ублюдки, годные только на то, чтобы их использовать. Ну ладно же, теперь сами увидите, как живется в Черепке остальным, от меня вы больше помощи не дождетесь. Я тебя еще отправлю обратно таскать тележки, старик, клянусь!»

Фелисин обнаружила, что едва сдерживает слезы, и поняла, что ничего подобного не сделает. Ей и вправду был нужен Бенет, и она будет расплачиваться по мере сил, чтобы только удержать его. Но ей также нужны были и Геборик с Бодэном, какая-то часть ее души цеплялась за них, как ребенок за родителей, это были единственные близкие люди в жестоком мире. И потерять их значило бы потерять... все.

Ясное дело, они подумали, что Фелисин продаст их тайну так же легко, как продает свое тело, но ведь это неправда!

«Клянусь, это неправда! – Девушка уставилась невидящим взглядом в темноту, по щекам катились слезы. – До чего же я одинока! У меня остался только Бенет. Бенет, его вино, его дурханг и его тело».

Между ног до сих пор саднило с того момента, когда Бенет все-таки присоединился к ним с Булой на огромной постели в таверне.

«Ничего, – сказала она себе, – это только вопрос силы воли: боль можно превратить в удовольствие. Терпи и выживай. Каждый день. Каждый час».

Рынок на набережной начал заполняться толпами покупателей. Вроде бы утро как утро, ничем не отличается от любого другого. Но это только так казалось. Страх обдавал Дукера ледяным холодом, который не могло развеять даже восходящее солнце. Он сидел, скрестив ноги, на моле, глядя на бухту и дальше – в Сахульское море, и страстно желал, чтобы адмирал Нок и его флот вернулись.

Однако некоторые приказы не в состоянии отменить даже Колтейн. У виканца не было власти над малазанскими военными флотилиями, и сегодня Сахульский флот по воле Пормквала покинул гавань Хиссара и отправился в месячное плавание до Арэна.

Несмотря на все попытки властей делать вид, будто ничего особенного не произошло, хиссарцы не оставили незамеченным уход боевых кораблей: утренний рынок звенел смехом и возбужденными голосами. Покоренные одержали первую победу – бескровную, в отличие от будущих. Так, по крайней мере, думали местные жители.

Единственным утешением Дукеру служило то, что Маллик Рэл, жрец-джистал, покинул город вместе с флотом. Впрочем, довольно легко было вообразить, какой отчет он представит Пормквалю.

Внимание историка привлек малазанский парус в проливе: с северо-востока подходило небольшое грузовое судно.

«Из Досин-Пали на острове, наверное, или откуда-то дальше по побережью. Интересно, – призадумался Дукер, – кто это плывет сюда и зачем?»

Историк почувствовал, что рядом с ним появился какой-то человек, и, обернувшись, увидел Кальпа, который взобрался на невысокий волнолом и теперь болтал ногами, сидя над мутной водой в десяти шагах вниз.

– Дело сделано, – проговорил маг таким тоном, словно признавался в предумышленном убийстве. – Я передал весточку. Если ваш друг еще жив, он получит указания.

– Спасибо, Кальп.

Чародей беспокойно поежился. Потер лицо и покосился на судно, входившее в гавань. Патрульная лодка направилась к кораблю, как только моряки убрали единственный парус. Две фигуры в блестящих доспехах стояли на палубе, глядя на приближавшуюся барку.

Один из людей в доспехах перегнулся через планширь и обратился к командиру патруля. В следующий миг гребцы начали разворачивать барку – и очень поспешно.

Дукер крикнул:

– Видели?

– Ага, – проворчал Кальп.

Судно двинулось к имперскому причалу, низкие борта оцетинились веслами чуть выше ватерлинии. Вскоре матросы на пристани приняли швартовы. Развернули широкий трап, а на палубе историк разглядел лошадей.

– «Красные клинки», – сказал Дукер, увидев, что рядом с животными появились новые вооруженные люди.

– Из Досин-Пали, – добавил Кальп. – Я первых двоих узнал: это Барья Сэтрал и его брат Мескер. У них еще один брат есть – Орто. Он командует арэнской ротой.

– «Красные клинки», – задумчиво протянул историк. – Уж эти не питают иллюзий по поводу положения дел. Говорят, они пытаются взять под контроль другие города, и вот теперь мы видим, как в Хиссаре их стало вдвое больше.

– Интересно, а Колтейн знает?

Атмосфера на рынке накалялась; все головы поворачивались в сторону гавани, великое множество глаз следило за тем, как Барья и Мескер Сэтралы выводят своих воинов на причал. «Красные клинки» были хорошо экипированы и готовы к войне. Они оцетинились оружием, облачились в кольчужные штаны и опустили забрала с узкими прорезями. Луки натянуты, стрелы – в открытых колчанах. Даже на передних ногах скакунов угрожающе блестят ножи.

Кальп нервно сглотнул.

– Не нравится мне это, – пробормотал он.

– Выглядит так, будто они...

– ...Собрались напасть на рынок, – закончил Кальп. – И боюсь, это не просто бравада, Дукер. Ох, Фэнеровы копыта!

Историк посмотрел на Кальпа, во рту у него пересохло.

– Вы открыли свой магический Путь.

Чародей не ответил и скользнул прочь с мола, не сводя глаз с «красных клинков»: те уже уселись в седла и строились на дальнем конце причала – напротив пяти сотен горожан, которые вдруг затихли и начали отступать в переулки, по узким проходам между повозками и навесами торговцев. Давка в толпе вскоре вызовет панику, а именно этого и хотели добиться «красные клинки».

Отпустив копыта, которые повисли на лямках из сыромятной кожи, «красные клинки» положили стрелы на тетивы; кони под воинами мелко дрожали, но не двигались с места.

Толпа вдруг вскипела, будто в некоторых местах под нею зашевелилась земля. Дукер увидел фигуры, которые двигались не прочь от пристани, а, наоборот, к шеренге воинов.

Кальп сделал полдюжины шагов навстречу «красным клинкам».

Протолкавшись через толпу, фигуры сбросили капюшоны и телабы, открыв солнцу кожаные доспехи с нашитыми на них железными пластинами. В затянутых в перчатки руках блистали длинные клинки. Темные глаза на загорелых, покрытых татуировками лицах виканцев холодно и твердо смотрели на Барью и Мескера Сэтралов и их воинов.

Десять виканцев остановились напротив примерно сорока «красных клинков», и люди за их спинами застыли – безмолвные и неподвижные, словно статуи.

– Посторонитесь! – взревел Барья, лицо которого потемнело от ярости. – Или сейчас умрете!

Виканцы захохотали, бесстрашно и издевательски.

Дукер сорвался с места и поспешил за Кальпом, который уже приблизился к «красным клинкам».

Увидев мага, Мескер прорычал проклятие. Его брат нахмурился.

– Не будь дураком, Барья! – прошипел чародей.

Командир «красных клинков» угрожающе сощурился.

– Если только используешь против меня колдовство – зарублю! – заявил он.

Теперь Дукер уже заметил отатараловые звенья, вплетенные в кольчугу Барьи.

– Мы перережем эту кучку варваров, – прорычал Мескер, – а потом отметим свое прибытие в Хиссар, как должно... пролив кровь предателей!

– После чего пять тысяч виканцев отомстят за убитых родичей, – сказал в ответ Кальп. – И отнюдь не стремительными ударами мечей. Нет, вас живьем насадят на железные зубцы набережной. На потеху чайкам. Колтейн тебе пока что не враг, Барья. Вложи меч в ножны и честь по чести представься новому кулаку. Если поступишь иначе – пожертвуешь не только собственной жизнью, но и жизнями своих солдат.

– Не делай вид, будто меня не видишь! – рявкнул Мескер. – Барья мне не указ, колдун.

Кальп ухмыльнулся.

– Цыц, щенок. Куда Барья идет, туда и Мескер следует. Или ты скрестишь клинки с родным братом?

– Хватит, Мескер, – пророкотал Барья. – Уймись уже!

Тальвар его брата молниеносно вылетел из ножен.

– Ты смеешь мне приказывать?!

Виканцы одобрительно заорали, подначивая Мескера. Несколько смельчаков в толпе за ними рассмеялись.

Лицо Мескера побелело от гнева. Барья вздохнул:

– Брат, не сейчас.

Верховой отряд хиссарской стражи замаячил над головами горожан. Конники начали расчищать себе дорогу между прилавками и лотками. Слева зазвучал улюлюкающий хор голосов: обернувшись, Дукер и остальные увидели шесть десятков виканских лучников, которые уже натянули луки, направив наконечники прямо в «красных клинков».

Барья медленно поднял левую руку и резко подал знак. Его воины опустили оружие.

Рыча от разочарования, Мескер с силой вогнал тальвар обратно в деревянные ножны.

– Прибыл почетный эскорт, – сухо заметил Кальп. – Похоже, новый кулак вас ждал.

Дукер стоял рядом с магом и смотрел, как Барья ведет своих «красных клинков» навстречу хиссарским солдатам. Историк поежился:

– Худов дух, Кальп! Это был рискованный ход!

Чародей хмыкнул:

– Ну, положим, поведение Мескера Сэтрала предсказать нетрудно, – ответил он. – Безмозглый, как кошка, и отвлечь его так же просто. Я даже понадеялся на минуту, что Барья примет его вызов: чем бы дело ни закончилось, стало бы на одного Сэтрала меньше. Жаль, что упустили такую возможность.

– Замаскированные виканцы, – начал Дукер, – не имели никакого отношения к встрече «красных клинков». Колтейн послал на рынок своих шпионов.

– Хитрый пес этот Колтейн.

Дукер покачал головой:

– Они себя выдали.

– Ага, и показали всем, что готовы жизнь положить, защищая горожан.

– Если бы Колтейн был здесь, Калып, я сомневаюсь, что он приказал бы этим воинам выйти вперед. Виканцы очень хотели ввязаться в бой. Защита толпы на рынке тут ни при чем.

Маг потер лицо:

– Будем надеяться, что сами хиссарцы считают иначе.

– Идемте, – сказал Дукер, – давайте выпьем вина: я знаю одно славное местечко на площади Империи. А по пути расскажете мне, отчего в Седьмой армии вдруг стали радушно относиться к своему новому командующему.

Калып лающе хохотнул, когда они двинулись прочь от пристани:

– Зауважали его, может быть, но уж о радушии даже речи не идет. Колтейн ведь всю строевую подготовку переиначил. Мы всего один раз строем ходили с его приезда – и было это в тот день, когда он еще только принял командование!

Дукер нахмурился:

– Мне говорили, что он гоняет солдат до седьмого пота, так что даже следить за дисциплиной не надо, – к восьмому колоколу все так хотят спать, что в казармах тихо, словно на кладбище. Если Колтейн отменил все эти традиционные «колеса», «черепахи» и «стены щитов», то чем же вы занимаетесь?

– Знаете разрушенный монастырь на холме к югу от города? Там, кроме главного храма, в основном одни фундаменты остались, но стены по всей вершине высотой где-то по грудь – этаким небольшой городок. Ну, саперы их надстроили, кое-где соорудили крыши. Там и раньше был целый лабиринт из узких переходов и тупиков, но саперы по приказу Колтейна превратили его в настоящий ад. Бьюсь об заклад, там до сих пор бродят заблудившиеся солдаты. Виканец гоняет нас туда каждый день: боевые учения, оборона улиц, штурмы зданий, выход из окружения, вылазки за ранеными. Воины Колтейна играют роль взбунтовавшихся толп и мародеров, и, скажу вам, господин историк, у них это, видно, в крови: ну до того ловко получается. – Чародей остановился и вздохнул. – Что ни день мы жаримся под солнцем... на этом выжженном холме, разделенные повзводно, и перед каждым взводом ставятся невыполнимые задачи. – Он поморщился. – При новом командующем каждый солдат в Седьмой армии уже не меньше дюжины раз «погиб» в учебных сражениях. Есть у нас такой парнишка, капрал Лист. Так вот, его и вовсе «убивают» буквально в каждом упражнении. Бедный мальчик уже чуть умом не тронулся, а эти дикари вокруг только знай воют да улюлюкают.

Дукер молчал, пока они не приблизились к площади Империи. Когда спутники вошли в Малазанский квартал, историк наконец заговорил:

– Выходит что-то вроде соперничества между Седьмой армией и виканским полком?

– О да, это неплохая тактика, но, как по мне, дело зашло слишком далеко. Результаты увидим через несколько дней, когда будем получать поддержку от виканских конников. Начнутся подставы, помяните мое слово.

Они вышли на площадь.

– А что делаете на учениях вы? – спросил Дукер. – Какое задание Колтейн дал последнему кадровому магу?

– А я весь день напролет создаю иллюзии, пока череп не начинает раскалываться. Вот же глупость!

– Иллюзии? В учебных боях?

– Ага, это и делает задачи такими невыполнимыми. Поверьте, Дукер, все бойцы уже дружно меня проклинаят.

– И кого же вы против них бросаете? Драконов?

– Если бы! Я создаю малазанских беженцев. Сотнями. Тысячи тяжелых пугал, которых солдаты должны тащить из боя, Колтейну показалось мало. Сотворенные мною малазанцы бегут не в ту сторону, наотрез отказываются выходить из домов, волокут с собой мебель и другие пожитки. По приказу командующего мои «беженцы» порождают настоящий хаос. В общем, Дукер, я сейчас не самый популярный человек в Седьмой армии.

– А как там Сормо И'нат? – спросил историк, у которого вдруг пересохло во рту.

– Колдун? Его нигде не видно.

Дукер задумчиво кивнул. Именно такого ответа он и ожидал.

«Ты занят совсем другим, Сормо И'нат, небось бродишь по пустыне и читаешь письма на камнях. Верно? А Колтейн всюду трудится, чтобы выковать из Седьмой армии надежных защитников для малазанских беженцев».

– Чародей, – наконец позвал Дукер.

– Да?

– Можно десяток раз «умереть» на учениях, но все это ерунда. Когда дело доходит до настоящего боя, гибнешь лишь единожды. Так что хорошенько муштруйте Седьмую армию, Калып. Сделайте все возможное. Покажите Колтейну, на что способна Седьмая армия: обсудите это со взводными командирами. Сегодня вечером. А завтра – ступайте на учения и выполните свои задания. Я поговорю с Колтейном, чтобы он дал бойцам день отдыха. Проявите свое рвение – и он непременно согласится.

– Но почему вы так в этом уверены?

«Потому что время на исходе, а солдаты ему нужны. Причем те, которые находятся в наилучшей форме».

– Выполняйте самые сложные задания. Побеждайте. А об остальном я позабочусь.

– Ну ладно, Дукер. Посмотрим, что я еще смогу сделать.

Капрал Лист «погиб» в первые же минуты учебного боя. Бальт, который командовал воюющей оравой виканцев, бесчинствовавших на главной улице условного городка, лично стукнул незадачливого малазанца по голове с такой силой, что бедный мальчик без чувств растянулся в пыли. Старый воин поднял Листа с земли, перебросил через плечо и вынес из боя.

Ухмыляясь, Бальт трусцой пробежал по грязной тропинке на холм, откуда новый кулак и его офицеры наблюдали за сражением, и бросил капрала в пыль у ног Колтейна. Дукер вздохнул.

Колтейн огляделся по сторонам:

– Эй, лекарь! Займись парнем!

Рядом появился один из костоправов Седьмой армии и опустил на корточки над капралом. Взгляд раскосых глаз Колтейна нашел Дукера.

– Что-то, историк, я не вижу в сегодняшних учениях никаких изменений к лучшему.

– Еще не вечер, господин наместник.

Виканец хмыкнул и снова сосредоточил внимание на развалинах, над которыми уже вздымалась туча пыли. Из хаоса выходили солдаты, бойцы Седьмой армии, и виканцы, по настоящему раненные, хотя и не сильно. У некоторых были сломаны руки или ноги.

Поднимая свою дубинку, Бальт нахмурился.

– Ты явно поторопился с выводами, Колтейн, – заявил он. – Нынче все и впрямь обстоит иначе.

Дукер заметил, что сегодня среди «погибших» больше виканцев, чем солдат Седьмой армии, и с каждой минутой разница становилась все более разительной. Где-то там, в клубах пыли, ход битвы решительно переменялся.

Колтейн велел привести ему коня. Взлетел в седло и бросил жесткий взгляд на Бальта:

– Останься тут, дядя. Где мои копейщики?

Он нетерпеливо ожидал, пока сорок всадников поднимутся на холм. Копья воинов были обмотаны полосками кожи. Но они все равно оставались опасными: даже так любой удар, кроме скользящего, скорее всего, сломает кость – это Дукер знал наверняка.

Колтейн повел отряд рысью к развалинам. Бальт сплюнул в пыль.

– Ну, теперь самое время, – проворчал он.

– Для чего? – уточнил Дукер.

– Седьмая армия наконец-то заслужила поддержку копейщиков. Между прочим, на неделю позже срока, историк. Колтейн все ждал, что бойцы окрепнут, а они лишь падали духом. Кто же влил в них новые силы? Уж не ты ли? Берегись, как бы Колтейн не сделал тебя капитаном.

– Я был бы не прочь присвоить заслуги себе, – ответил Дукер, – но на самом деле это Кальп и взводные сержанты так хорошо поработали.

– Стало быть, это чародей им подыгрывает? Неудивительно, что битва пошла иначе.

Историк покачал головой:

– Кальп исполняет приказы Колтейна, Бальт. Если вас интересует причина, по которой виканцы потерпели поражение, то ищите ее в другом месте. Может, просто Седьмая армия решила наконец-то показать, на что она на самом деле способна.

– Может, и так, – протянул старый солдат, и его маленькие темные глазки хитро блеснули.

– Я слышал, что господин кулак назвал вас дядей.

– Ага.

– Это правда?

– Что правда?

– Вы действительно приходите к нему дядей?

– Кто? Я?

Дукер сдался. У каждого свои представления о юморе, и он уже начал понимать особенности менталитета виканцев. Ясное дело, придется обменяться еще дюжиной быстрых реплик, прежде чем Бальт наконец удостоит его ответом.

Из клубов пыли появилось два десятка «беженцев», которые как-то странно спотыкались на ходу. Все они тащили невероятно тяжелые пожитки: массивные тумбочки, сундуки, забитые едой шкафы, подсвечники и древние доспехи. С флангов толпу прикрывал строй солдат Седьмой армии: они хохотали, кричали и били мечами о щиты, празднуя победу.

Бальт лающе хохотнул:

– Передай мои поздравления Кальпу, когда увидишь его, историк.

– Седьмая армия заслужила день отдыха, – сказал Дукер.

Виканец приподнял редкие брови:

– Это за одну-то победу?

– Людям нужно хорошенько ее прочувствовать. К тому же целителям понадобится время, чтобы срастить кости, – плохо будет, если в нужный момент они все окажутся не в форме.

– А момент этот, по-твоему, скоро уже настанет, так?

– Уверен, – медленно проговорил Дукер, – что Сормо И'нат со мной согласится.

Бальт опять сплюнул:

– А вот и мой племянник.

Из пыли возникли копейщики во главе с Колтейном. Они прикрывали отход солдат, многие из которых несли или тащили чучела беженцев. Сразу было понятно, что Седьмая армия одержала неоспоримую победу.

– Что это у Колтейна с лицом? – спросил Дукер. – Мне на миг показалось, будто я вижу там улыбку...

– Тебе наверняка почудилось, – пробурчал Балът, но Дукер уже достаточно хорошо изучил виканцев и уловил в голосе старого воина шутливую нотку. Затем Балът добавил: – Передай Седьмой армии добрую весть, историк. Они заслужили день отдыха.

Скрипач сидел в темноте. Заросший сад окружал колодец и полукруглую скамейку рядом с ним. Прямо над головой сапера открывался небольшой кусочек звездного неба. Луны не было. Вдруг он склонил голову набок и насторожился.

– Молодец, парень, умеешь подкрасться незаметно.

Крокус немного помялся за спиной у Скрипача, затем сел рядом на скамейку.

– Ты небось и сам не ожидал, что Калам так с тобой поступит, – заявил юноша.

– Считаешь, он меня подставил?

– Ну, со стороны это выглядит именно так.

Скрипач ничего не ответил. Изредка над полянкой проносились ризаны и хватали накидочников, которые парили над колодцем. В прохладный ночной воздух просачивалась из-за задней стены вонь гниющих отбросов.

– Апсалар расстроилась, – сказал Крокус.

Сапер хмыкнул:

– Надо же, какая чувствительная! Мы просто поспорили. Не пленных пытали.

– Апсалар ничего такого не помнит.

– Зато я помню, парень, подобное забыть нелегко.

– Она же просто девушка-рыбачка.

– Чаще всего – да, – согласился Скрипач. – Но иногда... – Он только покачал головой.

Крокус вздохнул, затем сменил тему:

– Значит, изначально это не было частью вашего плана? Ну, то, что Калам пойдет отдельно? Он только потом надумал?

– Ничего не попишешь, приятель: зов крови. Калам ведь родился и вырос в Семиградье. К тому же он хочет увидеть эту Ша'ик, пустынную ведьму, орудие Дриджны.

– Ну вот, теперь ты встал на сторону Калама, – с тихим раздражением проворчал юноша. – Хотя полчаса назад ты его чуть в лицо не назвал предателем.

Скрипач поморщился:

– Тяжелые времена настали, причем для всех нас. Ласин объявила сжигателей мостов вне закона, но разве от этого мы перестали быть солдатами? Малазанская империя и императрица – это ведь не одно и то же...

– Лично я не вижу особой разницы.

Сапер покосился на Крокуса:

– Вот как? Спроси девчонку; может, она тебе объяснит.

– Но вы же ждете восстания. Больше того, вы на него рассчитываете...

– Да, но это ведь еще не значит, что мы сами должны вызвать Вихрь, правда? Калам хочет быть в сердце событий. Такой уж он человек. На этот раз шанс буквально упал ему под ноги. В Книге Дриджны скрыто сердце богини Вихря: чтобы начался Апокалипсис, ее надлежит открыть, причем не кому иному, как провидице. Калам знает, что это может стоить ему жизни, но непременно доставит эту Худом проклятую книгу Ша'ик – и таким образом добавит еще одну трещину в основание и без того рассыпающейся власти Ласин. Следует отдать ему должное хотя бы за то, что он твердо решил не впутывать в это дело остальных.

– Ну, вот опять ты его защищаешь. Вы же собирались убить Ласин, а не ввязываться в мятеж. Я по-прежнему не понимаю, зачем мы вообще приплыли в Семиграде...

Скрипач выпрямил спину и посмотрел на звезды над головой. Звезды пустыни, острые бриллианты, всегда готовые пролить кровь.

– Разные пути ведут в Унту, парень. Мы здесь, чтобы найти дорогу, которой прежде, наверное, никто еще не ходил. Она, может, и не слишком подходит, но мы все равно будем ее искать – с Каламом или без него. Трудно сказать наперед; возможно, Калам выбрал более разумный маршрут: по суше в Арэн, а оттуда на обычном корабле в Квон-Тали. Не исключено, что решение разделиться окажется самым мудрым из всех: ведь так увеличиваются наши шансы на то, что хотя бы один дойдет до цели.

– Ага, решение просто лучше некуда! – взорвался Крокус. – А если Калам попадется? Тогда ты сам отправишься убивать Ласин? Вот что я скажу тебе, Скрипач. Хотя ты и прославленный сапер, легендарный сжигатель мостов, однако вышел у меня из доверия. Кто обещал доставить Апсалар домой, но не сдержал своего слова?

Голос Скрипача звучал холодно, когда он ответил:

– Знаешь, парень, не тебе меня судить. Сам-то ты кто? Мелкий воришка, который пару лет таскал кошельки на улицах Даруджистана.

На дереве напротив затрещали ветки, а затем появился Моби: повис на одной передней лапке с ризаном в зубах. Когда кости ящерицы хрустнули, глазки фамильяра довольно блеснули. Скрипач крикнул.

– В Квон-Тали, – медленно проговорил он, – мы найдем больше помощников, чем ты думаешь. Незаменимых нет, и никого нельзя сбрасывать со счетов за бесполезностью. Так что, парень, нравится тебе это или нет, но пора уже повзрослеть.

– По-твоему, я дурак? Ошибаешься! Думаешь, я не понимаю, что ты вообразил, будто у тебя припрятана еще одна карта в рукаве, это помимо Быстрого Бена. Калам – профессионал высокого уровня, который запросто может разделаться с Ласин. Но если вдруг не получится, то у вас ведь есть про запас другой убийца, обладающий умениями бога, да не просто какого-нибудь замшелого древнего божества, а самого Покровителя Убийц, которого вы зовете Узлом. Поэтому вы и прицепились к Апсалар – якобы решили отвезти девочку домой, поскольку она уже не та, какой была раньше. Но на самом деле вы хотите, чтобы прежняя Жаль вернулась! Вот так-то, приятель, я раскусил ваш коварный замысел!

Скрипач долго молчал, глядя, как Моби поедает ризана. Когда фамильяр наконец проглотил остатки летучей ящерицы, сапер откашлялся.

– Лично я никаких хитроумных планов наперед не строю, – проговорил он. – И вообще всегда действую по обстановке.

– Скажешь, тебе и в голову не приходило использовать Апсалар?

– Представь себе, не приходило...

– А Каламу?

Скрипач пожал плечами. А потом произнес:

– Вот насчет Быстрого Бена ничего наверняка утверждать не стану.

– Ага, так я и знал! – торжествующе воскликнул Крокус. – Я ведь не дурак...

– Ох, Худов дух, парень, это уж точно.

– Имей в виду, Скрипач, я не позволю вам использовать Апсалар.

– А этот бхок'арал твоего дяди, – произнес сапер, кивая на Моби, – настоящий фамильяр, прислужник чародея? Однако если Маммот умер, то почему он до сих пор здесь? Я не маг, но всегда думал, что такие фамильяры неразрывно связаны со своими хозяевами.

– Понятия не имею, – признался Крокус, и по его тону Скрипач понял, что юноша догадался, почему его собеседник сменил тему. – Не исключено, что и просто питомец. Молись,

чтобы так оно и было. Я сказал, что не позволю вам использовать Апсалар. А если Моби – настоящий фамилляр, вам придется иметь дело не только со мной одним.

– Лично я ничего такого не планирую, – ответил Скрипач. – Но повторяю, Крокус: тебе пора уже повзрослеть. Рано или поздно до тебя дойдет, что ты не можешь говорить за Апсалар. Она будет делать то, что посчитает нужным сама, нравится тебе это или нет. Она больше не одержимая, но умения бога таятся у нее внутри. – Сапер медленно обернулся и посмотрел на юношу. – Что, если она решит найти этим навыкам применение?

– Не решит, – заявил Крокус, но уверенности в его голосе заметно поубавилось. Он жестом подозвал Моби, и тот неуклюже спланировал на руки к юноше. – Как ты его назвал – бхока?..

– Бхок'арал. Они, кстати, родом из этих земель.

– Вот оно что.

– Иди-ка ты лучше поспи, парень. Завтра мы отправимся в путь.

– И Калам тоже?

– Ага. Но мы с ним не встретимся. Для начала двинемся на юг параллельными маршрутами.

Сапер смотрел, как Крокус идет в дом. Он держал на руках Моби, который доверчиво, словно ребенок, прижимался к юноше.

«Ох, Худов дух, чувствую, это путешествие мне вряд ли понравится».

В сотне шагов от Караванных ворот находилась площадь, где сухопутные торговцы собирались, прежде чем покинуть Эрлитан. Большинство отправится на юг по насыпной прибрежной дороге, которая огибает бухту. Рядом с ней полно поселений и застав, да и саму мощенную булыжником дорогу малазанцы проложили для нужд армии, а затем хорошо охраняли; точнее, так было до недавнего времени, пока городской кулак не отозвал все гарнизоны.

Из разговоров с несколькими купцами и караванщиками Скрипач понял, что разбойники еще не успели толком воспользоваться исчезновением солдат, но наемных стражников вокруг было столько, что становилось ясно: негоцианты рисковать не намерены.

Притворяться торговцами на дороге на юг было бессмысленно: у спутников не имелось ни денег, ни снаряжения, чтобы поддержать такой маскарад. С учетом того, как опасно стало путешествовать между городами, они решили переодеться пилигримами. Для верующих Тропа Семи – паломничество в каждый из священных городов – была знаком благочестия, пилигримы пользовались всеобщим уважением. Паломничества в этой стране совершались всегда – несмотря на разбойников, завоевателей или войны.

Скрипач предпочел оставить свой костюм грала и сыграть роль проводника и телохранителя при Крокусе и Апсалар: эти двое выдавали себя за правоверных молодоженов, отправившихся в странствие, которое принесет их браку благословение Семи Небес. Решили, что все поедут верхом: Скрипач – на гральском жеребце, норовистом, но зато вполне вписывавшемся в его маскарад, а Крокус и Апсалар – на двух породистых скакунах из лучших конюшен Эрлитана. В поводу же путники поведут трех сменных лошадей и четырех мулов.

Калам ушел на рассвете, очень коротко попрощавшись со Скрипачом и остальными. Размолвка, которая произошла вчера вечером, здорово подпортила момент расставания. Сапер понимал, что Каламу хочется ослабить силы Ласин при помощи вспыхнувшего мятежа, но уж очень велика была, по его мнению, потенциальная угроза для Малазанской империи – и любого, кто займет трон после падения Ласин: попробуй угадай, как будут развиваться события. Они сильно повздорили, и теперь на душе у Скрипача было скверно.

Был в этом расставании некий пафос, однако Скрипач осознал это лишь позднее: казалось, что долг, который когда-то объединял их с Каламом в служении одной цели, надежно

скрепляя дружбу, вдруг бесследно исчез. И в результате сапер теперь чувствовал себя потерянным и таким одиноким, каким не ощущал вот уже долгие годы.

Они собирались выехать через Караванные ворота в числе последних. Скрипач в очередной раз проверял подпруги у мулов, когда его внимание вдруг привлек быстрый стук копыт.

На площадь галопом вылетели шестеро «красных клинков» и резко осадили коней. Скрипач посмотрел на Крокуса и Апсалар, которые стояли рядом со своими лошадьми. Поймав взгляд юноши, он покачал головой и снова взялся за подпругу последнего мула.

Солдаты явно кого-то искали. Отряд разделился, к каждому из оставшихся караванов направился один из всадников. Скрипач услышал, как копыта отбивают дробь по брусчатке у него за спиной, и усилием воли заставил себя сохранять спокойствие.

– Эй, грал!

Смачно сплюнув, как сделал бы всякий кочевник при встрече с малазанским прихвостнем, Скрипач медленно обернулся.

И заметил, как при виде этого презрительного жеста смуглое лицо воина напряглось под кромкой шлема.

– Ничего, однажды «красные клинки» очистят Гральские холмы, – пообещал он и обнажил в улыбке сероватые зубы.

Скрипач в ответ только хмыкнул.

– Если тебе есть, что сказать по сути дела, «красный клинок», то говори. Солнце уже высоко, а путь нам нынче предстоит долгий.

– У меня всего один вопрос, грал. И отвечай правдиво, ибо я сразу учую ложь. Мы хотим знать, выезжал ли сегодня утром через Караванные ворота человек на чалом жеребце.

– Лично я такого не видел, – ответил Скрипач, – но теперь желаю ему удачи. Да хранят его Семь Духов во всякий день жизни.

– Предупреждаю: не смей меня обманывать! – прорычал «красный клинок». – Ты был здесь на рассвете?

Скрипач отвернулся к мулам.

– На один вопрос я ответил бесплатно, – пробурчал он. – За остальные плати монетой, «красный клинок».

Солдат сплюнул под ноги Скрипачу, рывком развернул коня и поскакал обратно к своим. За полотняным покровом телабы сжигатель мостов позволил себе улыбнуться. Рядом появился Крокус.

– Что случилось? – шепотом спросил он.

Сапер пожал плечами:

– «Красные клинки» кого-то ловят. Нас это не касается. Садись на коня, парень. Пора в дорогу.

– А вдруг они ищут Калама?

Скрипач оперся руками о спину мула и поразмыслил, щурясь от яркого света, который играл на выжженных камнях мостовой.

– Может, они и разузнали, что священная книга пропала из Арэна. И что ее везут Ша'ик. Но никто не в курсе, что Калам здесь.

Однако Крокуса эти слова не убедили.

– Он ведь встречался с кем-то вчера, Скрипач.

– С одним давним знакомым, своим должником.

– Вот и повод предать Калама. Никто не любит, когда ему напоминают о старых долгах.

Сапер промолчал. Затем он похлопал мула по спине, так что поднялось облачко пыли, и направился к своему коню. Гральский жеребец показал зубы, стоило седоку потянуться к поводьям. Скрипач схватился за узду под подбородком коня. Тот попытался мотать головой, но наездник держал его крепко, затем наклонился поближе:

– А ну води себя прилично, уродливый ублюдок, не то горько пожалеешь.
Собрав поводья, он взобрался в седло с высокой задней лукой.

За Караванными воротами дорога тянулась на юг, ровная, несмотря на небольшие колебания склона из песчаника, который обрывался на западе над бухтой. По левую руку на расстоянии лиги раскинулись Арифальские холмы. Зазубренные вершины Арифалья будут видны до самой реки Эб, которая течет в тридцати шести лигах к югу. В холмах живут полудикие племена, и самое крупное из них – гралы. Больше всего Скрипач боялся наткнуться на своих «сородичей». Вероятность встречи, правда, была не слишком велика, поскольку в эту пору года гралы угоняют коз на верхние пастбища, где легче найти тень и воду.

Спутники пустили скакунов легким галопом и обогнали торговый караван, чтобы не ехать в густом облаке пыли, а затем Скрипач снова повел свой маленький отряд медленной рысью. Дневная жара уже давала о себе знать. Для привала выбрали деревушку под названием Салик, до которой было восемь с небольшим лиг. Там решено было остановиться, поесть и переждать самые жаркие дневные часы, прежде чем продолжить путь к реке Троб.

Если все пойдет хорошо, через неделю они доберутся до Г'данисбана. По прикидкам Скрипача, Калам к тому времени обгонит их дня на два или на три. За Г'данисбаном раскинулся Пан'потсун-одан, малонаселенная пустошь: сплошь выжженные солнцем холмы да побелевшие развалины давным-давно мертвых городов, где обитают ядовитые змеи, слепни и – Скрипач припомнил слова духовидца Кимлока – создания куда более смертоносные.

«Схождение. Тогговы пятки, это мне совсем не нравится. – Он подумал о раковине, что лежала в сумке. – Таскать с собой магические предметы всегда опасно, можно такие беды навлечь на свою голову. Что, если какой-нибудь одиночник унюхает ее и решит пополнить свою коллекцию? – Скрипач нахмурился. – Ага, а заодно и прихватит три блестящих черепа».

Чем дольше сапер думал об этом, тем беспокойнее становилось у него на душе.

«Загоню-ка я ее, пожалуй, какому-нибудь торговцу в Г'данисбане. Лишние деньги не помешают. – Эта мысль ему понравилась. – Да, надо продать раковину, избавиться от нее. Никто не будет отрицать силу духовидца, но опасно слишком на нее полагаться. Таннойские жрецы отдавали жизнь во имя мира. А Кимлок, и хуже того, пожертвовал своей честью. Нет уж, мы люди простые: лучше полагаться на морантскую взрывчатку, чем на какую-то загадочную ракушку. Динамит подействует на одиночника так же, как и на обычного человека».

Крокус подстегнул коня и поехал рядом с сапером:

– О чем задумался, Скрипач?

– Да так, ни о чем. А где твой бхок'арал?

Парень нахмурился.

– Не знаю. Наверное, он все-таки был просто животным, а не фамильяром. Улетел вчера вечером и не вернулся. – Юноша потер лицо тыльной стороной ладони, и Скрипач увидел на его щеках слезы. – Пока Моби был рядом, я вроде как чувствовал, что Маммот со мной.

– Твой дядя был хорошим человеком, пока в него не вселился ягутский тиран?

Крокус кивнул.

– Ну, тогда он по-прежнему с тобой. А Моби небось просто нашел сородичей. В этом городе многие знатные семьи держат бхок'аралов. Выходит, он все-таки был просто домашним питомцем.

– Ты прав, наверное. А что касается дядюшки... Большую часть жизни я считал Маммота просто книжником, стариком, который вечно корпит над своими свитками, а больше ничем и не интересуется. А потом вдруг оказалось, что он был верховным жрецом. Важным человеком, имевшим влиятельных друзей вроде Барука. Но прежде чем я это хоть как-то успел в голове уложить, он погиб. Твой взвод его уничтожил...

– Погоди-ка, парень! То, что мы убили, уже не было твоим дядей.

– Я знаю. Убив его, вы спасли Даруджистан. Я знаю, Скрипач.

– Да не в этом дело, Крокус. Ты должен понять: главное, что дядя искренне любил племянника и всячески заботился о тебе. А то, что он оказался верховным жрецом, не так уж важно. Уверен, Маммот бы тебе то же самое сказал, если бы мог.

– Как ты не понимаешь? У него была *власть*, Скрипач, сила, но он ничегошеньки с ней не делал! Только вечно прятался в своей комнатенке посреди разваливающегося дома! А ведь дядя мог жить в особняке, заседать в Совете Даруджистана, влиять на решения...

Скрипачу не хотелось продолжать подобный разговор. Он никогда особо не умел утешать и давать советы.

«Да и к тому же, возможно, причина вовсе даже и не в дяде».

– Ну что ты все время ноешь, парень? Небось опять с Апсалар поругался?

Лицо Крокуса потемнело, он пришпорил коня и поскакал впереди всех. Вздохнув, Скрипач повернулся в седле и покосился на Апсалар, которая ехала в нескольких шагах позади:

– Милые бранятся, да?

Она только по-совиному моргнула, но ничего не сказала в ответ. Сжигатель мостов снова выпрямился в седле.

– Ох уж эта молодежь! – пробормотал он себе под нос.

Искарал Прыщ засунул метлу поглубже в дымоход и неистово потряс ее. Черная туча сажи опустилась на камни очага и осела на сером одеянии жреца.

– А дрова у вас есть? – поинтересовался Маппо, сидевший на каменном возвышении, служившем ему кроватью.

Искарал замер:

– Дрова? Думаешь, они подойдут мне лучше, чем метла?

– Чтобы огонь развести, – объяснил трелль. – Выгнать холод из этой комнаты.

– Ах, вот оно что! Нет, разумеется, дров у меня нет. А вот навоза полным-полно. Развести огонь! Блестящая мысль. Спалить их дотла! Неужто трелли славятся хитростью? Что-то мне ничего подобного в источниках прежде не встречалось. Правда, трелли вообще упоминаются там редко. А собственных летописей у треллей нет, ибо сей народ не знаком с грамотой. Да, вот так-то.

– Ничего подобного, трелли неплохо знакомы с грамотой, – возразил Маппо. – Они уже давным-давно научились читать и писать: примерно семь или восемь столетий тому назад.

– Нужно обновить библиотеку, однако это весьма дорогостоящее мероприятие. Напустить тени, чтобы разграбить величайшие библиотеки мира. – Жрец уселся у очага и нахмурился, лицо его покрывал слой сажи.

Маппо откашлялся:

– А кстати, кого это ты собрался спалить дотла?

– Пауков, разумеется. Этот храм наводнили пауки. Убивай их, где только увидишь, трелль. Топчи своими толстокожими ногами, дави загрубевшими руками. Убивай всех без пощады, понимаешь?

Кивая, Маппо закутался одеяло и лишь чуть-чуть поморщился, когда мех коснулся сморщенных ран на шее. Лихорадка прошла, но, как он подозревал, скорее вопреки, чем благодаря тем сомнительным лекарствам, которыми потчевал его безмолвный слуга Искарала. Когти и клыки д'иверсов и одиночников вызывали тяжкую хворь, что приводила к галлюцинациям, сумасшествию, а затем и к смерти. Многие выжившие оставались безумными, бред возвращался к ним на одну-две ночи по девять-десять раз в году. И подобное состояние нередко приводило к убийствам.

Искарал Прыщ считал, что Маппо благополучно избежал этой участи, но сам трелль боялся утверждать что-либо наверняка: вот если два полнолуния пройдут спокойно, тогда, значит, опасность и впрямь миновала. Маппо и думать не хотелось о том, на что он может

оказаться способен, если им овладеет убийственная ярость. Много лет назад, когда трелль сражался в боевом отряде, разорявшем Ягг-одан, Маппо силой воли вводил себя в подобное состояние, как нередко делали воины, и воспоминания о бесчинствах, которые он тогда творил, остались с ним навсегда. Маппо решил, что если яд оборотня оживет в его венах, то он скорее покончит с собой, чем позволит безумию вновь вырваться наружу.

Искарал Прыщ потыкал метлой во все углы маленькой кельи, где поселили трелля, а затем потянулся к потолку, чтобы очистить его.

– «Убей то, что кусает, и то, что жалит!» – это священная заповедь Тени, должно быть первозданная! «Убей то, что бежит, и то, что ползает!» Вас ведь обоих проверили на паразитов, о да! К счастью, никаких незваных гостей не обнаружилось. Мы уже на всякий случай приготовили щелочные ванны, но ничего не нашли – ни на одном из вас. Однако бдительности ослаблять нельзя, и, разумеется, мои подозрения по-прежнему сильны.

– Ты давно тут живешь, верховный жрец?

– Понятия не имею. Это не важно. Важность заключается лишь в свершенных деяниях, достигнутых целях. Время – только подготовка, не более того. Должно готовиться столько, сколько требуется. Следует принять во внимание, что сие начинается с самого рождения. Рожденный прежде всего погружается в Тень, окутывается ее святой двойственностью, вкушает ее сладостное млеко. Я живу, чтобы готовиться, трелль, и подготовка уже почти завершена.

– Где Икарий?

– Жизнь, данная за жизнь отнятую; передай ему это. Икарий в библиотеке. Монахини оставили всего несколько книг. Фолианты, посвященные самоуслаждению. Читать их лучше в постели, как мне кажется. Все прочие материалы – мои собственные, скудное собрание, чудовищная нищета, я просто сгораю от стыда. Ты есть хочешь?

Маппо встряхнулся. Бормотание верховного жреца обладало гипнотическим эффектом. В ответ на каждый вопрос трелля хозяин разражался вычурным монологом, от которого голова шла кругом, и, кажется, сил уже больше ни на что не хватало. В полном соответствии со своими утверждениями Искарал Прыщ делал течение времени бессмысленным.

– Есть? Да, хочу.

– Слуга готовит обед.

– Он может принести его в библиотеку?

Верховный жрец скривился:

– О, сие будет крушением этикета! Но да, может, если ты настаиваешь.

Трелль заставил себя подняться:

– А где находится библиотека?

– Поверни направо, пройди тридцать четыре шага: потом снова поверни направо, сделай двенадцать шагов; затем через дверь направо, тридцать пять шагов; оттуда в арку направо и еще одиннадцать шагов; после чего снова направо, еще пятнадцать шагов – и входи в дверь, которую увидишь справа.

Маппо уставился на Искарала Прыща. Верховный жрец нервно поежился.

– Иначе говоря, – хмуро подытожил трелль, – надо повернуть налево и пройти девятнадцать шагов.

– Ну да, – буркнул Искарал.

Маппо направился к двери.

– В таком случае я, пожалуй, отправлюсь коротким маршрутом.

– Воля твоя, – проворчал жрец, склонившись над метлой и внимательно рассматривая ее.

Маппо понял, что подразумевал жрец под «крушением этикета», когда, войдя в библиотеку, увидел, что она служила еще и кухней. Икарий сидел за массивным столом, покрытым черными пятнами, в нескольких шагах справа от трелля, а слева слуга склонился над подве-

шенным над очагом котлом. Голова его оставалась почти невидимой за клубами пара, испарения собирались в капли и летели обратно в варево, которое слуга медленными, величавыми движениями помешивал деревянной ложкой.

– От супа я, пожалуй, не откажусь, – заметил Маппо.

– Эти книги гниют, – сказал Икарий, откидываясь в кресле и глядя на друга. – Ну что, оклемался?

– Похоже на то.

Не сводя глаз с Маппо, его друг нахмурился:

– Говоришь, хочешь супа? Так вот, это вовсе не суп. Он стирает белье. Ты найдешь более питательное угощение на разделочном столе. – Ягт указал пальцем за спину слуги, а затем снова обратился к рассыпающимся страницам старинной книги. – Это просто потрясающе, Маппо.

– Ну, учитывая, в каком одиночестве жили тут монашки, – ответил Маппо, подходя к разделочному столу, – полагаю, что особо удивляться нечему.

– Я говорю не об их книгах, друг мой, а о тех, что принадлежат Искаралу. Здесь собраны труды, о которых прежде ходили лишь туманные слухи. А о некоторых – вроде этой – я вообще никогда не слышал. «Трактат о планировании оросительных сооружений в пятом тысячелетии Араркала», четыре автора – ни много ни мало.

Вернувшись к Икарию с оловянной миской, наполненной доверху хлебом и сыром, Маппо заглянул другу через плечо, чтобы рассмотреть подробные рисунки на пергаментных страницах, а затем и странную, замысловатую вязь. Трелль хмыкнул. Во рту у него вдруг пересохло, но Маппо сумел выдавить из себя вопрос:

– И что же здесь такого потрясающего?

Икарий откинулся на спинку:

– Поразительное... легкомыслие, Маппо. Одни только материалы для этого тома стоят очень дорого: примерно столько ремесленник зарабатывает за год. Ни один ученый в здравом уме не станет зря тратить столь драгоценные ресурсы – не говоря уж о времени – на сочинение такого бессмысленного текста. И ведь это не единственный пример. Смотри: «К вопросу о распространении семян цветков пурилля на островах архипелага Скар». Или вот – «Болезни белых моллюсков, обитающих в Лекурской бухте». Более того, я убежден, что этим трудам тысячи лет. Тысячи!

«И написаны они на языке, который ты вряд ли мог бы узнать, не то что прочесть».

Маппо вспомнил, когда в последний раз видел подобную вязь – под навесом из шкур, на холме, который отмечал северную границу владений его племени. Он пришел туда в числе воинов, избранных сопровождать старейшин на встречу, оказавшуюся судьбоносной.

Осенний дождь стучал по шкуре над головой, все сидели на корточках полукругом, лицом к северу, и смотрели, как приближаются семь фигур в плащах с капюшонами. Каждый из странников опирался на посох, и, когда они вошли под навес и остановились перед старейшинами, Маппо с содроганием заметил, что посохи словно бы извиваются перед глазами, как деревянные змеи или те деревья-паразиты, что душат чужие стволы, выдавливая из них жизнь. Затем он понял, что это выходящее безумие было на самом деле рунической вязью – постоянно изменяющейся на древках, как будто бы с каждым вдохом и выдохом чьи-то невидимые руки вырезали на них новые слова.

Затем один из пришедших отбросил капюшон, и так началась та встреча, которая изменила будущий путь Маппо.

Он вздрогнул и вынырнул из воспоминаний.

Все еще дрожа, трелль сел, расчищая на столе место для тарелки.

– По-твоему, это важно, Икарий?

– Скажем так: сие весьма знаменательно, Маппо. Цивилизация, которая произвела на свет эти книги, похоже, была чрезвычайно развитой. Язык сей явно связан с современными

диалектами Семиградья, хотя кое в чем более изощрен. И еще – только взгляни на этот символ: здесь, на корешке каждого тома, изображен изогнутый посох. Я прежде уже где-то видел такой знак, друг мой. В этом я уверен.

– Говоришь, цивилизация была чрезвычайно развитой? – Трелль попытался увести разговор от темы, которая, как он знал, может закончиться бездонной пропастью. – Скорее уж погрязшей в мелочах. Должно быть, именно потому она и обратилась в прах. Только представь: эти люди обсуждали семена на ветру, когда варвары ломались в городские ворота. Праздность принимает различные формы, но она всегда приходит к расам, которые утратили волю к жизни. И тебе сие известно не хуже, чем мне. В данном случае это была праздность, связанная с поиском знаний, безумной гонкой за ответами на все вопросы, без оглядки на ценность этих ответов. Цивилизация так же легко может потонуть в том, что знает, как и в том, чего она не знает. Вспомни сочинение под названием «Блажь Готоса», – продолжил Маппо. – Глубочайшие познания стали проклятием Готоса, он слишком много знал – обо всем на свете. Ему были ведомы все изменения и возможности. Этого хватило, чтобы отравить любой взгляд, который он бросал на мир. Все представлялось бедняге абсолютно бессмысленным.

– Тебе точно стало лучше, – с оттенком сухой иронии заметил Икарий. – Твой былой пессимизм возродился. В любом случае, Маппо, эти труды подтверждают мое мнение о том, что многие руины в Рараку и Пан'потсун-одане – свидетельства процветавшей некогда цивилизации. Быть может, даже первой воистину человеческой цивилизации, от которой и произошли все остальные.

«Не думай об этом, Икарий. Пожалуйста, оставь подобные мысли».

– И как все эти соображения помогут нам в теперешней ситуации? – поинтересовался трелль.

Лицо собеседника слегка помрачнело.

– Ты же знаешь, что я просто одержим временем. Летописи заменяют память, понимаешь? И сам язык от этого становится иным. Подумай о созданных мною механизмах, которыми я стремлюсь измерить поток часов, дней и лет. Такие измерения по природе своей цикличны, повторяемы. Слова и предложения когда-то обладали таким же ритмом и потому могли быть сохранены в сознании, а затем повторены с совершенной точностью. Возможно, – на миг ягг призадумался, – я был бы менее забывчив, если бы не владел грамотой. – Он вздохнул и с трудом улыбнулся. – К тому же я просто убивал время, Маппо.

Трелль постучал широким, сморщенным пальцем по открытой книге:

– Думается, авторы этого трактата защищали бы свои труды теми же самыми словами, друг мой. Но меня терзает более насущное опасение.

– Да ну? – удивился ягг. – И в чем же оно заключается?

Маппо развел руками:

– Ох, не нравится мне это место. Культ Тени никогда не входил в число моих любимых. Гнездилище убийц и еще кого похуже. Иллюзия, обман, предательство. Искарал Прыщ ловко притворяется безобидным чудаком, но меня не проведешь. Он нас явно ждал и теперь рассчитывает использовать для осуществления какого-то своего хитроумного плана. Мы многим рискуем, задерживаясь здесь.

– Но, Маппо, – медленно произнес Икарий, – я полагаю, что именно тут, в этом месте, и будет достигнута моя цель.

Трелль вздрогнул:

– Я боялся, что ты так скажешь. Теперь тебе придется мне все объяснить.

– Увы, не могу, друг мой. Пока не могу. У меня есть лишь подозрения, не более того. Когда я буду уверен, то наберусь и смелости для объяснений. Можешь проявить терпение?

Перед внутренним взором трелля встало другое лицо – человеческое, худое и бледное, по которому ручейками текла дождевая вода. Тусклые серые глаза нашли Маппо, стоявшего за спиной у старейшин.

«Вы знаете нас?» – Голос был сухим, как старая кожа.

Один из старейшин кивнул: «Да, мы знаем вас как Безымянных».

«Хорошо, – ответил человек, не сводя взгляда с Маппо. – Безымянные измеряют жизнь не годами, а столетиями. Избранный воин, – продолжил он, обращаясь к Маппо, – что тебе известно о терпении?»

Как грачи, поспешно взлетевшие с трупа, воспоминания умчались прочь. Глядя на Икария, Маппо растянул губы в улыбке – так, что показались блестящие клыки.

– Терпение? Да я только и делаю, что проявляю по отношению к тебе терпение. Как бы там ни было, я не доверяю Искаралу Прышу.

Слуга начал доставать из котла мокрые простыни и голыми руками выжимать горячую воду из дышащей паром ткани. Глядя на него, трелль нахмурился. Одна рука этого странного мужчины была покрыта удивительно нежной кожей, розовой, словно у подростка. Другая более подходила пожилому человеку – мускулистая, заросшая жестким волосом, загоревшая.

– Эй, слуга?

Тот даже не поднял глаз.

– Ты что, язык проглотил? – продолжил Маппо. – Или глухой?

– Похоже, – заметил Икарий, когда слуга вновь не ответил, – что хозяин запретил ему с нами общаться. Давай осмотрим этот храм, Маппо? Только надо быть осторожными и помнить, что каждая тень, скорее всего, донесет эхо наших слов до ушей верховного жреца.

– Ну и ладно, – проворчал трелль, поднимаясь, – пускай Искарал знает, что я ему не доверяю.

– Он явно знает о нас больше, чем мы о нем, – заметил Икарий и тоже встал.

Когда они вышли, слуга продолжил выжимать воду из белья. Он делал это с каким-то диким наслаждением, так что на массивных запястьях набухли вены.

Глава четвертая

*В земле, где Семиградье висится в злате,
Даже у пыли есть глаза.*

Дебральская пословица

Когда выносили последние тела, вокруг уже собралась целая толпа пыльных потных людей. Туча пыли неподвижно висела над входом в штольню с самого утра, когда в дальнем конце Глубокой шахты случился обвал. Под руководством Бенета рабы отчаянно трудились, чтобы вытащить примерно три десятка несчастных, оказавшихся под завалами.

Не выжил никто. Фелисин вместе с дюжиной других рабов безучастно следила за происходящим с платформы у входа на Загибы. Люди ждали, пока подвезут новые бочки с водой. Жара превратила даже самые глубокие забои в раскаленные печи. Под землей десятки рабов ежечасно валились с ног от изнеможения.

А тем временем на другой стороне рудника Геборик вспахивал на Земельке выжженный грунт. Он работал там уже вторую неделю, свежий воздух и освобождение от необходимости таскать неподъемные тележки благотворно сказались на его здоровье. Помогли также и лимоны, которые давали историку по приказу Бенета.

Если бы Фелисин не устроила старику перевод на другую работу, сейчас бы его труп тоже лежал внизу, под тоннами камня. Геборик был обязан ей жизнью.

Однако эта мысль не слишком обрадовала девушку. С историком они теперь почти не разговаривали. Вечера она обычно проводила у Булы, а потом, с затуманенной дурхангом головой, с трудом добиралась домой. Фелисин много спала, но сон не приносил ей отдыха. Дневная работа на Загибах проходила в бесконечном, глухом мареве. Даже Бенет начал жаловаться, что в постели она стала... как мертвая.

Скрип и грохот тележек водовозов на изрытой Рабочей дороге стал громче, но девушка не могла оторвать глаз от спасателей, которые выкладывали изуродованные тела на земле в ожидании повозки для трупов. Эта сцена вызвала в ней легкое чувство жалости, но сил уже совсем не осталось: ни на сострадание, ни даже на то, чтобы просто отвести глаза.

Из всех чувств у Фелисин, похоже, сохранилась одна только похоть. Несмотря на общую слабость, она по-прежнему ходила к Бенету, хотела, чтобы ее использовали – все чаще и чаще. Отыскивала любовника, когда тот был пьян и весел, отчего щедро предлагал ее своим друзьям, а также Буле и другим женщинам.

«Ты оцепенела, девочка, – сказал Геборик во время одного из коротких разговоров, которые теперь случались между ними все реже. – Потому и пытаешься распалить себя хоть какими-то чувствами, скоро даже боль сгодится. Да вот только ты ищешь в неправильных местах».

«В неправильных местах? Ха! Да много старик в этом понимает! Дальний забой Глубокой шахты – вот неправильное место. Или же штольня, куда сбрасывают трупы. А все остальные места попадают в категорию „ничего, сойдет“».

Фелисин уже была готова перебраться к Бенету, что стало бы логическим завершением сделанного ею выбора.

«Но только не прямо сейчас. Через несколько дней, наверное. Или, пожалуй, лучше на следующей неделе. В общем, скоро. Надо же, я так носилась со своей независимостью, а в конце концов оказалось, что и с нею тоже не так уж трудно расстаться».

– Эй, девочка!

Фелисин заморгала и подняла взгляд. Это был тот самый молодой малазанец, стражник, который однажды предупреждал Бенета...

«Когда это было? Давным-давно».

Солдат ухмыльнулся:

– Разыскала уже цитату?

– Чего? Ты про что говоришь?

– Про афоризмы императора Келланведа, девочка. – Теперь он хмурился. – Помнишь, я советовал тебе найти кого-нибудь, кто знает продолжение высказывания, которое я процитировал?

– Не понимаю, о чем ты толкуешь.

Юноша протянул руку, мозоли на большом и указательном пальцах царапнули кожу, когда солдат взял Фелисин за подбородок и приподнял его, чтобы заглянуть в лицо.

Она поморщилась от яркого света, когда стражник откинул в сторону ее волосы.

– Ох, милостивая Королева Грез... – прошептал он. – Я ведь видел тебя всего две недели тому назад, а за это время ты постарела на десять лет. Этот все дурханг виноват!

– Попроси Бенета, – промямлила она, отдергивая голову.

– О чем попросить?

– Чтобы пустил меня к тебе в постель. Бенет согласится, если будет пьян. А он наверняка сегодня наклюкается, станет погибших поминать. Тогда и будешь меня трогать, сколько хочешь.

Стражник отстранился:

– А где Геборик?

– Геборик? Пашет на Земельке. – Фелисин хотела спросить, зачем ему понадобился старик, но вопрос сам собой провалился в темноту. Какой странный парень: неужели не хочет затащить ее к себе в постель? А она бы не отказалась, ей уже начали нравиться его мозолистые руки.

Бенет собирался нанести визит капитану Саварку и решил взять Фелисин с собой. Девушка слишком поздно поняла, что Бенет хочет заключить какую-то сделку и предложить ее капитану в качестве задатка.

По Рабочей дороге они подошли к Крысиной площади, где находилась таверна Булы. Полдюжины стоявших у дверей стражников-досиев проводили их скучающими взглядами.

– Прямо иди, девчонка, – проворчал Бенет и схватил ее за руку. – И ногами не шаркай. Нечего строить из себя невинность. Ты ведь ненасытная, вечно хочешь еще и еще.

Теперь, когда Бенет говорил с любовницей, в его тоне звучали нотки отвращения. Время обещаний закончилось. А ведь как сладко пел: «Перебирайся ко мне, милая. На других женщин я и не посмотрю. Сделаю тебя королевой, девочка».

А теперь все это забыто. Хотя Фелисин никогда особенно не верила Бенету.

Прямо впереди, в самом центре Крысиной площади, темнела приземистая башня, где находилась резиденция Саварка; ее огромные, грубо отесанные каменные блоки были покрыты налетом от дыма, который всегда клубился в Черепке. У входа стоял, небрежно опираясь на копье, одинокий стражник.

– Да уж, не повезло ребятам, – сказал он, когда они подошли поближе.

– Ты про что говоришь? – уточнил Бенет.

Солдат пожал плечами:

– Ясное дело, про утренний обвал, про что же еще?

– Мы бы спасли хоть кого-нибудь, – произнес Бенет, – если бы Саварк послал помощь.

– Спасли бы? А зачем? Если ты жаловаться пришел, то имей в виду: капитан не в настроении. – Тусклые глаза караульного метнулись к Фелисин. – Ну а коли с подарком – тогда другой разговор. – Стражник открыл тяжелую дверь. – Саварк у себя в кабинете.

Бенет хмыкнул. Покрепче сжав руку Фелисин, он потащил ее внутрь. На первом этаже располагался арсенал, на полках вдоль стен лежало оружие. Поодаль виднелись три стула и столик с остатками завтрака стражников. От центра комнаты уходила вверх железная винтовая лестница.

Они поднялись на один пролет – к кабинету Саварка. Капитан сидел за письменным столом, который, казалось, наспех сколотили из плавника. Его кресло с высокой спинкой было обито бархатом. Перед капитаном лежала толстая учетная книга в кожаном переплете. Он отложил перо и выпрямился.

Фелисин, кажется, никогда прежде не видела этого человека, который вообще старался лишний раз не покидать свою башню. Саварк был тощим, напрочь лишенным жира; мускулы на его обнаженных предплечьях бугрились под бледной кожей, словно переплетенные канаты. Вопреки моде он носил бороду – жесткие черные колечки были смазаны маслом и надушены. Волосы на голове были коротко острижены. Водянистые зеленые глаза на скуластом лице вечно щурились. Широкий рот обрамляли глубокие вертикальные морщины. Капитан пристально смотрел на Бенета, словно Фелисин здесь и не было вообще.

Бенет толкнул ее на стул возле стены, слева от хозяина кабинета, а затем уселся напротив капитана.

– Скверные ходят слухи, Саварк. Хочешь узнать, о чем говорят люди?

– И сколько это мне будет стоить? – негромко осведомился капитан.

– Нисколько. Расскажу тебе совершенно бесплатно.

– Тогда выкладывай.

– Досии громко болтают у Булы, что близится Дриджна. Сулят приход Вихря.

Саварк нахмурился:

– Опять эта чушь. Неудивительно, что ты принес такие новости даром, Бенет: они и ломаного гроша не стоят.

– Я поначалу и сам так тоже подумал, но...

– Что еще ты хотел мне сообщить?

Взгляд Бенета скользнул по реестру узников на столе.

– Ты уже вычеркнул всех погибших утром? Нашел имя, которое искал?

– Я не искал никакого конкретного имени, Бенет. Не выдумывай всякую чушь и не зли меня понапрасну.

– Среди погибших было четверо магов...

– Довольно! Зачем ты явился?

Бенет пожал плечами, словно отбрасывая все свои догадки и подозрения.

– Принес тебе подарок, – сказал он, указывая на Фелисин. – Совсем молоденькая, но очень горячая. И при этом покорная: делай с ней что хочешь, сопротивляться не станет.

Капитан нахмурился еще сильнее.

– А взамен, – продолжил Бенет, – я хочу получить ответ на один-единственный вопрос. За что сегодня утром арестовали заключенного Бодэна?

Фелисин моргнула.

«Бодэна арестовали? – Она помотала головой, пытаясь разогнать туман, которым теперь были окутаны ее дни. – Важно ли это?»

– Ну да, задержали за то, что шлялся в Бечевкином проулке после отбоя. Он сбежал, но один из моих людей запомнил его, так что нарушителя взяли сегодня утром. – Водянистые глаза Саварка наконец переключились на Фелисин. – Совсем молоденькая, говоришь? Сколько

девке: восемнадцать, девятнадцать? Да ты стареешь, Бенет, если таких называешь молоденькими.

Фелисин почувствовала, как взгляд капитана обшаривает ее, словно призрачные руки. На этот раз ощущение было отнюдь не приятным. Она с трудом сдержала дрожь.

– Ей всего пятнадцать, Саварк. Но уже опытная. Прибыла два корабля назад.

Капитан вдруг пристально уставился на девушку, и Фелисин заметила, что у него кровь отлила от лица. Бенет поднялся на ноги:

– Ладно, пришлю другую. На последнем судне есть две юные красотишки. – Он шагнул к Фелисин и рывком поднял ее на ноги. – Уж эти точно понравятся тебе, капитан. Они будут здесь в течение часа...

– Бенет, – мягко заговорил Саварк, – Бодэн ведь работает на тебя, да?

– Нет, что ты! Я просто спросил про Бодэна, потому что он в моей команде в забое. Без такого силача дело пойдет медленнее. Если, конечно, ты завтра его не отпустишь.

– Не отпускай, Бенет. Так что смились с этим.

«А ведь они друг другу не верят. – Эта мысль вдруг сверкнула в голове Фелисин: выходит, она еще не полностью утратила ясность ума. Девушка напряглась. – Сейчас происходит что-то важное. Нужно об этом подумать. Нужно слушать. Внимательно слушать».

В ответ на слова Саварка Бенет глубоко вздохнул:

– Больше ничего не остается. До скорого, капитан.

Фелисин не сопротивлялась, когда любовник потащил ее обратно к лестнице. А оказавшись снаружи, он быстро поволок ее через площадь, даже не ответив стражнику, который отпустил какое-то колкое замечание. Тяжело дыша, Бенет втолкнул Фелисин в темный переулок, а затем развернул лицом к себе. Голос его звучал жестко и хрипло:

– Да кто ты такая, девчонка? Эй, Худов дух! Приди же в себя! Отвечай: почему ты так странно себя вела себя в кабинете начальника, когда речь зашла о Бодэне? Кем тебе приходится Бодэн? Родным братом, дядюшкой, отцом? А ну говори!

– Он... он мне никто...

Его кулак врезался в лицо Фелисин, словно мешок с камнями. Яркий свет вспыхнул перед глазами, когда она упала на бок. Из носа хлынула кровь, и девушка растянута среди гниющих отбросов. Тупо глядя на землю в шести дюймах от себя, она не могла оторвать глаз от растекающейся в пыли красной лужицы.

Бенет вздернул Фелисин на ноги и с силой приложил спиной о деревянную стену:

– Как твое полное имя, девчонка? Отвечай!

– Меня зовут Фелисин, – пробормотала она. – Просто Фелисин...

Бенет снова замахнулся.

Она увидела на руке любовника метки, которые ее зубы оставили чуть выше костяшек.

– Нет! Клянусь! Я сирота, подкидыш...

От недоверия глаза Бенета стали совсем безумными.

– Да неужели?

– Меня нашли у ворот монастыря Фэнера на острове Малаз... Императрица всячески притесняла приверженцев этого культа, ты же знаешь. Геборик...

– Не держи меня за дурака, девчонка. Ваш корабль пришел из Унты. И сразу видно, что ты благородных кровей...

– Нет! Просто получила хорошее воспитание. Клянусь, Бенет, я не вру.

– А почему Саварк так странно смотрел на тебя? Как ты связана с Бодэном?

– Да никак я с ним не связана. Может, Бодэн наврал с три короба, чтобы спасти свою шкуру...

– Твой корабль пришел из Унты. Ты в жизни не была на Малазе.

– А вот и была.

– Ладно, скажи: возле какого города он находится, твой монастырь?

– Возле Джакаты. На острове всего два города: Джаката и Малаз. Меня туда отправили на лето. Учиться. Я должна была стать жрицей. Спроси у Геборика, Бенет, если сомневаешься. Пожалуйста.

– А ну-ка назови мне самый бедный квартал Малаза!

– Самый бедный?

– Живо!

– Я не знаю! Храм Фэнера стоит около гавани! Может, это и есть самый бедный район? За городом вдоль дороги в Джакату тоже сплошные трущобы. Я ведь там только одно лето провела, Бенет! И Джакату почти не видела: нам в город не разрешали выходить! Пожалуйста, Бенет, я ничего не понимаю! За что ты меня бьешь? Я же делала все, чего ты хотел: спала с твоими друзьями, позволяла торговать собой, беспрекословно тебе подчинялась...

Бенет снова ударил девушку, он уже не пытался добиться ответов или вывести ее на чистую воду: в его глазах сверкнуло новое чувство – гнев. Распалаясь все сильнее, он бил ее методично, в холодной, безмолвной ярости. После нескольких первых ударов бедняжка скорчилась от боли; прохладная пыль затененного переулка, касавшаяся тела, казалась настоящим бальзамом. Фелисин попыталась сосредоточиться на дыхании: методично втягивала воздух и медленно выпускала его – ровным потоком, который уносил боль прочь.

В какой-то момент девушка поняла, что Бенет прекратил ее бить и ушел. Фелисин лежала, свернувшись калачиком, в переулке; тонкая полоска неба над головой быстро темнела в сумерках. Она слышала голоса на соседней улице, но сюда никто не заглядывал.

Потом Фелисин окончательно пришла в себя. Видимо, потеряла сознание, пока ползла к выходу из переулка. В дюжине шагов впереди виднелась освещенная факелами Рабочая дорога. По ней пробегали темные фигуры. Несмотря на громкий звон в ушах, девушка слышала их крики и вопли. В воздухе стоял запах дыма. Она хотела ползти дальше, но снова провалилась в темноту.

Лба коснулась прохладная ткань. Фелисин открыла глаза.

Геборик наклонился над ней и, похоже, внимательно изучал зрачки: сперва один, а затем другой.

– Ну что, девочка, оклемалась маленько?

Челюсть болела, губы сковывала засохшая корка крови. Фелисин кивнула и только теперь поняла, что лежит в собственной кровати.

– Я сейчас вотру немного масла тебе в губы, попробуем их открыть так, чтобы было не очень больно. Тебе нужна вода.

Она снова кивнула и приготовилась терпеть, пока историк прикладывал ко рту смоченную маслом тряпку, привязанную к левой культе. Продолжая работать, он снова заговорил:

– Ох и богатая на события выдалась нынче ночь! Бодэн сбежал из тюрьмы, а чтобы отвлечь внимание, поджег несколько зданий. Он прячется где-то здесь, в Черепке. Никто не пытался взобраться на стены у гребня или за Утопным озером. По крайней мере, стражники на кордонах у Жучьей дороги ничего такого не заметили. Саварк объявил награду за поимку: хочет получить парня живым, потому что Бодэн, оказывается, убил ни много ни мало троих его людей. Подозреваю, дело не только в этом, как полагаешь? А потом Бенет сообщил, что ты не вышла сегодня на работу в Загибы, так что я невольно призадумался. И во время полуденного перерыва решил с ним поговорить: этот ублюдок сказал, что якобы видел тебя у Булы вчера ночью, мол, он больше тобой не интересуется, потому что ты поизносились, глотаешь теперь больше дыма, чем воздуха, – словно бы не он сам виноват в том, что ты докатилась до такой жизни. И вот мы так с ним беседуем, а я смотрю на его руки и вижу на костяшках пальцев отметины от чужих зубов: Бенет явно вчера с кем-то подрался, но получил отпор. Ну, я побыстрее

закончил пахать, улучил момент, когда на старого Геборика никто не станет обращать внимание, и отправился обыскивать тупики и переулки, ожидая, признаюсь, самого худшего...

Фелисин оттолкнула его руку. Она медленно открыла рот, морщась от боли и чувствуя, как саднят ранки.

– Найди Бенета, – прохрипела девушка. Каждый вздох отдавался в груди болью.

Взгляд Геборика потяжелел.

– Зачем?

– Передай... ему... что я... прошу прощения.

Старик медленно распрямился.

– Я хочу, чтобы... он взял меня обратно к себе. Передай. Пожалуйста.

Историк поднялся.

– Отдохни, – проговорил он до странности ровным голосом и исчез из ее поля зрения.

– Дай воды.

– Сейчас дам. А потом тебе надо поспать.

– Не могу.

– Почему?

– Не могу... без трубки. Не получится.

Фелисин почувствовала на себе его взгляд.

– У тебя кровоподтеки в легких и несколько ребер сломаны. Какая там трубка! Чай подойдет? Настой дурханга.

– Только сделай покрепче.

Услышав, как он наполняет чашку водой из бочонка, Фелисин закрыла глаза.

– А неплохую историю ты сочинила, девочка, – сказал Геборик. – Прикинулась сиротой. Повезло тебе, что я быстро соображаю. Похоже, что теперь Бенет тебе поверил.

– Зачем? Зачем ты мне это говоришь?

– Чтобы успокоить. Мне кажется... – старик подошел к кровати, сжимая между кульями чашку с водой, – он, скорее всего, снова включит тебя в игру, девочка.

– Я... я тебя не понимаю, Геборик.

Он смотрел, как Фелисин подносит чашку к губам.

– Ну что ж, – проговорил историк. – Это и неудивительно.

Гигантская стена песчаной бури спустилась с западных склонов Эстарских холмов и теперь с мертвящим воем приближалась к береговой дороге. Хотя такие бури были редки на полуострове, Калам уже сталкивался с ними и испытал на себе всю ярость стихии. Первым делом нужно было сойти с дороги. Она кое-где подбиралась слишком близко к обрыву над морем, а в таких местах утесы частенько рушились.

Жеребец заупряился, когда всадник направил его вниз по крутой обочине. Ну не странно ли, что такой мускулистый и норовистый зверь слишком любил удобства? Песок был горячим и ненадежным, полным коварных провалов. Не обращая внимания на то, что конь возмущенно фыркал и тряс головой, Калам направил его в долину, а затем пришпорил и пустил быстрой рысью.

В полутора лигах впереди находилась Ладрова пристань, а за ней, на берегу пересыхающей на лето реки, высилась Ладрова крепость. Калам не собирался там останавливаться, но придется, коли не будет другого выхода. Командующий фортом был малазанцем, и гарнизон тоже сплошь состоял из малазанских солдат. Лучше бы, конечно, постараться обогнать бурю и снова выйти на береговую дорогу за крепостью, а оттуда двинуться дальше на юг через деревню Интесарм.

Стонущий охрянный вал затянул горизонт по левую руку от Калама и заметно приблизился. Холмы скрылись из виду. Глухая мгла заслонила небо. Вокруг раздавались хлопа-

ные крыльев и визг перепуганных ризанов. Прошипев проклятие, убийца снова пришпорил жеребца и припустил галопом.

Хотя Калам и не слишком жаловал лошадей, этот конь был просто великолепен: казалось, он играючи плывет над землей, несмотря на то что наездник ему попался, прямо скажем, так себе. Калам невольно все больше и больше привязывался к скакуну, правда пока еще не был готов себе в этом признаться.

Убийца обернулся и увидел стену бури совсем рядом, меньше чем в сотне шагов от себя. Обогнать ее, пожалуй, не удастся. Вихрь взбитого песка отмечал границу, где ветер встречался с землей. Калам разглядел в этом воздушном прибое камни размером с кулак. Громогласный рев бури заглушил все звуки: она нагонит их буквально через несколько минут.

Калам разглядел на охряном фоне сероватое пятно – оно двигалось чуть впереди, наперерез всаднику. Он откинулся в седле и натянул поводья. Жеребец заржал, сбился с ритма и, остановившись, замолотил передними копытами в воздухе.

– Да будь у тебя хоть капля мозгов, ты бы меня только поблагодарил, – буркнул Калам.

Серое пятно было роем клещеблх. Прожорливые насекомые с нетерпением ждали песчаной бури, а затем неслись по ветру в поисках добычи. Хуже всего, что напрямую их обычно не видно: разглядеть клещеблх можно только сбоку.

Стоило рою этих тварей промчаться перед всадником, как пришла буря.

Жеребец зашатался, когда стена песка накрыла их обоих. Весь мир вокруг разом пропал, провалился в охряный морок, воющий и шипящий. Со всех сторон летели камешки, так что конь постоянно вздрагивал, а Калам постанывал от боли. Убийца склонил укрытую капюшоном голову, прищурился, глядя через узкую прорезь в повязке телабы, и пустил коня шагом.

Калам наклонился в седле, протянул руку и прикрыл левый глаз жеребца, чтобы защитить его от камней и крошева: надо же позаботиться о скакуне.

Еще минут десять они двигались вперед в непроглядном мареве поднятого в воздух песка. Затем жеребец фыркнул и попятился. Что-то треснуло и захрустело под копытами. Всадник наклонился и прищурился. Кости – со всех сторон. Бурей сдуло кладбище – такое случается. Сжигатель мостов успокоил коня, а затем попытался разглядеть в охряном мороке хоть что-нибудь. Где-то рядом должна быть Ладрова пристань, но Калам ничего не видел. Он снова поехал вперед. Жеребец грациозно переступал через груды костей.

Впереди показалась береговая дорога, а дальше – караулки по обе стороны моста. Деревня, должно быть, где-то справа, если только ее не сдуло бурей ко всем демонам. За мостом стоит Ладрова крепость.

Обе одиночные караулки зияли пустыми дверями, словно глазницы огромного черепа.

Калам поставил жеребца в конюшню, пересек двор, сгорбившись под ветром и побрякивая от боли в ногах, и приблизился к воротам крепости. Нырнув под арку, он впервые за многие часы оказался защищен от воя бури. По углам скопились кучки песка, но сухой воздух здесь был спокоен и неподвижен. Стражника на посту не оказалось: одинокая каменная скамья пустовала.

Калам приподнял тяжелое железное кольцо на двери и с силой ударил им по дереву. Подождал. Наконец по ту сторону послышался звук отодвигаемых засовов. Со скрипом дверь отворилась внутрь. Старый слуга оглядел Калама единственным глазом.

– Внутрь иди, – проворчал он. – К остальным.

Калам проскользнул мимо старика и оказался в просторной общей зале. Все присутствующие дружно обернулись к нему. На дальнем конце общего стола, который тянулся от края до края квадратного помещения, сидели четверо стражников-малазанцев, мрачных и настороженных. В лужах вина на столе красовались три кувшина. С другой стороны расположилась

немолодая жилистая женщина с запавшими глазами, чье лицо было раскрашено так, как подобает лишь юным девушкам. Рядом устроился эрлитанский торговец, – наверное, ее муж.

Калам поклонился всей честной компании и подошел к столу. Другой слуга, младше первого разве что на несколько лет, принес еще один кубок и кувшин, но замешкался, ожидая, пока гость не выберет себе место. Когда Калам устроился напротив купеческой четы, старик поставил кубок и наполнил его до половины, после чего ушел.

Торговец приветливо улыбнулся, показав потемневшие от дурханга зубы:

– Ты с севера приехал, стало быть?

Вино оказалось настоящим на местных травах – слишком сладким и приторным. Калам отодвинул бокал и поморщился:

– А пиво в этой крепости есть?

Голова торговца утвердительно качнулась.

– Есть, как не быть, к тому же холодное. Но, увы, бесплатно, от щедрот нашего хозяина, здесь наливают только вино.

– Неудивительно, что такой дрянью потчуют бесплатно, – проворчал убийца и жестом подозвал слугу. – Принеси кружку пива.

– С вас «обрезник», – заявил тот.

– Это неприкрытый грабеж, однако жажда моя слишком велика. – Калам нашел подходящую монету и положил ее на стол.

– Как там деревня? Не обвалилась еще в море? – поинтересовался торговец. – А как мост на дороге в Эрлитан – держится?

Калам заметил на столе перед женой торговца небольшую бархатную сумочку. Подняв взгляд, он уставился в ее запавшие глаза. Размалеванная женщина подмигнула сжигателю мостов.

– Не приставай к нему с разговорами, Беркру. Путник явился сюда, чтобы укрыться от бури, – так оставь его в покое, дорогой.

Один из стражников поднял голову:

– А тебе, похоже, есть что скрывать, да, приятель? Не в охране каравана служишь, а сам приехал, в гордом одиночестве? Небось дезертир из Эрлитанской стражи, а может, проповедник Дриджны? Хотя одно другому не мешает. И хватило же у тебя наглости воспользоваться гостеприимством нашего хозяина, урожденного малазанца.

Калам оглядел солдат. Четыре враждебных лица. Никаким его оправданиям сержант наверняка не поверит. Стражники уже заранее решили, что подозрительного типа следует упечь в темницу – на эту ночь, по крайней мере, чтобы хоть как-то развеять скуку. Но сжигатель мостов не хотел проливать кровь. Он положил ладони на стол, медленно поднялся.

– Выйдем на два слова, сержант, – проговорил Калам. – Надо поговорить наедине.

Темнокожий солдат скривился:

– Горло мне перерезать хочешь?

– Думаешь, я на такое способен? – удивленно спросил Калам. – Неужели испугался? На тебе кольчуга, у пояса – меч. Да еще и трое друзей, которые будут держаться рядом и в любой момент придут тебе на выручку – только позови.

Сержант поднялся.

– Да я и сам прекрасно справлюсь! – прорычал он и решительно отошел к дальней стене.

Калам последовал за солдатом. Он вытащил из-под телабы небольшой медальон, поднял его повыше и тихо спросил:

– Узнаешь этот знак, сержант?

Воин осторожно наклонился вперед, чтобы рассмотреть символ, выгравированный на медальоне. А сообразив, что именно видит, невольно побледнел:

– Командир когтей...

– Ага. Так что давай условимся: больше никаких вопросов и обвинений, сержант. Остальным не открывай того, что узнал, – по крайней мере, пока я не уеду. Ясно?

Его собеседник торопливо кивнул.

– Прошу прощения, господин, – прошептал он.

Калам криво усмехнулся:

– Ничего, твоя бдительность вполне уместна. Скоро сам Худ поскачет по этой земле, мы оба прекрасно это знаем. Сегодня ты ошибся, но продолжай и впредь подозревать каждого. Скажи, а командир крепости знает, что творится за стенами?

– Так точно, знает.

Убийца вздохнул:

– В таком случае тебе и твоему взводу крупно повезло, сержант.

– Так точно, господин.

– Ну а теперь давай вернемся за стол.

В ответ на любопытные взгляды подчиненных сержант только помотал головой. Когда Калам снова принялся за пиво, жена торговца потянулась к своей бархатной сумочке.

– Все солдаты попросили меня погадать им, открыть будущее, – произнесла она и вынула Колоду Драконов. Женщина держала ее обеими руками, не сводя пристального взгляда с убийцы. – А ты? Хочешь узнать свою судьбу, незнакомец? Я расскажу без утайки, какие боги тебе улыбаются, а какие хмурятся...

– У богов нет ни времени, ни желания следить за нами, – с отвращением процедил Калам. – Не втягивай меня в свои игры, женщина.

– Значит, сперва ты припугнул сержанта, – с улыбкой проговорила она, – а теперь хочешь застрашать и меня тоже. Видишь, каким ужасом наполнили меня твои слова? Я прямо вся трясусь от страха.

Калам презрительно фыркнул и отвел глаза.

По залу разнесся грохот: кто-то с силой барабанил по входной двери.

– О, новые таинственные путники! – проскрежетала женщина.

Все наблюдали за тем, как из соседней комнаты появился привратник и зашаркал к порогу. Кто бы ни ждал по ту сторону, он явно не мог похвастаться терпением: дверь снова задрожала от ударов, прежде чем старик успел дойти до нее.

Как только засов отодвинулся в сторону, створка двери распахнулась от мощного толчка. Привратник невольно отшатнулся. На пороге возникли две фигуры в доспехах, причем один из путников оказался дамой. Позвякивая металлом и громко топая сапогами, она вышла на середину зала. Невыразительные глаза обежали стражников и других гостей, на миг задержавшись на каждом из присутствующих. Никакого особого внимания к своей особе Калам не заметил.

Женщина наверняка прежде имела военный чин. Возможно, сохраняла его и теперь, хотя по доспехам и вооружению этого сказать было нельзя. Да и мужчина, маячивший у нее за спиной, никакой формы не носил.

Калам разглядел на лицах обоих рубцы и внутренне ухмыльнулся. Бедняги определенно наварались на клещеблех и, мало того, принесли их сюда с собой. Мужчина резко дернулся, когда одна из мерзких тварей укусила его под кольчугой. Разразившись проклятиями, он начал расстегивать ремешки доспеха.

– Нет! – резко приказала дама.

Он послушно замер.

Женщина явно была из пардийцев, равнинного племени, обитающего на юге; ее спутник казался северянином, возможно эрлитанцем. На его коже – несколько более светлой, чем у спутницы, – не было видно племенных татуировок.

– Худов дух! – прорычал сержант, глядя на новых гостей. – Ни шагу дальше! На вас обоих полным-полно клещеблех. Садитесь на дальнем конце стола. Слуги приготовят кедровую ванну – не бесплатно, разумеется.

Поначалу женщина хотела было возмутиться, но затем указала рукой в перчатке на дальний конец стола, и ее товарищ тут же подчинился: подтащил туда два кресла, а затем уселся в одно из них и замер как деревянный. Пардйика устроилась в другом кресле и велела принести кувшин пива.

– Хозяин требует за это денег, причем немалых, – с кривой ухмылкой заметил Калам.

– Семь священных городов! Вот ведь жадный ублюдок... Эй, слуга! Принеси мне кружку, и я сама решу, стоит ли пиво того, чтобы за него платить. Живо!

– Никак дамочка решила, что у нас тут таверна, – проворчал один из солдат.

И тут заговорил сержант:

– Вы все здесь исключительно по милости командира крепости. И будете платить за пиво, за ванну и даже за то, чтобы спать на этом полу.

– Хороша милость! – фыркнула незнакомка.

Лицо сержанта потемнело: он как-никак был малазанцем да еще вдобавок находился в одном помещении с командиром когтей.

– Четыре стены, потолок, очаг и конюшня даются тебе бесплатно, женщина. И нечего тут строить из себя оскорбленную принцессу: если не нравится наше гостеприимство, то проваливай.

От ярости глаза незнакомки превратились в щелочки, но затем она все-таки вытащила из кошелька на поясе пригоршню джакат и с грохотом припечатала монеты к столешнице.

– Как я понимаю, – мягко проговорила она, – твой добросердечный хозяин берет деньги за пиво даже с тебя самого, сержант. Хорошо, у меня нет выбора, кроме как купить всем здесь по кружке.

– Очень щедро с твоей стороны, – сказал сержант и кивнул.

– А сейчас мы узрим будущее, – заявила жена торговца, выравнивая Колоду Драконов.

Калам заметил, как пардйика вздрогнула, увидев карты.

– Уволь меня от этого балагана, – хмыкнул убийца. – Нет никакого прока от знания грядущего, даже если у тебя и есть хоть малейший дар, в чем я сильно сомневаюсь. Так что лучше даже и не позорься.

Не обращая на него внимания, старуха обернулась к стражникам:

– Итак, судьбы всех вас зависят от... Ну-ка, посмотрим, что нам выпадет! – И она выложила первую карту.

Калам коротко хохотнул.

– Это чего ж такое? – заинтересовался один из солдат.

– Обелиск, – ответил Калам. – Говорю же, перед нами шарлатанка. Любой настоящий провидец знает, что эта карта в Семиградье не работает.

– А ты сам, как я погляжу, в этом деле крупный специалист? – огрызнулась женщина.

– Я хожу к опытному прорицателю перед каждым долгим путешествием, – ответил Калам. – Глупо отправляться в путь, не зная, что тебя ждет. Я видел истинные гадания на Колоде Драконов, когда руку водила магическая сила. Не сомневаюсь, что ты намеревалась потребовать денег со стражников после того, как рассказала бы им, как они все разбогатеют, станут героями, будут жить долго и счастливо и умрут в глубокой старости, окруженные многочисленными сыновьями и внуками...

Исказившееся лицо старухи ознаменовало конец фарса: жена торговца взвизгнула от ярости и швырнула Колоду Драконов в Калама. Карты попали убийце в грудь, отскочили и с треском рассыпались по столу: вроде бы случайный узор, на который и внимания-то обращать не

стоит. В большом зале воцарилась тишина, и только пардйика с шипением выпустила воздух сквозь зубы.

Калам посмотрел на расклад, и его внезапно прошиб пот. Шесть карт окружали седьмую, единственную, которая – убийца вдруг с ясностью это понял – принадлежала ему. «Узел», или «Котильон», из Высокого дома Тени. Остальные шесть относились к Высокому дому Смерти: «Король», «Вестник», «Каменщик», «Пряха», «Рыцарь», «Королева»... Да уж, просто полный комплект: все прислужники Худа столпились вокруг того, кто несет священную книгу Дриджны.

– Ну что ж... – вздохнул Калам, бросив взгляд на пардйику. – Похоже, сегодня я буду спать в одиночестве.

Капитан «красных клинков» Лостара Йил и ее подчиненный покинули Ладрову крепость последними, через час с лишним после того, как Калам ускакал на юг на своем жеребце и растворился в пыльной мгле утихающей бури.

Вынужденное сближением с Каламом было неизбежным, но, сколь бы ни был он искусен в обмане, Лостара ему ничем не уступала. Чванство и надменность послужили ей прекрасными масками, позволяющими утаить от окружающих свои истинные, весьма опасные намерения.

Неожиданное откровение Колоды Драконов многое открыло Лостаре – и не только о Каламе и его миссии. Выражение лица сержанта малазанского гарнизона выдало его: явный соучастник, еще один потенциальный предатель. Судя по всему, Калам остановился в крепости отнюдь не случайно, как это сперва можно было подумать.

Проверив лошадей, Лостара обернулась и увидела, что ее спутник вышел из главного здания. «Красный клинок» ухмыльнулся.

– Ты все сделала основательно, как обычно, – заметил он. – А вот мне за командиром гарнизона пришлось погоняться. Нашел его в склепе. Он там безуспешно пытался втиснуться в доспехи, которые носил лет пятьдесят тому назад. Видать, в молодости был заметно тоньше.

Лостара одним движением взлетела в седло.

– Точно все мертвы? Ты как следует проверил? Что со слугами в дальнем коридоре? Я с ними разобралась несколько поспешно.

– Ты ни одного бьющегося сердца не оставила, капитан.

– Очень хорошо. Тогда садись в седло! У Калама такой проворный жеребец, что как бы наши кони замертво не попадали, пытаясь за ним угнаться. Ну да ничего, сменим лошадей в Интесарме.

– Если только Баральта заранее обо всем позаботился.

Лостара холодно посмотрела на спутника.

– Не доверяешь Баральте? – сухо осведомилась она. – И напрасно. Скажи спасибо, что я не доложу ему о твоих сомнениях – на этот раз.

Солдат поджал губы и кивнул:

– Виноват, капитан.

«Красные клинки» поскакали прочь из крепости, а затем свернули на прибрежную дорогу.

На первом этаже храма был коридор, а в центре его находилась единственная комната, из которой винтовая лестница спускалась вниз, во тьму. Маппо присел на корточки рядом с каменными ступенями.

– Ведет небось прямо в склеп. Ну что, спустимся?

– Если я правильно помню, – откликнулся Икарий, который остановился у входа в комнату, – когда монахини Королевы Грез умирают, тела их просто заворачивают в полотно и укладывают на полки вдоль стен подвала. Неужели тебе интересно рассматривать трупы?

– Дело не в этом, – ответил трелль и с тихим кряхтением поднялся. – Просто я заметил, что, как только ступени уходят ниже, камень меняется.

Икарий приподнял бровь:

– В самом деле?

– Этот этаж вырублен из местного известняка: он мягкий. А вот ниже я вижу отесанный гранит. Думаю, склеп внизу старше храма. Либо так, либо монашки этого культа руководствовались какими-то своими соображениями, выбирая для склепа место с крепкими надежными стенами.

Ягт покачал головой и приблизился к товарищу:

– Это выглядело бы очень странно, ведь Королева Грез относится к Высокому дому Жизни. Что ж, давай прогуляемся?

Первым спускался Маппо. Оба спутника прекрасно видели в темноте, так что отсутствие света внизу их не останавливало. На ступенях винтовой лестницы обнаружились следы мраморной облицовки, но большая ее часть давным-давно истерлась под ногами многочисленных монахинь. Твердый гранит под мрамором был целым и невредимым.

Лестница, состоявшая из семидесяти ступеней, уходила все ниже и ниже, и наконец друзья очутились в зале восьмиугольной формы. Стены здесь были украшены фризами различных оттенков серого цвета. Сразу за лестничной площадкой пол укрывали ряды прямоугольных углублений, вырезанных прямо сквозь мраморные плиты таким образом, чтобы убрать лежавшие ниже глыбы гранита. Сами глыбы были свалены в кучу, перегораживая проход, ведущий в другое помещение. В каждом углублении виднелся закутанный в саван труп.

Воздух в помещении был сухим и лишенным всякого запаха.

– Эти фрески не относятся к культу Королевы Грез, – заявил вслух Маппо, хотя это и так не вызывало сомнений: изображения на стенах были посвящены некоему мрачному мифу. Повсюду темнели черные, покрытые мхом стволы могучих елей, так что казалось, будто ты стоишь на поляне древнего леса. Кое-где между деревьями мелькали тени громадных четвероногих созданий, их глаза поблескивали, словно бы отражая лунный свет.

Икарий присел на корточки и провел рукой по остаткам мраморных плит.

– Здесь был узор, – проговорил он, – прежде чем монахини устроили тут кладбище. Жаль, что он не сохранился.

Маппо посмотрел на забаррикадированную арку:

– Если и есть разгадки этих загадок, то они там – за камнями.

– Ты уже восстановил силы, друг мой?

– Да, можешь на меня рассчитывать.

Трелль подошел к арке и потянул на себя самый верхний гранитный блок. Когда глыба накренилась, Маппо поймал ее, подхватив на руки, и тут же с диким рычанием согнулся. Икарий бросился на помощь другу и помог ему опустить камень на пол.

– Худов дух! Да он гораздо тяжелее, чем я думал.

– Это я уже понял. Давай тогда возьмемся вместе?

Через двадцать минут они растащили достаточно гранитных глыб, чтобы можно было пройти под арку. А в последние пять минут у них даже появились зрители: по лестнице спустилась стайка бхок'аралов, которые безмолвно наблюдали за приятелями, цепляясь за перила. Однако, когда сначала Маппо, а затем Икарий протиснулись на другую сторону, бхок'аралы остались на месте.

Перед спутниками открылся широкий коридор, обрамленный парами колонн, сделанных из цельных стволов кедра. Каждая такая колонна была никак не меньше сажени в диаметре. Грубую, покрытую глубокими бороздами кору строители не снимали, но та по большей части отвалилась сама и теперь лежала на полу.

Маппо положил руку на один из гигантских стволов.

– Только подумай, сколько сил пришлось потратить, чтобы их сюда доставить.

– Их принесли по магическому Пути, – приняхиваясь, сказал Икарий. – Запах полностью не рассеялся, хотя с тех пор и прошли века.

– Неужели века? А ты не можешь определить, какой именно это был магический Путь, Икарий?

– Куральд Галейн. Древний Путь Тьмы.

– Тисте анди? Сколько я слышал всяких легенд и историй, однако ни разу не встречал упоминаний о том, чтобы тисте анди появлялись в Семиградье. И на моей родине, по другую сторону Ягг-одана, тоже. Ты уверен? Как-то не сходится...

– Нет, Маппо, утверждать наверняка я не стану. По ощущению похоже на Куральд Галейн, только и всего. Чувствуется след Тьмы. Это точно не Омтоз Феллак и не Телланн. И не Старвальд Демелейн. Других древних Путей я не знаю.

– Я тоже.

Не обменявшись больше ни словом, они пошли дальше. По подсчетам Маппо, коридор закончился через триста тридцать шагов аркой, ведущей в еще один восьмиугольный зал, где пол был поднят приблизительно на ладонь относительно коридора. Все плиты тоже оказались восьмиугольными, на каждой были тщательно вырезаны узоры, которые затем скололи или изуродовали, словно бы в приступе безумной ярости.

Остановившись на пороге, трелль почувствовал, как шерсть у него на шее встает дыбом. Икарий застыл рядом.

– Я не думаю, – проговорил ягг, – что нам стоит входить в этот зал.

Маппо согласно заворчал. В воздухе витала вонь чародейства, старая, затхлая, липкая и загустевшая от магической силы. Словно волны жара, чары поднимались от плит на полу, от вырезанных на них образов и от изуродовавших изображения рытвин и сколов.

Икарий покачал головой:

– Если это и Куральд Галейн, то сей оттенок я определенно встречаю впервые. Похоже, он... искажен.

– В смысле, осквернен?

– Возможно. Но вонь от следов когтей отличается от запаха, который исходит от самих плит. Тебе она знакома? Клянусь смертными слезами Дэссембрея, наверняка знакома, Маппо!

Трелль прищурился и посмотрел на ближайшую плиту, покрытую глубокими царапинами. Его ноздри задрожали.

– Одиночники. Д'иверсы. Пряный дух оборотней. Ну конечно! – Маппо дико захохотал, так что по залу раскатилось эхо. – Тропа Ладоней, Икарий. Врата, которые они ищут, находятся здесь.

– Не просто врата, как мне думается, – сказал Икарий. – Взгляни на неповрежденные узоры – на что это похоже, по-твоему?

Маппо призадумался: «Неужели?..»

Чем дольше он разглядывал пол, тем сильнее крепили его догадки. Однако это лишь порождало новые вопросы.

– Похоже, конечно, но... не совсем. Еще больше раздражает то, что я не могу представить себе никакой связи...

– Ответов здесь не найти, – перебил его Икарий. – Мы должны идти туда, куда намеревались, Маппо. Мы близки к пониманию – в этом я уверен.

– Икарий, думаешь, Искарал Прыщ готовится принимать новых гостей? Одиночники и д'иверсы, неминуемое открытие врат. Неужели Владения Тени находятся в самом сердце этого схождения?

– Не знаю. Давай лучше спросим об этом его самого.

Друзья отступили от арки и направились в обратную сторону.

«Мы близки к пониманию». Эти слова вызвали в сердце Маппо настоящий ужас. Он чувствовал себя зайцем, в которого уже прицелился опытный лучник: куда ни беги – спасения нет, так что остается только беспомощно замереть на месте. Трелль стоял на стороне сил, которые потрясли его душу, сил прошлого и настоящего.

«Безымянные – со своими обвинениями, намеками и видениями, со своими тайными целями и скрытыми желаниями. Создания седой древности, если есть в трелльских легендах хоть одно слово правды. Икарий... О, друг мой, я ничего не могу тебе рассказать. Мое проклятие состоит в том, чтобы хранить молчание в ответ на всякий твой вопрос, и рука, которую я протягиваю тебе как брат, ведет тебя только к обману. Я делаю это во имя любви и плачу цену... и какую цену!»

Бхок'аралы поджидали спутников у лестницы и, держась на безопасном расстоянии, последовали за ними обратно на первый этаж.

Верховного жреца друзья застали в вестибюле, который тот превратил в свою спальню. Бормоча что-то себе под нос, Искарал Прыщ наполнял плетеную мусорную корзину подгнившими фруктами, мертвыми летучими мышами и изуродованными ризанами. Он мрачно покопался через плечо на Икария и Маппо, которые остановились на пороге комнаты.

– Если эти гнусные мартышки продолжают докучать вам, передайте им, чтобы остереглись моего гнева! – прошипел Искарал. – Какое бы помещение я ни выбрал, они тут же решают использовать его как склад для своих мерзких сокровищ. Мое терпение лопнуло! Никому не дозволено безнаказанно глумиться над верховным жрецом Тени!

– Мы нашли врата, – заявил Маппо.

Искарал даже не оторвался от уборки.

– Нашли, значит, вот как? Ох, глупцы! На самом деле все не так, как выглядит. Жизнь, данная за жизнь отнятую. Небось каждый угол, каждый закоулок обыскали, так ведь? Идиоты! Столь самонадеянная похвальба есть знамя невежества. Подняли его и ждете, что теперь я почтительно склонюсь перед вами? Ха! У меня свои секреты, свои планы, свои замыслы. Лабиринт гения Искарала Прыща не распутать таким, как вы. Оба – древние странники в земной юдоли. Почему вы до сих пор не попали в число Взошедших, а? Я вам скажу. Долголетие не дарует по умолчанию мудрость. Вот такие пироги. Надеюсь, вы убиваете всех пауков, каких только видите? Обязательно убивайте, ибо это тропа мудрости. О да, воистину! У бхок'аралов мозги маленькие, что и неудивительно: много ли поместится в их крошечные круглые головки? Однако они хитрые, как крысы; глазки блестят, словно черные камешки. Как-то я целых четыре часа подряд глядел в глаза одному из бхок'аралов, а тот – в мои. Ни один из нас не отводил взгляда, о нет, это было состязание, которое я бы ни за что не проиграл. Четыре часа, лицом к лицу, так близко, что я чувствовал зловонное дыхание противника. Кто же победит? Ответ был в руках богов.

Маппо выразительно посмотрел на Икария, затем откашлялся. И поинтересовался:

– И кто же, Искарал Прыщ, одержал победу в этой... битве умов?

Верховный жрец уставился на Маппо в упор:

– Взгляни на того, кто никогда не отклоняется от избранного пути, каким бы скучным и бессмысленным он ни был, и узришь воплощение тупоумия. Бхок'арал мог бы смотреть мне в глаза вечно, ибо в них не было и тени интеллекта. Нет, не так: в его глазах, я имею в виду. Ярчайшим свидетельством моего превосходства стало то, что я нашел нечто более интересное для созерцания.

– Скажи, Искарал Прыщ, ты собираешься отвести д'иверсов и одиночников к вратам внизу?

– О, сколь тупоумны трелли, упорные в опрометчивых ошибках и опрометчивые в ошибочном упорстве! Я ведь уже говорил: вы ничего не знаете об этих тайнах, о планах Престола Тени, о многих секретах серой крепости, сумрачного дома, где стоит трон Теней. Но я-то знаю! Я, единственный из всех смертных, удостоился узреть истину. Мой бог щедр, мой бог мудр, он хитер, как крыса. Пауки должны умереть. Коварные бхок'аралы украли мою метлу, и на ее героические поиски я отправляю вас, о благородные гости. Икарий и Маппо, достославные путешественники, вам поручаю я сие опаснейшее задание – найдите мою метлу.

Выйдя в коридор Маппо вздохнул:

– Ну вот, все было без толку. Что теперь будем делать, друг мой?

– Но это ведь очевидно, Маппо! – удивился Икарий. – Мы отправимся на опаснейшее задание. Нам следует найти метлу Искарала Прыща.

– Однако мы ведь уже обыскали монастырь, – устало возразил трелль. – Никакой метлы я не видел.

Губы ягга едва заметно изогнулись.

– Обыскали, говоришь? Разве мы с тобой заглянули в каждый угол и каждый закоулок? Сомневаюсь. Но первым делом пойдем-ка на кухню. Мы должны хорошенько подготовиться к поисковой экспедиции.

– Ты это серьезно?

– Вполне.

Мухи кусались отчаянно, они одурели от палящего солнца не меньше, чем все остальные. До полудня в фонтанах Хиссара стояли – плечом к плечу в теплой, мутной воде – люди, которые затем все же скрылись в более прохладной тени собственных домов. Для прогулок день был явно неподходящий, так что Дукер недовольно нахмурился, набрасывая на плечи тонкую свободную телабу, пока Бальт ждал у двери.

– Почему бы не подождать, пока взойдет луна? – пробормотал историк. – Прохладный ночной воздух, звезды над головой, сами боги благословляют в такие часы смертных. Вот тогда бы успех был обеспечен!

Бальт в ответ лишь язвительно ухмыльнулся, что несколько не улучшило настроения историка. Затягивая плетеный пояс, Дукер обернулся к седому воину:

– Ну что ж, ведите нас, дядюшка.

Виканец заулыбался еще шире, шрам проступил заметнее, так что в конце концов стало казаться, что на лице у Бальта две улыбки, а не одна.

Снаружи с лошадьми наготове их уже ждал Кальп – сам верхом на невысоком, крепком жеребце. Увидев мрачное выражение лица кадрового мага, Дукер невольно испытал тайное злорадство.

Они ехали по опустевшим улицам. Настал маррок – так назывался здесь послеполуденный час, когда разумные люди скрывались в домах, чтобы переждать жару. Историк, который в это время обычно ложился подремать, теперь чувствовал себя не в своей тарелке, тем более что он отнюдь не жаждал присутствовать на ритуале Сормо И'ната. Колдуны были печально известны своим наплевательским отношением к здравому смыслу, вечно они бросали вызов общепринятым нормам.

«Если причина истребления магов заключается именно в этом, то я, пожалуй, не стал бы слишком строго судить императрицу».

Дукер поморщился: подобные мысли не стоило озвучивать, если рядом был хоть один виканец.

Спутники добрались до северной окраины города и проехали пол-лиги по береговой дороге, прежде чем свернуть прочь от моря – на пустоши Одана. Оазис, до которого они добра-

лись час спустя, был мертв: ручей давно пересох. От прежнего роскошного сада среди песков остались только иссохшие стволы кедров, возвышавшиеся над ковром из поваленных ветром пальм.

На многих деревьях виднелись странные выступы, которые привлекли внимание Дукера, как только спутники подъехали поближе.

– Это что – рога на деревьях? – поинтересовался Кальп.

– Похоже, рога бхедеринов, – ответил историк. – Зажали их в развилку да и так оставили, затем кедр проросли, и рога оказались накрепко вделаны в стволы. Этим деревьям, наверное, сравнялась тысяча лет, прежде чем вода ушла.

Маг фыркнул:

– Ну не странно ли, что их до сих пор не вырубил – в такой-то близости от Хиссара?

– Рога – своего рода предупреждение, – сказал Бальт. – О том, что эта земля священная. Или во всяком случае, была таковой когда-то давно. Память сохранилась.

– Все правильно, – пробормотал Дукер. – И полагаю, Сормо И'нату в таком случае стоило бы держаться подальше от священных мест, ибо сила их, скорее всего, враждебна любому чужаку, каковым и является каждый виканский колдун.

– Я давно научился полагаться на мудрость Сормо И'ната, историк. И тебе тоже советую последовать моему примеру.

– Плох тот ученый, который полагается на чужую мудрость, – возразил Дукер. – Даже – и в особенности – на свою собственную.

– «Ты ходишь по изменчивым пескам», – вздохнул Бальт, а затем снова улыбнулся Дукеру и пояснил: – Так сказали бы местные жители.

– А что бы сказали в данном случае виканцы? – поинтересовался Кальп.

Глаза Бальта насмешливо блеснули.

– Ничего. Мудрые слова подобны стрелам, что летят тебе прямо в лоб. Что тут делать? Пригнуться, само собой. Эту истину виканец познает тогда же, когда и обучается ездить верхом – задолго до того, как делает первый шаг своими ногами.

Колдуна они нашли на поляне, которую расчистили. Песок сгребли в сторону, так что показалась кирпичная кладка пола – все, что осталось от здания, которое когда-то здесь стояло. В трещинах поблескивали осколки обсидиана.

Кальп спешил, поглядывая на Сормо И'ната, который застыл в центре, спрятав руки в рукава. Чародей прихлопнул назойливую муху.

– Что это? Какой-то затерянный, забытый храм?

Юный виканец медленно моргнул:

– Мои помощники заключили, что некогда здесь была конюшня. Затем они ушли без дальнейших объяснений.

Кальп поморщился и взглянул на Дукера.

– Терпеть не могу виканский юмор, – прошептал он.

Сормо И'нат жестом подозвал их поближе.

– Я собираюсь открыть себя магическим силам этого хэра – так виканцы называют священные места под открытым небом...

– Ты никак свихнулся? – Кальп побледнел. – Да эти духи тебе горло перегрызут, мальчик. Они же из Семиградья...

– Нет, – отрезал колдун. – Духи этого хэра были призваны задолго до того, как были построены Семь священных городов. Они плоть от плоти этой земли, и, если тебе обязательно нужно знать, то их Путь – Телланн.

– Худова милость! – простонал Дукер. – Если это и вправду Телланн, то тебе придется иметь дело с т'лан имассами, Сормо. Эти бессмертные воины отвернулись от Ласин и вообще от Малазанской империи сразу же после убийства императора.

Глаза колдуна сверкнули.

– А ты не задавался вопросом – почему?

Историк поспешно прикусил язык. У него имелись свои соображения на сей счет, но озвучивать их – кому бы то ни было – было равносильно государственной измене.

Размышления Дукера прервал скептический вопрос, с которым Кальп обратился к Сормо И'нату:

– А тебе это императрица Ласин поручила? Ты и впрямь хочешь прозреть будущие события или же все это делается только для отвода глаз?

Бальт, стоявший в нескольких шагах от них, до сих пор молчал, но теперь сплюнул и изрек:

– Будущее нам и без всяких провидцев прекрасно известно, маг.

Колдун поднял руки и развел их в стороны.

– Держись поближе ко мне, – сказал он Кальпу, а затем перевел взгляд на историка. – А ты – смотри и запоминай все, чему станешь свидетелем.

– Именно этим я уже и занимаюсь, колдун.

Сормо И'нат кивнул и закрыл глаза.

Сила его раскатилась в стороны призрачными, беззвучными волнами, охватила Дукера и остальных, залила всю поляну. Дневной свет неожиданно поблек, сменился мягкими сумерками, сухой воздух вдруг стал влажным, запахло болотом.

Точно стражи, поляну окружали кипарисы. Рваными занавесями свисали с ветвей клочья мха, погружая все за собой в непроглядную тень.

Дукер чувствовал чары Сормо И'ната будто теплый плащ; никогда прежде не ощущал он подобной силы, спокойной и охраняющей, могучей, но гибкой.

«Сколько же потеряла Малазанская империя, уничтожив колдунов? Эту ошибку императрица уже явно начала исправлять, хотя, быть может, слишком поздно. Как много магов погибло на самом деле?»

Сормо И'нат пронзительно заулюлюкал, и крик его отразился эхом, словно они стояли в огромной пещере.

В следующий миг воздух ожил, заполнился хаотическими порывами ледяного ветра. Сормо И'нат зашатался, глаза его распахнулись и испуганно округлились. Колдун вздохнул, а затем отпрянул от запаха, и Дукер его прекрасно понял. Ветер принес звериную вонь, которая становилась с каждым мгновением все сильнее.

Дикая ярость наполнила поляну, зловещее предзнаменование прозвучало во внезапном треске увитых мхом ветвей. Историк заметил, как сзади к Бальту приближается целый рой ос, и предостерег виканца резким криком. Тот молниеносно развернулся, в руках блеснули длинные ножи. Когда первая тварь ужалила Бальта, он вскрикнул.

– Д'иверсы! – заревел Кальп и, ухватив Дукера за полу телабы, потащил его ближе к Сормо И'нату, который стоял неподвижно, будто окаменел.

По мягкой земле пробежали крысы и набросились на клубок извивающихся змей.

Историк почувствовал, что ноги внезапно обдало жаром, и посмотрел вниз. Ядовитые муравьи уже поднялись до бедер. Жар быстро перешел в невыносимую боль. Дукер завопил.

Разразившись проклятиями, Кальп направил свой магический Путь выбросом силы. Муравьи сморщились и посыпались с ног историка, точно пыль. Остальные насекомые тоже откатились прочь, д'иверс отступил.

Крысы тем временем одолели змей и теперь приближались к Сормо И'нату. Виканец посмотрел на них и нахмурился.

Там, где скорчился, бестолково отмахиваясь от жалящих его ос, Бальт, вдруг вспыхнуло жидкое пламя, языки которого быстро окутали старого воина.

Проследив источник огня, Дукер увидел на краю поляны громадного демона. Укрытое иссиня-черной шкурой чудовище, в два раза выше человека, с ревом прыгнуло на белого медведя: поляна гудела от сражавшихся д'иверсов и одиночников, воздух буквально звенел от рычания и воплей. Монстр обрушился на медведя и повалил его на землю, так что послышался хруст костей. Оставив животное корчиться на земле, демон отпрыгнул в сторону и снова заревел. На сей раз Дукер распознал значение этого рева.

– Он нас предупреждает! – закричал он Кальпу.

Словно магнит, демон притягивал к себе д'иверсов и одиночников. Они дрались друг с другом в безумном стремлении добраться до чудовища.

– Нужно выбраться отсюда! – заключил Дукер. – Вытаскивай нас, Кальп! Быстро!

Маг зашипел от ярости:

– Интересно как! Это же ритуал Сормо И'ната, червяк ты книжный!

Демон уже полностью скрылся под грудой яростно атакующих его созданий, но все еще стоял – д'иверсы и одиночники взбирались на него, будто на груду твердого камня. То и дело изнутри прорывались черные лапы и швыряли в сторону мертвых и умирающих тварей. Но долго так продолжаться не могло.

– Худ тебя дери, Кальп! Придумай что-нибудь!

Лицо мага напряглось.

– Тащи Бальта поближе к Сормо. Живо! Колдуном я сам займусь.

С этими словами Кальп рванулся к Сормо И'нату, криками пытаясь вывести подростка из транса, в котором тот, видимо, пребывал. Дукер бросился к Бальту, скорчившемуся на земле в пяти шагах от них. Ковыляя к виканцу, он почувствовал сквозь боль, что ноги кажутся ужасно тяжелыми после нападения муравьев.

Старый вояка был весь искусан осами, его плоть разбухла и налилась багрянцем. Он потерял сознание, а возможно, уже и вовсе умер. Дукер ухватил Бальта за перевязь и поволок туда, где Кальп по-прежнему пытался привести в чувство Сормо И'ната.

Когда историк добрался до них, демон испустил последний протяжный вой и повалился под грудой нападавших. Д'иверсы и одиночники ринулись к четверым людям.

Сормо И'нат был явно не в себе: стоял с остекленевшими глазами и никак не реагировал на крики Кальпа.

– Буди его, иначе нам всем конец! – прохрипел Дукер, перешагивая через Бальта, чтобы встретить волну чудовищ всего-то с обычным ножом в руке.

Что проку от такого оружия? Ведь кипящий рой шершней был уже совсем рядом.

Внезапно Дукер ощутил сильный толчок, от которого все вокруг вздрогнуло, и... увидел, что они снова оказались в мертвом оазисе. Д'иверсы и одиночники исчезли.

Историк обернулся к Кальпу:

– Ты справился! Но как?

Маг покосился на растянувшегося на земле, стонущего Сормо И'ната.

– Мне еще придется за это расплачиваться, – пробормотал он, а затем встретил взгляд Дукера. – Как я это сделал? Да просто хорошенько ему вмазал. Чуть руку не сломал, кстати. Это ведь был *его* кошмар, верно?

Историк заморгал, а затем покачал головой и присел на корточки рядом с Бальтом:

– Яд убьет беднягу раньше, чем мы доберемся до города...

Кальп опустил рядом, провел здоровой рукой по распухшему лицу старого воина.

– Это не яд. Скорее, проявление магии. С этим я справлюсь, Дукер. И с твоими ногами тоже. – Маг прикрыл глаза и сосредоточился.

Сормо И'нат медленно поднялся и сел. Он огляделся, затем осторожно коснулся челюсти, где грубые отпечатки костяшек Кальпа белели, словно островки в море покрасневшей плоти.

– У него не было выбора, – заступился за мага Дукер.

Колдун кивнул.

– Говорить можешь? Зубы целы?

– Где-то, – внятно произнес виканец, – прыгает ворона со сломанным крылом. Теперь их осталось лишь десять.

– Что там произошло, колдун?

Глаза Сормо И'ната нервно заходили.

– Нечто неожиданное, историк. Схождение близко. Тропа Ладоней. Врата одиночников и д'иверсов. Несчастливое совпадение.

Дукер нахмурился:

– Ты же говорил – Телланн...

– Так и было! – отрезал колдун. – Почему д'иверсов и одиночников туда занесло? Сие мне неведомо. Быть может, они просто сочли, что там нет т'лан имассов и потому безопасно. Воистину, в отсутствие т'лан имассов, которые могли бы покарать нарушителей, биться приходится только друг с другом.

– Ну, тогда милости просим, пускай истребляют друг друга, – проворчал историк. Ноги его подгибались, так что Дукер вскоре тоже уселся на землю рядом с Сормо И'натом.

– Я тебе скоро помогу, – заявил Кальп. – Потерпи чуть-чуть.

Дукер кивнул и обнаружил, что внимательно наблюдает за жуком-навозником, который прилагает героические усилия, пытаясь сдвинуть с пути кусок пальмовой коры. Историк интуитивно почувствовал: в этой картине скрывается какая-то фундаментальная истина, но сформулировать ее уже не было сил.

Глава пятая

Бхок'аралы, видимо, происходят из пустошей Рараку. Довольно быстро эти создания расплодились и расселились стаями по всей территории Семиградья. Поскольку они успешно истребляли крыс, их не только терпели, но и привечали во многих поселениях. Через некоторое время торговля одомашненными породами бхок'аралов стала процветать...

Магические свойства этих тварей и использование их чародеями и алхимиками – предмет отдельного научного исследования. Всех, кто интересуется данной темой, мы отсылаем к Трактату № 321 алхимика Барука...

Имригин Таллобант. Обитатели пустыни Рараку

Если не считать песчаной бури – которую путники переждали в деревне на берегу реки Троб – и тревожных вестей о резне в Ладровой крепости, которые им сообщил верховой охранник из вооруженного до зубов каравана, направлявшегося в Эрлитан, Скрипач, Крокус и Апсалар вполне благополучно добрались почти до самого Г'данисбана.

Хотя Скрипач и понимал, что дальше, к югу от города, на Пан'потсун-одане, их поджидают страшные опасности, но все же предвкушал недолгий отдых и сейчас позволил себе расслабиться, рассчитывая, что оставшийся участок пути до ворот Г'данисбана будет тихим и мирным. Чего он совершенно не ожидал, так это обнаружить разношерстную армию повстанцев, разбившую лагерь прямо под стенами города.

С севера лагерь мятежников прикрывала тонкая гряда холмов, и в результате ничего не подозревающие путники уперлись прямо в заграждения. Все произошло очень быстро.

Рота солдат следила за дорогой с ближайшего холма и тщательно допрашивала всех, кто направлялся в Г'данисбан. Пехотинцев поддерживали два десятка аракских всадников, в чью задачу, видимо, входило отлавливать хитрецов, которые пытались объехать наскоро возведенную баррикаду.

Скрипачу и его подопечным не оставалось ничего, кроме как просто положиться на судьбу и ехать вперед. Опасаясь, что их маскарад будет раскрыт, сапер насупился совершенно по-гральски, стараясь выглядеть убедительно, но трое солдат, которые выступили вперед, чтобы остановить странников, почему-то насторожились.

– Город закрыт, – заявил первый часовой, который стоял ближе всех к путникам. И, дабы подкрепить свои слова, смачно сплюнул под копыта жеребца.

Ох, недаром говорят, что у гралов даже лошадь не спустит оскорбления. Прежде чем Скрипач успел открыть рот, его конь вытянул шею, вырвав из рук сапера поводья, и вцепился зубами в лицо обидчику. Жеребец повернул голову так, что челюсти его сомкнулись на щеках солдата, захватив верхнюю губу и нос. Хлынула кровь. Стражник пронзительно взвыл и кулем рухнул на землю.

Скрипач ухватил скакуна за уши и сильно дернул, заставив коня отступить ровно в тот миг, когда он уже приготовился добить копытами упавшего караульного. Пытаясь скрыть потрясение под еще более злобной миной, сапер начал поливать отборнейшей гральской бранью двух оставшихся солдат, которые в панике отскочили назад, а потом опустили пики.

– Вонючие отродья бешеных собак! Корки дерьма под козьим хвостом! Хорошенькое зрелище пришлось увидеть по вашей милости молодоженам! Никакого уважения к благочестивым паломникам! Что мне, вшей на вас натравить, чтобы они сняли с ваших недостойных костей водянистую плоть?

Пока Скрипач, чтобы не дать стражникам прийти в себя, продолжал выкрикивать все гральские проклятия, какие только смог вспомнить, с холма бешеным галопом спустился отряд аракских всадников.

– Эй, грал! Даю десять джакат за твоего скакуна!

– А я – дюжину! Соглашайся!

– Пятнадцать и младшую дочь в придачу!

– Пять джакат за три волоса из его хвоста!

Скрипач набычился и смерил конников яростным взглядом:

– Да никто из вас не достоин даже воздух под его хвостом понюхать! – Затем он ухмыльнулся, отвязал бурдюк с пивом и швырнул его одной рукой ближайшему араку. – Если позволите нам переночевать в вашем лагере, так и быть, за сребреник можете погладить моего жеребца, почувствовать, какой он горячий, – но только один раз! За остальное – платите сполна!

С диковатыми усмешками араки передавали бурдюк друг другу, делая по глубокому глотку. Согласно гральскому обычаю, Скрипач, угостив солдат пивом, признал их равными себе, тем самым избежав взаимных оскорблений и проклятий.

Он оглянулся на Крокуса и Апсалар. Оба выглядели потрясенными случившимся. Справившись с неожиданным приступом дурноты, сапер подмигнул молодым людям.

Стражники наконец пришли в себя, но, прежде чем они смогли подойти ближе, всадники сдвинули коней, чтобы загородить Скрипача и его подопечных.

– Скачи с нами! – крикнул саперу один из араков.

И конники, все как один, сорвались с места. Подхватив поводья, Скрипач пришпорил жеребца и поскакал следом, а затем облегченно вздохнул, услышав, что «молодожены» тоже не отстают.

Араки явно затеяли гонку до своего лагеря, и, словно желая поддержать новообетенную славу, гральский конь, похоже, вознамерился из кожи вон выпрыгнуть, но победить. Скрипач раньше никогда не ездил на таком азартном жеребце и сейчас даже невольно заулыбался, хотя изуродованное лицо стражника по-прежнему стояло у него перед глазами.

Типи³ араков растянулись вдоль гребня продуваемого всеми ветрами холма; каждое жилище стояло на приличном расстоянии от прочих, чтобы даже вечерняя тень не смогла упасть на порог соседа, ибо подобное считалось здесь оскорблением. Женщины и дети столпились на вершине, чтобы понаблюдать за гонкой. Они разразились криками, когда конь Скрипача вырвался вперед и качнулся, чтобы толкнуть плечом самого быстрого соперника. Лошадь арака споткнулась, так что всадник чуть не вылетел из своего деревянного, обитого войлоком седла, – и, несколько отстав, отчаянно заржала.

Оказавшись впереди всех, Скрипач наклонился к холке жеребца, который уже добрался до подножия холма и помчался по поросшему травой склону. Толпа расступилась, когда сапер оказался на самой вершине и придержал коня среди типи.

Как и любое другое кочевое племя, араки предпочитали разбивать лагерь на вершинах холмов, а не в защищенных долинах. Ветер отгонял назойливых насекомых. Правда, он мог также унести типи, но их края укрепляли камнями. Был и еще один несомненный плюс: с холмов всегда можно было увидеть заход и восход солнца, чтобы совершить обряд благодарения.

Скрипач и прежде видел лагерь кочевников, поскольку еще во время кампаний старого императора ездил по этим землям с виканскими отрядами. И здесь тоже все было как обычно. В центре, среди кольца типи, виднелся обложенный камнями очаг. Четыре деревянные жерди, обвязанные пеньковой веревкой, служили загоном для лошадей. Мотки войлока лежали и

³ *Типи* – переносное жилище кочевых народов, имеет форму прямого или слегка наклоненного назад конуса или пирамиды.

сушились неподалеку, рядом с треножниками, на которых висели растянутые шкуры и полоски мяса.

Около дюжины собак сразу же окружили фыркающего жеребца, и Скрипач выпрямился в седле, пытаясь собраться с мыслями. Костлявые голосистые дворняги могут насторожить хозяев, но сапер понадеялся, что они так облаивают всех чужаков, включая и гралов. В противном случае его маскараду конец.

Вскоре на вершину вылетел отряд араков. Конники кричали и хохотали, останавливая лошадей и спрыгивая на землю. Последними на гребень поднялись Крокус и Апсалар, которым явно было не до веселья.

Увидев их лица, Скрипач вспомнил изуродованного стражника на дороге внизу. Сапер снова нахмурился и спешился.

– Значит, город закрыли? – выкрикнул он. – Опять мезланы дурят!

Арак, который заговорил с ним на дороге, подошел ближе; на узком лице его играла яростная ухмылка.

– Да ничего подобного! Г’данисбан освобожден! Южане трусливо, как зайцы, бежали в предчувствии Вихря!

– Тогда почему нас не пускают в город? Разве мы мезланы?

– Ну надо же навести там порядок, грал! Мезланские торговцы и знать отравляют Г’данисбан, и его следует очистить. Вчера всех этих мерзавцев арестовали, а сегодня казнят. Завтра утром ты введешь свою благословенную чету в свободный город. Пойдем! Нынче ночью у нас празднество!

Скрипач по-гральски присел на корточки.

– Значит, Ша’ик уже подняла Вихрь? – Он недовольно покосился на Крокуса и Апсалар, словно бы жалел, что принял на себя такую ответственность. – Война началась, арак?

– Скоро начнется, – ответил тот. – Ох, до чего же нам не терпится вступить в бой! – добавил он с самодовольной ухмылкой.

Подшли Крокус и Апсалар. Арак удалился, чтобы помочь другим в подготовке вечернего празднества. Кочевники бросали под копыта жеребца монетки и осторожно тянули руки, чтобы легонько коснуться его шеи и боков. На несколько минут трое путников остались одни.

– Эту картину я никогда не забуду, – проговорил Крокус, – хотя очень хотелось бы, клянусь Худом. Тот бедолага будет жить?

Скрипач пожал плечами:

– Если захочет.

– Мы сегодня заночуем здесь? – спросила Апсалар, оглядываясь по сторонам.

– Придется. Не стоит обижать араков, ибо за оскорбление нас могут и расчленивать.

– Долго их обманывать все равно не удастся, – сказала Апсалар. – Крокус ни слова не понимает на местном наречии, а меня выдаст малазанский акцент.

– Тот покалеченный солдат – почти мой ровесник, – прошептал бывший даруджийский вор.

– Выбора у нас так и так нет: надо ехать в Г’данисбан, чтобы увидеть своими глазами отмщение Вихря, – хмурясь, проговорил сапер.

– Очередное празднование того, что еще не случилось? – фыркнул Крокус. – Этого трехклятого Апокалипсиса, который ты все время поминаешь? У меня такое чувство, что жители этой страны только болтать горазды, а делать ничего не делают.

Скрипач откашлялся.

– Сегодня вечером, Крокус, – медленно произнес он, – в Г’данисбане заживо сдерут кожу с нескольких сотен малазанцев. Если мы выкажем желание увидеть это торжество, араки могут простить нам поспешный уход.

Апсалар обернулась и увидела шестерых приближающихся кочевников.

– Тогда действуй, Скрипач, – велела она.

Сапер чуть было не отдал честь. Но затем спохватился и сдавленно прошипел проклятие.

– Не хватало еще, чтобы новобранка отдавала мне приказы!

Однако девушка нисколько не смутилась.

– Думаю, Скрипач, я отдавала приказы... когда ты еще за подол матери держался. Да-да, знаю: не я, а тот бог, который в меня вселился. Это его слова сейчас звенят, как сталь, бьющая в камень. Делай, как я говорю.

Ответить сапер не успел: подошли араки.

– Ты благословен, грал! – сказал один из них. – Еще один гральский клан приближается, чтобы присоединиться к Апокалипсису! Будем надеяться, что, подобно тебе, твои соплеменники привезли пиво!

Скрипач совершил ритуальный жест, обозначающий родство, а затем сурово покачал головой.

– Не стану с ними встречаться, – заявил он с замиранием сердца. – Я – изгой. К тому же эти молодожены желают войти в город и узреть казни... дабы на их союз снизошло еще большее благословение. Я сопровождаю новобранных, так что должен подчиняться их воле.

Апасалар шагнула вперед и поклонилась:

– Мы не хотим оскорбить вас.

Дело было плохо. Лица араков помрачнели.

– Изгой? Никто из родичей не почтит твой след, грал? Может, нам следует задержать тебя, чтобы твои собратья смогли отомстить, а в благодарность они оставят нам твоего коня?

И тут Апасалар выразительно топнула ножкой, с потрясающей достоверностью изобразив возмущение донельзя избалованной девицы:

– Да будет вам известно, что я ношу под сердцем ребенка! Если обидите меня – проклянусь! Мы едем в город! Сейчас же!

– Найми одного из нас на остаток пути, благословенная женщина! Но оставь безродного грала! Он недостоин служить тебе!

– В вас говорит жадность! Вас только жеребец и интересует! Сейчас я вас всех проклянусь... – Апасалар задрожала от ярости и приготовилась поднять с лица покров, чтобы провозгласить проклятие.

Араки в ужасе отшатнулись:

– Прости нас!

– Нижайше кланяемся тебе, благословенная!

– Только не касайся покрыва!

– Уезжайте же! В город! Прямо сейчас!

Апасалар заколебалась. На миг даже Скрипачу показалось, что она их все-таки сейчас проклянет. Но девушка отвернулась от араков.

– Веди нас, грал, – сказала она.

Под встревоженными, перепуганными взглядами кочевников трое спутников взобрались в седла.

Тот арак, что прежде говорил с ними, снова подошел к саперу.

– Задержись в городе на одну только ночь, а затем скачи быстро, грал. Твои родичи наверняка отправятся в погоню.

– Передай им, – проговорил Скрипач, – что коня я получил в честном бою. Так и скажи.

Арак нахмурился:

– А они знают, о чем речь?

– Какой клан сюда направляется?

– Клан Себарка.

Сапер покачал головой:

– Нет.

– Тогда они погонятся за тобой просто ради удовольствия. Но я передам им твои слова. Этот конь и вправду стоит того, чтобы за него убить.

Скрипач вспомнил пьяного грала, у которого купил жеребца в Эрлитане. Всего за три джакаты. Кочевники, которые переселились в города, многое потеряли.

– Ну что, арак, будете сегодня пить мое пиво?

– Да. Пока не придут гралы. Счастливого пути.

Спутники выехали на дорогу и уже приблизились к Северным воротам Г’данисбана, когда Апсалар спросила:

– Похоже, у нас крупные неприятности, верно?

– Это тебе тот бог, которым ты была одержима, подсказывает, девочка? – иронически осведомился сжигатель мостов.

Апсалар скорчила гримасу.

– Ну да, – вздохнул Скрипач. – Неприятности. Ох, зачем только я назвался изгоем? Теперь-то, учитывая, как ты с ними обошлась, думаю, хватило бы просто пригрозить аракам проклятием.

– Возможно.

Крокус откашлялся:

– Мы что, действительно станем смотреть на казни, Скрипач?

Сапер покачал головой:

– Еще чего не хватало! Поедем прямо через город, если получится. – Он покосился на Апсалар. – Только там норы свой попридержи, девочка. Еще одно такое выступление – и жители тебя на золотые носилки посадят да на собственных плечах из города понесут.

В ответ она только криво улыбнулась.

«Скрипач, старина, только не вздумай влюбляться в эту девушку, иначе погубишь бедного парня да потом еще и скажешь: мол, судьба такая, не повезло...»

Кровь окрасила истертые камни мостовой возле Северных ворот, а под стенами арки валялись – изломанные и растоптанные – деревянные игрушки. Поблизости звучали предсмертные крики детей.

– Жуть какая! – пробормотал побледневший Крокус. Он ехал рядом со Скрипачом, а Апсалар держалась сразу за ними.

В дальнем конце улицы мелькали фигуры мародеров и вооруженных людей, но сами ворота в город, как ни странно, никто не охранял. Все завлакивала пелена дыма, повсюду зияли черные окна и двери сгоревших лавок и домов малазанских торговцев.

Спутники ехали среди обломков догорающей мебели, разбитых горшков и прочей посуды. Повсюду им попадались убитые. Предсмертные крики детей справа наконец прекратились, но вдали, в самом сердце Г’данисбана, продолжали звучать отчаянные вопли.

Вдруг из переулочка почти под ноги лошадям вылетела фигура – молоденькая девчушка, абсолютно голая и покрытая синяками. Она бежала вперед, не разбирая дороги, а потом нырнула под разбитую повозку шагах в пятнадцати от Скрипача и остальных.

Вслед за ней появились шестеро вооруженных мужчин. Без доспехов, вооруженные чем попало. На потрепанных телах чернели потеки запекшейся крови.

– Эй, грал! – воскликнул один из них. – Девчонку тут не видел? Мы с ней еще не закончили.

Прежде чем Скрипач успел ответить, другой ухмыльнулся и указал на повозку, из-под которой торчали ступни девочки.

– Мезланка, что ли? – спросил Скрипач.

Главарь пожал плечами:

– А кто ж еще? Не бойся, грал, мы с тобой поделимся.

Сапер услышал, как Апсалар испустила тихий, долгий вздох. Он чуть откинулся в седле.

Группа разделилась, чтобы обойти Скрипача, Крокуса и Апсалар. Сапер небрежно склонился в сторону ближайшего мужчины и вонзил ему прямо в основание черепа острие своего длинного ножа. Гральский жеребец крутанулся под наездником и так лягнул обеими задними ногами другого бандита, что копытами проломил ему грудь и отбросил тело далеко в сторону.

Скрипач натянул поводья, а затем пришпорил коня. Тот метнулся вперед и подмял под себя не в меру щедрого главаря. Из-под тяжелых копыт скакуна послышались треск костей и тошнотворный звук раскалывающегося черепа. Сапер повернулся в седле, чтобы найти оставшихся троих.

Двое мужчин корчились от невыносимой боли рядом с Апсалар, которая спокойно сидела в седле, сжимая в затянутых в перчатки руках кеттр – нож с широким лезвием.

Крокус спешил и теперь присел рядом с телом последнего мужчины, чтобы выдернуть метательный нож из окровавленного горла жертвы.

Все трое обернулись, услышав треск глиняных черепков: это девушка выбралась из-под повозки, поднялась на ноги, а затем стрелой метнулась в тень переулка и скрылась из виду.

Затем из-под арки Северных ворот послышался топот копыт.

– Скачите вперед! – рявкнул Скрипач.

Крокус запрыгнул на своего коня. Апсалар убрала клинки в ножны и коротко кивнула саперу, собирая поводья.

– Через город – к Южным воротам!

Скрипач проводил взглядом уходящих галопом лошадей, а затем соскользнул со спины жеребца и направился к тем двоим, которых ранила Апсалар.

– Ага, – выдохнул сапер, когда подошел ближе и увидел, что обоим девушка вспорола пах, – узнаю прежнюю Жаль.

В город въехал отряд всадников. У каждого поверх кольчуги был повязан наискосок через грудь кушак цвета охры. Командир уже открыл было рот, чтобы заговорить, но Скрипач успел первым:

– Неужто всякой честной девушке в этом проклятом городе грозит опасность?! Она же вовсе не мезланка была, клянусь предками! Стало быть, такой у вас Апокалипсис? Тогда я помолюсь, чтобы ямы со змеями ждали вас всех в Семи Преисподних!

Командир нахмурился:

– Грал, ты утверждаешь, что эти люди оказались насильниками?

– Мезланские потаскухи пускай получают, что заслужили, но эта девочка была никакая не мезланка.

– И ты убил их? Всех шестерых?

– Да!

– А кто были другие два всадника? Мы видели их с тобой.

– Паломники, которых я поклялся защищать.

– И вот они поехали в сердце города... а ты остался тут. Так-то ты соблюдаешь свою клятву?

Скрипач нахмурился.

Командир поглядел на жертв:

– Двое пока живы.

– Да будут они прокляты еще сотней тысяч вздохов, прежде чем Худ их заграбастает.

Командир оперся на луку седла и немного помолчал.

– Догоняй своих паломников, грал. Им нужна твоя защита.

С ворчанием Скрипач снова сел в седло. И поинтересовался:

– Кто теперь правит в Г’данисбане?

– Никто. Армия Апокалипсиса удерживает только два квартала. Остальные мы возьмем к утру.

Скрипач развернул коня, ударил его пятками в бока и пустил легким галопом. Отряд за ним не последовал. Сапер выругался себе под нос: а ведь командир прав, нельзя было отпускать Крокуса и Апсалар в город одних. Повезло еще, что это выглядело типично по-гральски: не мог же «настоящий грал» упустить возможность похвастаться перед всадниками Дриджны, разразиться проклятиями и лишний раз продемонстрировать неприступную гордыню кочевника. Так-то оно так, но в то же время это выглядело наплевательски по отношению к паломникам, которых он поклялся защищать. В глазах командира Скрипач заметил легкое презрение. В общем, он повел себя немного *слишком* по-гральски. Если бы не пугающие дарования Апсалар, эти двое и впрямь сейчас оказались бы в серьезной опасности.

Сапер поскакал в город и с некоторым запозданием заметил, что жеребец слушается каждого его движения. Конь, конечно, знал, что его наездник не грал, но, судя по всему, решил, будто ведет он себя вполне подобающе, так что можно и проявить немного уважения. И это, подумал Скрипач, единственная его сегодняшняя победа.

На центральной площади Г’данисбана разразилась настоящая бойня. Скрипач догнал своих спутников, когда они еще только пустили лошадей шагом, оглядывая чудовищную картину. На стук копыт оба обернулись, и сапер смог только кивнуть, увидев облегчение на лицах друзей, когда те его узнали.

На краю площади замешкался даже гральский жеребец. Тел на каменной мостовой было несколько сотен. В основном старики да дети. Всех зверски порубили на куски и лишь некоторых сожгли заживо. Вонь разогретой на солнце крови, желчи и паленой плоти густым облаком окутывала площадь.

Скрипач сглотнул, чтобы подавить отвращение, и откашлялся.

– Страшно подумать, – проговорил он, – что творится дальше в городе.

Крокус обвел сцену бойни дрожащей рукой:

– Это все малазанцы?

– Да, парень.

– Скажи, а во время завоевания Семиградья малазанцы так же поступали с местными?

– Ты клонишь к тому, что это всего лишь справедливое возмездие?

Апсалар заговорила таким тоном, что чувствовалось, насколько все это ее задевает:

– Покойный император никогда не воевал с мирными жителями...

– Если не считать Арэна, – язвительно вставил Скрипач, припомнив беседу с таннойским духовидцем. – Когда в городе появились т’лан имассы...

– Но не по приказу Келланведа! – горячо возразила девушка. – Кто направил т’лан имассов в Арэн? Не знаешь? Так я тебе скажу. Стерва, глава когтей, женщина, которая впоследствии выбрала себе новое имя...

– ...Ласин. – Скрипач удивленно поглядел на собеседницу. – Много я слышал на сей счет всяких версий, но такой никогда. Не было ведь никакого письменного приказа – его не нашли, во всяком случае...

– Мне нужно было убить ее прямо там и тогда, – пробормотала Апсалар.

Скрипач ошеломленно посмотрел на Крокуса. Даруджиец только покачал головой.

– Апсалар, – медленно сказал сапер, – ты же была совсем ребенком, когда Арэн восстал, а затем пал перед натиском т’лан имассов.

– Я знаю, – ответила девушка. – Но эти воспоминания... такие ясные. Меня... послали в Арэн... увидеть бойню. Выяснить, что случилось. Мы... поругались со Стервой. Никого больше не было в той комнате. Только Стерва и... и я.

Спутники добрались до противоположного конца площади. Скрипач придержал коня и долго молча смотрел на Апсалар.

– Ты была одержима Узлом, Покровителем Убийц, – сказал Крокус. – Но эти воспоминания принадлежат...

– ...Танцору. – Скрипач вдруг понял, что это правда. – У Узла ведь есть и другое имя. Котильон. Худов дух, это ведь так очевидно! Никто даже не усомнился в том, что произошло убийство. Обоих – Танцора и императора Келланведа... убили по приказу Стервы преданные ей когти. Но что Ласин сделала с телами? Этого никто не знает.

– Значит, Танцор остался жив, – нахмурившись, проговорил Крокус. – И стал Взошедшим, богом-покровителем на Пути Тени.

Апсалар упорно молчала: она только смотрела и слушала, стараясь, чтобы лицо ее ничего не выражало.

Скрипач костерил себя на чем свет стоит – ну как можно быть таким слепым идиотом?

– А какой дом появился в Колоде Драконов вскоре после этого? Дом Тени. И двое новых Взошедших: Котильон... и Престол Тени...

Крокус широко распахнул глаза.

– Престол Тени – это Келланвед, – сказал он. – Выходит, их не убили – ни того ни другого. Они присоединились к Взошедшим – и таким образом сбежали.

– Во владения Тени, – невесело улыбнулся Скрипач. – Чтобы там лелеять мысли об отмщении, которые в конце концов заставили Котильона подчинить себе девочку-рыбачку из Итко-Кана и начать долгий, хитроумный путь, подбираясь к Ласин. Но у них ничего не вышло. Да, Апсалар?

– Ты все верно говоришь, – ровным голосом ответила она.

– Так почему же, – спросил сапер, – Котильон не открылся нам? Скворцу, Каламу? Дуджеку, в конце концов? Проклятье, Танцор ведь хорошо знал всех нас – и если этот ублюдок имел хоть какое-то представление о дружбе, то все, кого я называл, были его друзьями...

Апсалар неожиданно расхохоталась, что покорило обоих мужчин.

– Я, конечно, могла бы соврать и сказать, что он хотел вас защитить. Но... Ты действительно хочешь знать правду, сжигатель мостов?

Скрипач почувствовал, что краснеет.

– Да, хочу, – проворчал он.

– Танцор доверял только двум людям. Одним из них был император Келланвед. А другим – Дассем Ультор, первый меч Малазанской империи, который погиб. Мне жаль огорчать тебя, Скрипач. Но похоже, что сейчас Котильон не доверяет вообще никому. Даже Престолу Тени. Императору Келланведу еще можно было верить. Но Взошедшему Келланведу – Престолу Тени... нет, это уже совсем другое дело.

– Ну и дурак он, стало быть, коли так, – заключил Скрипач, собирая поводья.

Улыбка Апсалар выглядела до странности печальной.

– Хватит болтать, – сказал Крокус. – Давайте уже выбираться из этого проклятого города.

– Ты прав, парень.

Вопреки предостережениям командира повстанцев до Южных ворот спутники доехали без приключений. Улицы тонули во мгле, а дым от догорающих зданий растекся едкой пеленой так, что дышать стало тяжело. Они ехали по молчаливому миру, где бойня уже миновала, ярость отступила, а вместе с осознанием произошедшего возвращались потрясение и стыд.

Скрипач понимал, что это лишь короткая передышка: теперь все разрастающийся пожар уже не сдержать. Если бы малазанские легионы не вывели из Пан'потсуна, еще оставался бы шанс подавить первые искры мятежа – с неменьшей жестокостью. Когда участники кровавой бойни сами становятся ее жертвами, жажда крови утоляется быстро.

Император Келланвед действовал бы в такой ситуации стремительно и решительно.
«Худов дух, да он бы вообще никогда не позволил событиям зайти так далеко».

Меньше чем через десятую часть ударов колокола спутники проехали под почерневшей аркой Южных ворот города, которые никто не охранял. Впереди раскинулись пустоши Пан'потсун-одана, ограниченные с запада горной грядой, за которой начиналась священная пустыня Рараку. На небе уже мерцали первые звезды.

Затянувшееся молчание нарушил Скрипач:

– Примерно в двух лигах к югу отсюда есть деревня. Надеюсь, что до нее мятежники еще не добрались. Пока что, по крайней мере.

Крокус откашлялся.

– Скажи, Скрипач, а если бы Калам знал... про Танцора, ну, то есть про Котильона...

Сапер скривился, покосился на Апсалар и нехотя кивнул:

– Да, парень, ты правильно думаешь: тогда она сейчас была бы с ним.

Никто не узнал, что собирался ответить Крокус, потому что с неба с громким писком вдруг упала маленькая тень и, хлопая крыльями, врезалась в спину юноше. Даруджиец испуганно завопил, когда какое-то создание забралось на ему голову и вцепилось в волосы.

– Да это же Моби, – проговорил Скрипач, устыдившись страха, который вызвало внезапное появление фамильяра. Сапер прищурился. – Похоже, он с кем-то подрался.

Крокус стащил Моби с головы и взял на руки.

– Да бедняга истекает кровью!

– Думаю, ничего серьезного, – сказал Скрипач.

– Почему ты так уверен?

Сапер ухмыльнулся:

– Видел когда-нибудь брачные игры бхок'аралов?

– Скрипач, – в голосе Апсалар прозвучало напряжение, – похоже, за нами погоня.

Придержав коня, сжигатель мостов привстал в стремени и обернулся. Вдалеке виднелось облако пыли. Сапер шепотом выругался.

– Гральский клан.

– Наши лошади устали, – сказала Апсалар.

– Других-то все равно нет. Надо поскорее добраться до той деревушки, про которую я вам говорил. Ох, Королева Грез, помоги нам!

В том месте, где сходились три горные гряды, Калам сошел с дороги и осторожно перевел лошадь через узкий оросительный канал. Старые воспоминания о путях, ведущих в Рараку, наливались тяжестью в костях.

«Вроде бы все изменилось, но на самом деле не изменилось ровным счетом ничего».

Из бесчисленных троп, что змеились среди холмов, почти все были ложными и вели только к гибели, ибо пролегали вдали от немногих колодцев и источников. Без живительной влаги солнце в Рараку становилось смертоносным спутником. Калам давно знал священную пустыню, карта в голове – пусть и прошли десятки лет – заново оживала при виде каждой новой приметы, каждой очередной вехи. Вершины холмов, наклонные камни, высохшие русла – Калам словно бы никогда и не уезжал отсюда, все новые привязанности казались ему незначительными по сравнению с родной землей.

«И вновь я – сын этой пустыни, готовый послужить ее священным потребностям».

Как ветер и солнце придавали форму песку и камню, так и Рараку обтесывала всех, кто узнавал ее. Переход через пустыню навсегда запечатлелся в душах бойцов трех подразделений, которые потом стали называться сжигателями мостов.

«Мы и вообразить себе не могли другого имени. Рараку сожгла наше прошлое, оставив за спиной один только пепел».

Калам повернул жеребца, и тот начал взбираться по склону, так что из-под копыт полетели камешки. Нужно было держаться верного пути – вдоль гряды, которая медленно понижалась к западу, чтобы скрыться в песках Рараку.

Звезды над головой блеснули, словно острия ножей. Выжженные известняковые утесы серебрились в призрачном лунном свете, будто отражали воспоминания о минувшем дне.

Убийца провел коня между развалинами двух смотровых башен. Под копытами жеребца похрустывали черепки и обломки кирпича. С тихим хлопанием крыльев с его пути взметнулись ризаны. Калам почувствовал, что вернулся домой.

– Ни шагу дальше! – вдруг произнес чей-то хриплый голос.

Калам с улыбкой натянул поводья.

– А ты отличаешься дерзостью, путник, – продолжил незнакомец. – Странствуешь верхом на жеребце цвета песка, облачившись в красную теллабу...

– И таким образом заявляю о том, кто я есть, – небрежно ответил сжигатель мостов.

Он уже определил, откуда звучит голос – из глубокой тени у заброшенного колодца за левой башней. На убийцу был направлен взведенный арбалет, но Калам знал, что сможет уклониться от стрелы, если скатится с седла так, чтобы жеребец оказался между ним и незнакомцем. И дело завершат два точно брошенных в темную фигуру в тени ножа. Так что никакой опасности нет.

– Разоружи его, – велел голос.

Две крепкие руки сомкнулись на запястьях Калама и сильно потянули назад, так что разразившийся яростными проклятиями убийца проехал по крупу коня и оказался на земле. В тот же миг сильные руки подхватили его и швырнули лицом вниз на камни. Удар вышиб воздух из легких. Калам беспомощно корчился на земле.

Он услышал, как тот, что заговорил с ним, поднялся из своего убежища за колодцем и подошел поближе. Жеребец попытался его укусить, но успокоился, едва незнакомец тихо произнес одно-единственное слово. Убийца услышал, как седельные сумки сняли с коня и поставили на землю. Открыли.

– Ага, значит, это и впрямь он.

Человек, удерживавший Калама, ослабил хватку. Сжигатель мостов со стоном перевернулся. Над ним возвышался настоящий великан. Татуировки покрывали его лицо так густо, что напоминали трещины в разбитом стекле. Слева с плеча на грудь спускалась толстая коса. Поверх необычной кольчуги, которую, похоже, соорудили из ракушек, гигант набросил плащ из шкуры бхедерина. Деревянная рукоять и каменное навершие какого-то причудливого клинка торчали под левой рукой. Широкий пояс, удерживавший набедренную повязку, был украшен странными предметами, которые показались Каламу похожими на засушенные шляпки грибов самых разных размеров. Росту в незнакомце было больше семи футов, но все равно из-за огромной горы мускулов он казался чуть ли не квадратным. Глаза на плоском лице ничего не выражали.

Восстановив дыхание, убийца сел.

– Без чародейства тут явно не обошлось, – проворчал он себе под нос.

Второй человек, который сейчас держал в руках Книгу Дриджны, услышал его и фыркнул:

– Воображаешь, что никто из смертных не может подкрасться к тебе так, чтобы ты не услышал, да? Убеждаешь себя, что для этого нужна магия? Ошибаешься, приятель. Мой спутник – тоблакай, беглый раб с Лейдеронского плато в Генабакисе. Семнадцать раз он встретил лето и лично убил сорок врагов и еще одного. Их уши висят у него на поясе. – С этими словами мужчина встал и протянул Каламу руку. – Добро пожаловать в Рараку, посланник. Наше долгое бдение подошло к концу.

Поморщившись, Калам принял протянутую руку и легко поднялся на ноги. Страхнул пыль с одежды и произнес:

– Значит, вы не разбойники, как я сперва подумал.

Незнакомец рассмеялся:

– Да нет, какие там разбойники! Я – Леоман, капитан телохранителей Ша'ик. Мой спутник отказывается называть свое имя незнакомцам, на том и остановимся. Пророчица выбрала нас двоих, чтобы встретить тебя, посланник.

– Я должен отдать священную книгу в руки Ша'ик, – заявил Калам, – а вовсе не тебе, Леоман.

Низкорослый воин – судя по цвету кожи и одежде, дитя этой пустыни – протянул ему книгу.

– Да, конечно. Прошу.

Убийца осторожно принял тяжелый, потрепанный том.

– Теперь можешь вручить ее мне, посланник, – раздался позади женский голос.

Калам медленно закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. И затем обернулся.

Никаких сомнений: это и впрямь Ша'ик. От невысокой женщины с медвяной кожей волнами исходила, раскатываясь во все стороны, необычайная сила. Он ощутил запах пыли и песка, иссеченного ветрами, вкус соли и крови. Довольно невзрачное лицо покрывали морщины, так что казалось – женщине около сорока, хотя Калам подозревал, что на самом деле она младше: священная пустыня Рараку – довольно суровая обитель.

Непроизвольно Калам опустился на одно колено. Протянул вперед книгу.

– Я вручаю тебе, о Ша'ик, Книгу Апокалипсиса.

«И вместе с ней море крови – сколько невинных людей погибнет, чтобы только низвергнуть Ласин? Худ меня побери, что же я наделал?!»

– А книга, как я погляжу, немало пострадала.

Убийца поднял глаза и медленно поднялся.

Ша'ик хмурилась, касаясь пальцем оторванного угла кожаного переплета.

– Что ж, не стоит удивляться, ей ведь уже тысяча лет. Благодарю тебя, посланник. Присоединишься ли ты теперь к моему отряду воинов? Я чувствую в тебе великое дарование.

Калам поклонился:

– Благодарю за приглашение, но я никак не могу его принять. Моя судьба заключается совсем в другом.

«Беги, приятель! Ты ведь не хочешь испытать на себе умения этих телохранителей? Беги скорее, пока неуверенность не погубила тебя!»

Темные глаза женщины испытующе впились в него, а затем удивленно расширились.

– Я чувствую часть твоего устремления, хотя ты и довольно искусно его прячешь. Скажи же, посланник. Путь на юг открыт для тебя. Более того, я дам тебе охрану...

– Мне не нужна охрана, пророчица...

– Но тем не менее ты ее получишь.

Ша'ик взмахнула рукой, и из мрака выступила громадная неуклюжая фигура.

– Но, пророчица! – предостерегающе зашипел Леоман.

– Никак ты усомнился во мне? – резко спросила Ша'ик.

– Тоблакай сам по себе стоит целой армии, да и мои умения немалы, провидица, но все же...

– С самого детства, – перебила его Ша'ик, – одно пророчество владело мною больше, чем остальные. Я видела этот миг, Леоман, – тысячу раз! Как однажды на заре открою Книгу Дриджны, и поднимется Вихрь, и я восстану из него... обновленной. «Клинок в руке и в мудрости безрукой! – таковы слова ветра. – Юность, соединившаяся со старостью. Одна жизнь полностью прожитая, а другая – незавершенная». Я это *видела*, Леоман! – Она судорожно вдох-

нула. – Я не знаю другого будущего, кроме этого. Так что мы в безопасности. – Ша'ик снова обернулась к Каламу. – Недавно у меня появился... э-э-э... питомец, которого я теперь посылаю с тобой, ибо чувствую в тебе... особые возможности, посланник.

Она вновь взмахнула рукой. Огромная неуклюжая фигура придвинулась поближе, и Калам невольно отступил на шаг. Жеребец испуганно заржал и замер, дрожа крупной дрожью.

– Перед тобой, посланник, – пояснил Леоман, – апторианская демоница из владений Тени. Ее прислал в Рараку Престол Тени, чтобы... шпионить. Теперь она принадлежит Ша'ик.

Это было просто кошмарное чудовище: ростом около девяти футов, на двух коротких и тонких задних лапах. Единственная передняя лапа – длинная и снабженная множеством суставов – торчала из странно разветвленной груди. От изогнутых, угловатых лопаток поднималась гибкая шея, которая заканчивалась плоской вытянутой головой. Тонкие, как иглы, зубы торчали из пасти, уголки которой приподнимались вверх, так что на морде застыла вечная ухмылка вроде дельфиньей.

Голова, шея и конечности аптори были черными, а торс – темно-серым. Единственный глаз, плоский и черный, смотрел на Калама до ужаса разумным взглядом.

Убийца увидел на демонице едва зажившие шрамы и поинтересовался:

– Никак ей недавно пришлось драться?

Ша'ик нахмурилась:

– Диверс. На нас напали пустынные волки. Она их отогнала...

– Скорее это было тактическое отступление, – сухо добавил Леоман. – Это создание не ест и не пьет; по крайней мере, мы ничего такого никогда не видели. И хотя пророчица полагает иначе, лично мне сия демоница кажется совершенно безмозглой – этот взгляд, вероятнее всего, только маска, за которой мало что скрыто.

– Леоман вечно фонтанирует сомнениями, – сказала Ша'ик. – Таково избранное им призвание, и меня оно утомляет все больше.

– Вообще-то, сомневаться полезно, – брякнул Калам и поспешно прикусил язык.

Провидица улыбнулась:

– Я сразу почувствовала, что вы двое похожи. Что ж, посланник, оставь нас. Семи Святым ведомо, с меня вполне довольно и одного Леомана.

Бросив последний взгляд на молодого тоблакая, убийца взлетел обратно в седло, повернул жеребца на южную тропу и пустил его рысью.

Аптори явно предпочитала сохранять между ними некоторую дистанцию; она двигалась параллельным курсом более чем в двадцати шагах от Калама темным пятном в ночи, шагая – неуклюже, но бесшумно – на трех костистых ногах.

Через десять минут езды быстрой рысью убийца придержал коня и пустил его шагом. Он доставил Книгу Дриджны по назначению, лично обеспечил, чтобы восстание Вихря состоялось. Ответил на зов своей крови, пусть и руководствуясь не самыми чистыми мотивами.

А теперь впереди его ждали совсем другие задачи. Он убьет императрицу Ласин, чтобы спасти Малазанскую империю. Если все получится, то восстание Ша'ик обречено. Порядок будет восстановлен.

«А если я не справлюсь, они обескровят друг друга, станут биться до изнеможения. Ша'ик и Ласин – одного поля ягоды. Худов дух, да эти две женщины даже внешне похожи!»

А ведь не исключено, что на совести Калама окажутся сотни тысяч смертей. Вполне возможно, что сейчас повсюду в Семиграде гадатели, умеющие толковать Колоду Драконов, держат в дрожащих руках заново пробудившегося Вестника Высокого дома Смерти.

«Ох, благословенная Королева Грез, что же я натворил...»

За несколько минут до рассвета Ша'ик села, скрестив ноги, перед Книгой Апокалипсиса. По сторонам в развалинах сторожевых башен притаились ее телохранители. Молодой тобла-

кай оперся на свой двуручный меч из железного дерева. На голове у него поблескивал старый бронзовый шлем без боковых щитков, а глаза тонули в узкой прорези наполовину опущенного забрала. Его напарник скрестил на груди руки. На затылке в шкуру бедра Леомана висел арбалет. За широкий кожаный пояс были заткнуты два моргенштерна. Поверх островерхого железного шлема он намотал выцветший шарф от телабы. Гладко выбритое лицо телохранителя было изборождено морщинами, что появились за тридцать лет, проведенных под солнцем и ветром. Взгляд светло-голубых глаз ни на чем не останавливался подолгу.

Лучи рассвета коснулись Ша'ик. Пророчица протянула руку и открыла Книгу Дриджны.

Стрела вонзилась ей в лоб на дюйм выше левого глаза. Железный наконечник пробил кость и вошел внутрь за миг до того, как пружина раскрыла встроенные в него шипы, – словно бы в мозгу провидицы расцвел смертоносный цветок. Затем острое ударило в заднюю стенку черепа и вышло наружу.

Ша'ик упала.

Тин Баральта радостно заревел и с удовлетворением увидел, как Аральт Арпат и Лостара Йил ведут в атаку на двух неумелых телохранителей дюжину «красных клинков».

В следующее мгновение после смерти Ша'ик воин пустыни бросился на землю и перекатился вперед. Арбалет в его руках щелкнул. Стрела вонзилась в грудь Аральта Арпата и застряла в доспехах. Высокий сержант рухнул на спину и растянулся в пыли. Командир «клинков» взревел от ярости, выхватил свои тальвары и присоединился к нападающим.

Взвод Лостары, оказавшись всего в пятнадцати шагах от тоблака, бросил свои сулицы одну за другой.

Глаза Тина Баральты удивленно округлились, когда ни одно из шести метательных копий не достигло цели. Тоблакай оказался невероятно проворен для такого гиганта и, словно бы просочившись между ними, перенес вес тела на одну ногу и выставил вперед плечо, прежде чем войти в ближний бой, взмахнув своим архаичным деревянным мечом, удар которого пришелся по коленям первого из «красных клинков». Солдат рухнул, подняв облако пыли: обе ноги у него были перебиты.

А затем тоблакай оказался среди воинов взвода. Пока Тин Баральта бежал к ним, он увидел, как Лостара Йил отшатнулась, кровь хлестала из раны у нее на голове, а шлем отлетел в сторону и покатился среди черепков. Второй солдат упал – горло его было пробито деревянным мечом.

Взвод Арпата напал на воина пустыни. Звякнули цепи, и моргенштерны разлетелись в стороны, нанося удары со смертоносной точностью. Нет оружия, удары которого было бы сложнее парировать, чем моргенштерн: цепь обходила любой блок, так что железный шарик с шипами неизменно достигал цели. Главным недостатком его были длительные паузы между ударами, но, бросив взгляд на бой, Тин Баральта заметил, что воин пустыни одинаково хорошо владеет обеими руками и теперь изматывает противников непрерывным градом атак, пробиться через которые не мог никто. За тот миг, что командир наблюдал за битвой, один из железных шаров проломил кому-то голову в шлеме.

И тогда Тин Баральта решил изменить тактику. Ша'ик мертва. Задание выполнено: теперь никакого Вихря не будет. Нет смысла жертвовать солдатами в бою против этих ужасных палачей, которые, оказавшись не в силах спасти жизнь Ша'ик, теперь горели желанием отомстить. Командир выкрикнул приказ отступать и увидел, что еще трое его бойцов упали под ударами врагов, прежде чем воины смогли отступить достаточно, чтобы повернуться и побежать прочь с поля битвы.

Двое из солдат Лостары Йил оказались верны ей настолько, что вытащили свою оглушенную предводительницу из боя.

Вид бегущих «красных клинков» вызвал у Тина Баральты ярость, но он проглотил поток горьких проклятий. С обнаженными тальварами он прикрывал отступление солдат, содрогаясь при одной мысли о том, что кто-то из телохранителей может принять вызов.

Но мятежники не стали преследовать нападавших, а вернулись обратно в развалины башен. Воин пустыни присел, чтобы перезарядить арбалет.

Бросив последний взгляд на двух убийц, Тин Баральта метнулся в укрытие и бегом последовал за своими солдатами в небольшой каньон, где их ждали стреноженные лошади.

Оказавшись в пересохшем русле реки, «красные клинки» поставили своего единственного выжившего арбалетчика на обращенный к югу гребень, а затем остановились, чтобы перевязать раны и перевести дух. Позади, почуяв запах крови, заржали лошади. Один из солдат плеснул водой в окровавленное лицо Лостары. Та заморгала, и в ее взгляде начало проступать сознание.

Тин Баральта нахмурился.

– Давай уже, приходи в себя, сержант! – прорычал он. – Ты должна снова пойти по следу Калама – на безопасном расстоянии.

Лостара кивнула и потрогала рассеченный лоб:

– Вот же странно: меч-то у него был деревянный.

– Но твердый как сталь. Худ бы побрал этого тоблакая – и второго телохранителя вместе с ним. Оставим их здесь.

Лостара Йил чуть скривилась и снова просто кивнула.

Тин протянул затянутую в перчатку руку и поднял сержанта на ноги.

– Отличный выстрел, Лостара Йил. Ты убила проклятую ведьму и в зародыше подавила мятеж. Императрица будет довольна. Более чем довольна.

Слегка покачиваясь, Лостара подошла к лошади и взобралась в седло.

– Мы поскачем в Пан'потсун, – сказал Тин Баральта. – Чтобы разнести повсюду добрую весть, – добавил он с мрачной ухмылкой. – Не потеряй Калама, сержант.

– Я не повторю своей ошибки, – ответила Лостара.

«Знаешь, что я так и так свалю все потери на тебя, да? Слишком уж ты умна, девочка».

Проводив ее взглядом, командир обратился к оставшимся солдатам:

– Трусы! Повезло вам, что я прикрыл ваше отступление. По коням!

Расстелив одеяло на плоском участке земли между развалинами двух башен, Леоман выкатил на него завернутое в полотно тело Ша'ик. На миг он замер над трупом, неподвижно стоя на коленях, а затем вытер пот с чумазого лба.

Рядом стоял тоблакай.

– Она мертва.

– Это я и без тебя вижу, – сухо заметил Леоман, протянул руку, поднял залитую кровью Книгу Дриджны и медленно завернул ее в ткань.

– Что мы теперь будем делать?

– Она открыла книгу. На рассвете.

– Но ничего не случилось. Только стрела ей в голову попала.

– Да знаю я, будь ты проклят!

Тоблакай скрестил на груди мощные руки и замолчал.

– Пророчество недвусмысленно, – сказал через несколько минут Леоман. Он поднялся, поморщившись от боли в окаменевших в бою мышцах.

– Что мы теперь будем делать? – снова спросил молодой великан.

– Ша'ик сказала, что... возродится обновленной... – Леоман вздохнул, книга налилась тяжестью в его руках. – Будем ждать.

Тоблакай поднял голову, принялся и объявил:

– Начинается буря.

Книга вторая. Вихрь

*Днем
Я бродил по старым дорогам,
Что стали призрачными
С приходом ночи
И скрылись с глаз моих
На рассвете.
Таков был мой путь:
Лиги через столетья
В одно мгновение солнца.*

Пардийская эпитафия

Глава шестая

В ранний период правления Келланведа в имперской армии, особенно среди военных моряков, процветали различные культы. Следует помнить, что это было также время Дассема Ультора, первого меча и верховного главнокомандующего Малазанской империи #...# человека, посвятившего себя служению Худу...

Дукер. Имперские войны. Том II

Бенет сидел за своим столиком в таверне у Булы и чистил ногти кинжалом. Ногти были безукоризненно чистыми, что превращало эту его привычку в своего рода манию. Фелисин уже научилась распознавать позы любовника и то, что за ними крылось. Сейчас Бенета обуревала ярость с явной примесью страха. Жизнь его поразили сомнения: словно личинки кровных слепней, они кишели под кожей, росли и вгрызались в самую плоть.

Лицо, лоб, крупные, покрытые шрамами запястья Бенета – все блестело от пота. Оловянная кружка с охлажденным сольтанским вином стояла рядом на столе – нетронутая, по ободку круг за кругом маршировали мухи.

Фелисин не могла отвести глаз от крошечных черных насекомых, ее вдруг сковало ужасное воспоминание о том, что случилось в Унте. Послушник Худа, которого на самом деле не было. Рой духов Смерти, принявший вид человека; жужжание крыльев, которое складывалось в слова...

– У тебя в глазах снова вспыхнул огонь, девочка, – сказал Бенет. – Ты опять вспомнила, кем стала, а это ни к чему. – Он подтолкнул к ней через стол маленький кожаный мешочек. – Погаси этот огонь.

Руки Фелисин задрожали, когда она взяла мешочек и вытащила оттуда шарик дурханга.

Бенет смотрел, как она крошит спрессованную пыльцу в чашу своей трубки.

Шесть дней уже миновало, а Бодэна так и не нашли. Капитан Саварк несколько раз вызывал Бенета к себе. Черепок обыскали вдоль и поперек, патрули на Жучьей дороге удвоили, караульные наматывали по поселку круг за кругом – «Ну прямо как эти мухи!» – а по Утопному озеру прошлись с баграми. Но беглец, казалось, просто растаял в воздухе.

Бенет принял это близко к сердцу. Его власти в Черепке был брошен вызов. Он снова взял Фелисин к себе, но не по доброте душевной, а потому, что больше не доверял ей. Небось подозревал, что девушка как-то связана с Бодэном. Но хуже всего было то, что Бенет, похоже, теперь знал: она не та, за кого себя выдает.

«Бенет с Саварком сговорились, – сказал ей Геборик в тот день, когда Фелисин ушла жить к любовнику. Благодаря заботам историка она достаточно окрепла и делала вид, что все хорошо, чтобы не огорчать старика. – Будь осторожна, девочка. Бенет принимает тебя обратно, но только для того, чтобы ты умерла у него на глазах. Он получил на сей счет соответствующие указания».

«Это лишь твои предположения, старик».

«Ну да, правда, я могу только догадываться. Но побег Бодэна позволил Бенету надавить на Саварка и потребовать для себя больше власти, и, скорее всего, Бенет воспользовался случаем, чтобы вытряхнуть из капитана всю правду о тебе. Саварк пошел навстречу Бенету, потому что это в его интересах: второй Бодэн ему не нужен. Вот так-то, милая...»

Чай с дурхангом ослаблял боль в сломанных ребрах и опухшей челюсти, но его силы не хватало, чтобы притупить мысли. Фелисин чувствовала, что уже близка к отчаянию. И в результате просто-напросто сбежала от Геборика, вернувшись к любовнику. Чего уж греха таить, у нее не было выбора.

Бенет улыбнулся, когда девушка поднесла к дурхангу в трубке огонь. И поинтересовался:

– А Бодэн ведь был не просто бандитом, промышлявшим в порту, верно?
Фелисин хмуро посмотрела на него сквозь завесу дыма.

«Король» Черепка положил кинжал на стол и крутанул его. Оба наблюдали, как вертится блестящий клинок. Остановившись, острое указало на Бенета. Он поморщился и раскрутил кинжал снова. Лезвие во второй раз обратилось к нему. Бенет подхватил кинжал и сунул его в ножны на поясе, а затем потянулся к оловянной кружке.

Мухи разлетелись, когда он поднес кружку к губам.

– Я ничего не знаю о Бодэне, – сказала Фелисин.

Его глубоко посаженные глаза надолго остановились на ней.

– Неужели ты до сих пор не поняла, что происходит? Значит, либо ты тупая... либо нарочно стараешься ничего не замечать.

Фелисин промолчала. По телу уже разливалось онемение.

– Или ты злишься на меня, девочка? Считаешь, будто это я тебя совратил? Да, я и впрямь очень тебя хотел, Фелисин. Ты была красивой. Умной, своенравной. Считаешь, это я виноват, что ты стала... такой?

Бенет увидел, как она покосилась на мешочек на столе, и криво улыбнулся:

– А от дурханга ты могла отказаться.

– Я и сейчас могу, в любой момент, – проговорила Фелисин, отводя глаза.

– Ну, значит, моей вины тут нет.

– Нет, – повторила она. – Я во всем виню только себя, Бенет.

Он резко поднялся:

– Погода сегодня мерзкая. Начался ши'гай – засушливый сезон, когда дует горячий ветер. Все твои страдания до сих пор были только прелюдией, девочка. Посмотрим, что ты запоешь, когда тут наступит лето. Но сегодня... – Бенет посмотрел на нее сверху вниз, однако не договорил, а просто взял Фелисин за руку и резко поднял. – Идем со мной прогуляемся.

Саварк разрешил Бенету набрать отряд для охраны: «король» лично отобрал рабов, каждого из которых вооружили дубиной. По ночам они патрулировали улочки Черепка. Тех, кого ловили снаружи после заката, строго наказывали: сперва избивали, а наутро казнили. Казнями занимались стражники, а «гвардия» Бенета всюду отрывалась на побоях.

Бенет и Фелисин присоединились к одному из патрулей: полдюжины человек, всех девушка хорошо знала, поскольку их преданность Бенет покупал в обмен на ее тело.

– Если ночь будет тихой, – пообещал он своим людям, – перед рассветом найдем время и немножко расслабимся.

«Гвардейцы» в ответ заухмылялись.

Они прошли по занесенным песком и мусором улочкам, но никого не увидели. Когда отряд оказался рядом с игорным домом Сурука, они заметили толпу стражников-досиев вместе с их командиром Ганнипом. Стражники проводили патрульных тяжелыми взглядами.

Бенет задержался было, словно хотел о чем-то переговорить с Ганнипом, но затем тяжело выдохнул через ноздри и зашагал дальше. И положил ладонь на рукоять кинжала.

Фелисин показалось, будто она вот-вот поймет что-то важное, словно бы горячий ветер добавил к ночному воздуху некий новый запах угрозы. Бодрый разговор патрульных стих, и Фелисин заметила на их лицах явные признаки тревоги. Она вытащила еще один шарик дурханга и положила прохладный сладковатый комочек за щеку.

– Вот смотрю я на тебя, – пробормотал Бенет, – и сразу вспоминаю Саварка.

Она удивленно моргнула:

– Саварка?

– Ага. Чем хуже обстоит дело, тем плотнее он зажимается.

С трудом выговаривая слова, девушка промямлила:

– А что случилось?

И, словно бы в ответ на ее вопрос, сзади, от заведения Сурука, раздался громкий выкрик, а затем грубый смех. Бенет жестом приказал своим людям остановиться, а затем пошел обратно к перекрестку. Оттуда он мог увидеть игорный дом – и солдат Ганнипа.

Заметив, что любовник вдруг резко застыл на месте с таким видом, словно бы узрел призрак, Фелисин ощутила глухую тревогу. Она помедлила, затем обернулась к патрульным:

– Что-то случилось. Идите к нему!

Они тоже смотрели на Бенета. Один из рабов нахмурился, и его рука скользнула к поясу, за который была заткнута дубина.

– Вообще-то, он нам ничего такого не приказывал, – проворчал громила.

Другие закивали, беспокойно ерзая в тени.

– Но Бенет стоит там один! – возмутилась Фелисин. – На открытом месте. На него, наверное, нацелены стрелы...

– Заткни хлебало, детка! – рявкнул «гвардеец». – Никуда мы не пойдем.

Бенет чуть было не отступил назад, но затем явно взял себя в руки.

– Они идут к нему, – прошипела Фелисин.

Показались Ганнип и его досии, обступили полукругом Бенета, держа в руках взведенные арбалеты.

– Да помогите же ему! – взмолилась Фелисин.

– Да провались ты к Худу! – огрызнулся один из громил.

Патруль поспешно разбежался, мужчины тихо уходили в тени ближайших переулков.

– Ты никак там одна осталась, девочка? – громко спросил капитан Ганнип. Его солдаты расхохотались. – Иди сюда, к Бенету. Мы тут просто по-дружески беседуем, только и всего. Ничего страшного, поверь.

Бенет обернулся, явно желая ей что-то сказать. Однако стражник-досий шагнул вперед и с размаху ударил «короля» по лицу кулаком в перчатке. Бенет пошатнулся, выругался, прижимая руку к разбитому носу.

Фелисин неловко отступила на шаг, затем развернулась и побежала, а за спиной уже щелкнули арбалеты. Стрелы прожужжали по обе стороны от нее, но девушка сумела ускользнуть в узкий переулок. Позади раздался смех.

Фелисин бежала по улочке, которая шла параллельно Ржавому пандусу. В сотне шагов впереди находились малазанские казармы. Задыхаясь, она вылетела на открытое пространство между двумя строениями. Сердце в груди колотилось так, словно ей исполнилось уже пятьдесят лет, а не пятнадцать. И неудивительно: Фелисин была потрясена тем, что солдат посмел ударить Бенета.

За казармами раздался крики. Застучали копыта. Из-за угла появилось два десятка рабов, которые бежали туда, где стояла девушка. За ними гналось полсотни досийских всадников. Несколько человек настигли копыта, и они попадали на пыльную землю. Безоружные узники пытались сбегать, но досии уже окружили их. Слишком поздно Фелисин поняла, что ей тоже не спастись.

«Я видела, как у Бенета идет кровь. Он не сможет меня защитить. Теперь мы умрем».

Кони досиев топтали всех без разбору: и мужчин, и женщин. Поднимались и опускались тальвары. В безнадежной тишине рабы погибали один за другим. Двое всадников направились к Фелисин. Она смотрела, гадая, который из них доберется до нее первым. Один из досиев наклонил копье, чтобы ударить девушку в грудь, а другой высоко занес широкий клинок, чтобы обрушить его в подходящий момент. На раскрасневшихся лицах Фелисин заметила радость и поразила тому, насколько нечеловеческим было это выражение.

Однако за миг до того, как всадники оказались рядом с ней, в грудь обоим с глухим звуком вошли стрелы. Солдаты покачнулись и упали с коней. Фелисин обернулась и увидела строй малазанских арбалетчиков: солдаты в первом ряду опустили на одно колено, чтобы

перезарядить оружие, а бойцы из второго ряда сделали несколько шагов вперед, прицелились, а затем разом выпустили стрелы в толпу досийских конников. Люди закричали от боли, животные испуганно заржали.

Третий залп сломил сопротивление досиев: оставшиеся усаkali во тьму за казармами.

Горстка рабов осталась в живых. Сержант рывкнул приказ, и дюжина солдат двинулась вперед, проверяя тела, которыми была усыпана площадка, и сгоняя уцелевших в одну кучу.

– Идем со мной, – прошипел кто-то рядом с Фелисин.

Она удивленно заморгала, не сразу узнав Пеллу:

– Зачем?

– Мы собираем заключенных в конюшне, но тебе туда не надо. – Он мягко взял девушку за руку. – Мятежники сильно превосходят нас числом. Так что защитой рабов сейчас никто заморачиваться не станет. Саварк требует, чтобы бунт подавили. Сегодня же.

Она непонимающе всматривалась в его лицо:

– Да что ты такое говоришь?

Сержант отвел свой отряд на более защищенную позицию – у самого выхода из переулкa. Двенадцать солдат продолжали подталкивать рабов по боковой улице в сторону конюшни. Пелла повел Фелисин в том же направлении. Едва только сержант исчез из поля зрения, как он обратился к остальным солдатам:

– Трое – со мной.

– Тебе никак Опонны мозги свернули, Пелла? Тут и так небезопасно, а ты еще хочешь разделить взвод? – ответил один из стражников.

А другой проворчал:

– Давай просто избавимся от этих треклятых рабов и догоним сержанта, пока тот не отдал приказ возвращаться к капитану.

– Это женщина Бенета, – сказал Пелла.

– Не думаю, что Бенет еще жив, – глухо проговорила Фелисин.

– Был жив пять минут назад, девочка, – хмуро заметил Пелла. – Нос, правда, разбит до крови, но ничего опасного. Он сейчас собирает своих «гвардейцев». – Пелла обернулся к остальным. – Нам нужен Бенет, Реборид, что бы там ни визжал Саварк. А теперь – трое за мной, нам недалеко идти.

С недовольной миной солдат, которого Пелла назвал Реборидом, жестом приказал еще двоим следовать за ним.

На западном крыле Черепка – где-то у Заплюйного ряда – разгорался пожар. Поскольку никто не тушил его, огонь распространялся быстро, отбрасывая багровые блики на клубы густого дыма.

Пелла тащил за собой Фелисин, а Реборид все продолжал ворчать:

– Да где же, Худовы пятки, гарнизон Бе’тры? Может, они огня не видят? Малазанские взводы патрулировали Жучью дорогу, они наверняка послали вестового – Бе’тра уже давно должен быть здесь, чтоб его!

На улицах лежали трупы: скорчившиеся, неподвижные фигуры. Маленький отряд шел мимо, не останавливаясь.

– Худ знает, что себе думает Ганнип, – продолжал солдат. – Да ведь Саварк всех растрелятых досиев на пятьдесят лиг вокруг выпотрошит и бросит гнить на солнце.

– Мы на месте, – объявил Пелла, заставив Фелисин остановиться. – Занять оборонительную позицию, – приказал он остальным. – Я скоро вернусь.

Они стояли у дома Геборика. Света за ставнями видно не было. Дверь была заперта. Презрительно фыркнув, Пелла ударом ноги снес хлипкое препятствие. Он подтолкнул Фелисин в спину, а затем шагнул следом, в темноту.

– Здесь никого нет, – сказала девушка.

Пелла не ответил, продолжая подталкивать ее, пока они не оказались у матерчатой занавески, за которой скрывалась спальня бывшего жреца.

– Отодвинь ее, Фелисин.

Она отбросила ткань в сторону и шагнула в крошечную каморку. Следом вошел Пелла. Геборик сидел на своей койке, молча глядя на них.

– Я не был уверен, – тихо произнес Пелла, – хочешь ли ты взять с собой Фелисин.

Бывший жрец крикнул:

– А ты сам, Пелла? Мы бы справились...

– Нет. Бери лучше ее. Я должен вернуться к капитану – мы подавим этот мятеж. Но для тебя время удачное, лучше и не придумаешь...

Геборик вздохнул:

– Да, это точно. Фэнеров пятак, Бодэн! Выходи уже, хватит прятаться. Этот парень нам не враг.

Пелла вздрогнул, когда от драпировки вдруг отделилась массивная фигура. В полумраке блеснули близко посаженные глаза Бодэна. Он ничего не сказал.

Встряхнувшись, Пелла отступил на шаг, взялся одной рукой за грязную ткань.

– Храни тебя Фэнер, Геборик.

– Спасибо тебе, парень, за все.

Солдат коротко кивнул и ушел.

Фелисин хмуро посмотрела на Бодэна:

– Ты весь мокрый.

Историк поднялся.

– Все готово? – спросил он Бодэна.

Великан кивнул.

– Мы что, бежим отсюда? – изумилась девушка.

– Да.

– Но каким образом?

Геборик поморщился:

– Скоро увидишь.

Бодэн подхватил с пола два больших кожаных бурдюка и без всякого усилия бросил один Геборику, который ловко поймал его запястьями. Бурдюк издал характерный звук, благодаря которому Фелисин догадалась, что на самом деле это просто запечатанный пузырь с воздухом.

– Мы собираемся плыть через Утопное озеро, – сообщила она. – Но зачем? Там ведь на другой стороне ничего нет, только отвесная скала.

– Там есть пещеры, – пояснил Геборик. – В них можно пробраться, когда вода стоит низко... Спроси у Бодэна, он там прятался целую неделю.

– Мы должны взять с собой Бенета, – заявила Фелисин.

– Но, девочка...

– Я настаиваю! Между прочим, вы оба в долгу передо мной! Если бы не я, то ты, Геборик, уже давно бы отправился на тот свет. Так что возьмем с собой Бенета. Я его найду, встретимся на берегу озера...

– Нет, – отрезал Бодэн. – Я сам его найду. – И с этими словами он вручил девушке пузырь.

Фелисин увидела, как великан выскользнул наружу через боковую дверцу, о существовании которой она прежде даже не догадывалась. Затем медленно обернулась к Геборику. Историк присел, внимательно рассматривая притороченную к бурдюкам сетку.

– Вообще-то, вы не собирались брать меня с собой, да, Геборик?

Старик поднял глаза и скинул брови:

– До сегодняшнего дня было похоже на то, будто ты нашла в Черепке свой рай. Я не думал, что ты захочешь бежать.

– Рай? – Это слово почему-то потрясло ее. Фелисин села на койку.

Геборик лишь невозмутимо пожал плечами. И уточнил:

– Ну, при покровительстве Бенета.

Она смотрела ему в глаза, пока жрец в конце концов не отвел взгляд. Он с кряхтением поднялся, взвесил на руках бурдюк и проворчал:

– Пора идти.

– Я теперь немного стою в твоих глазах, верно, Геборик? Да и был ли ты когда-нибудь обо мне высокого мнения?

«Фелисин из дома Паранов, чья родная сестра – адъюнктесса Тавора, а брат служил адъюнкте Лорн. Избалованная девчонка из знатной семьи. Дешевая шлюха».

Бывший жрец ничего ей не ответил и направился к отверстию в задней стене лачуги.

Всю западную часть Черепка объял огонь, окрасив долину алым заревом, зернистым и дрожащим. Геборик и Фелисин быстро шли по Рабочей дороге и видели по сторонам следы многочисленных стычек: убитых лошадей, мертвых малазанцев и досиев. Таверну Булы, похоже, пытались превратить в крепость, однако наскоро возведенные баррикады снесли. Из темного дверного проема доносились тихие стоны.

Фелисин замешкалась, но Геборик потянул ее за руку.

– Не стоит заходить туда, девочка, – сказал он. – Там побывали люди Ганнипа.

За пределами городка Рабочая дорога тянулась – темная и пустая – до самого перекрестка Трех Судеб. За камышами слева поблескивала ровная поверхность Утопного озера.

Бывший жрец повел Фелисин в заросли и присел, жестом приказав ей последовать его примеру.

– Будем ждать здесь, – сказал он, вытирая пот с широкого, покрытого татуировкой лба.

Ил под коленями был мягким, приятно прохладным.

– Значит, мы поплывем к пещере... а потом что?

– Это старая штольня, она ведет за пределы долины, выходит на поверхность далеко за Жучьей дорогой. На другом конце нас будут ждать припасы. Оттуда пойдем через пустыню.

– В Досин-Пали?

Геборик покачал головой:

– Нет, прямо на запад, к побережью. Доберемся дней за девять или десять. В пустыне есть скрытые родники: Бодэн запомнил их расположение. На берегу нас подберет судно и отвезет на материк.

– И кто же нам помогает?

Бывший жрец поморщился:

– Один мой старый друг проявляет преданность, которая дорого ему может стоить. Но видит Худ, я не жалуюсь.

– А Пелла – его человек?

– Да, иной раз обнаруживаются какие-то дальние связи: вроде друзей отца и дяди, знакомых знакомых, что-то вроде того. Пелла, между прочим, сперва пытался выйти на тебя, но ты не откликнулась. Поэтому он сам меня нашел.

– Ничего такого не помню.

– Ну как же? Он процитировал высказывание Келланведа, записанное тем, кто и организовал наш побег, – Дукером.

– Знакомое имя... Он кто?

– Официальный имперский историк. Дукер, кстати, заступился за меня на суде. А затем устроил так, что его доставили в Хиссар через магический Путь. – Геборик замолчал, медленно

покачал головой. – И все ради того, чтобы спасти желчного старика, который неоднократно называл его хроники откровенной ложью. Если доживу до личной встречи с Дукером, непременно извинюсь.

Бешеное жужжание вдруг донеслось до них с затянутого дымом неба над городом. Звук становился все громче. На гладкую поверхность Утопного озера словно бы обрушился плотный град. Фелисин от страха пригнулась еще ниже.

– Что это? Что происходит?

Геборик некоторое время молчал, а затем вдруг прошипел:

– Кровные слепни! Их сперва приманил, а потом напугал огонь. Быстро, девочка, загребай ил и обмазывайся им с ног до головы! И меня потом тоже намажь! Скорей!

Поблескивающий рой насекомых был уже виден, он катился вперед, словно стена тумана.

Фелисин в панике погрузила пальцы в прохладный ил между стеблями камыша и стала пригоршнями бросать его на руки, шею, плечи, лицо. При этом она ползла вперед, пока не оказалась по пояс в воде, затем обернулась к Геборику:

– Иди сюда!

Старик подобрался к Фелисин:

– Они ныряют в воду, девочка! Выбирайся отсюда – укрой ноги илом!

– Как только закончу с тобой, – заявила она.

Но было уже слишком поздно. В следующий миг рой накрыл их так плотно, что стало уже почти невозможно дышать. Кровные слепни вонзились в воду, словно дротики. Бедро девушки захлестнула острая боль.

Старик оттолкнул ее руки, затем пригнулся.

– Занимайся собой, девочка!

Этот приказ был излишним, потому что любые мысли о помощи Геборику испарились после первого же укуса. Фелисин выпрыгнула из воды, зачерпнула две пригоршни ила и шлепнула его на окровавленные бедра. Она быстро добавила еще один слой на икры и ступни. Насекомые ползали по волосам. Всхлипывая, Фелисин ногтями выдрала их, а затем покрыла илом и голову тоже. Во время судорожных вздохов кровные слепни попали ей в рот и теперь отчаянно жалили, пока она хрипела и отплеивалась. Девушка вдруг поняла, что прикусывает их, давит зубами, а горький яд насекомых жжется, как кислота. Эти твари были повсюду, они слепили Фелисин, собираясь комьями у глаз. Бедняжка громко завопила и смахнула их, а затем нагнулась, нащупала ил, набрала еще пригоршню. Фелисин погрузилась в целительную тьму, но не прекращала кричать, просто не могла остановиться. Насекомые пробрались в уши. Она заполнила илом и ушные отверстия. Наступила тишина.

Лишенные кистей руки вдруг обвили ее. Голос Геборика донесся словно издалека:

– Все в порядке, девочка, все хорошо. Успокойся, Фелисин. Не нужно больше кричать.

Она свернулась клубком среди зарослей камыша. Боль от укусов сменялась прохладным мягким онемением – на ногах, вокруг глаз и ушей, во рту. Фелисин притихла, не в силах шевельнуться.

– Рой улетел дальше, – сказал Геборик. – Благословение Фэнера пришлось им не по вкусу. Все нормально, девочка. Протри глаза – и сама удивишься.

Но девушка не двигалась. Ей хотелось просто лежать, чувствуя, как по телу растекается онемение.

– Эй, очнись! – рявкнул Геборик. – При каждом укусе слепни откладывают в рану личинку: она выделяет яд, который размягчает плоть, умертвляет ее. Ты меня слышишь, милая? Мы должны убить эти личинки – у меня в сумке на поясе есть целебная настойка – но наносить ее тебе придется самой, понимаешь? Безрукий старик тут не помощник...

Фелисин застонала.

– Проклятье! Да очнись же!

Он ударил ее, толкнул, а затем пнул ногой. Девушка выругалась и села.

– Хватит! Я очнулась! – Губы онемели, поэтому слова выговаривались невнятно. – Где эта твоя сумка?

– Вот. Глаза открой!

Веки и кожа возле глаз так отекали, что Фелисин почти ничего не видела, но все вокруг освещало странное голубоватое мерцание, лившееся от татуировок Геборика. Его слепни не укусили ни разу.

«Благословение Фэнера пришлось им не по вкусу».

Старик указал на поясную сумку:

– Скорей! Из яиц вот-вот вылупятся личинки и начнут пожирать тебя изнутри. Открой сумку... вон, черная бутылочка, маленькая. Откупоривай!

Фелисин выдернула пробку. И отшатнулась от резкого горьковатого запаха.

– Одну каплю на палец, потом вдавить ее в ранку, глубоко. Затем обработать другую...

– Но... я не чувствую ранок вокруг глаз...

– Я тебе подскажу, девочка. Быстрей!

Кошмару не было конца. Тинктура – зловонная, темно-коричневая жидкость, окрасившая пальцы в желтый цвет, – не убивала новорожденные личинки, но выгоняла их наружу. Геборик направлял ее руки к ранкам вокруг глаз и ушей, и из каждой, извиваясь, медленно выползала вялая от микстуры личинка длиной с обрезок ногтя. По видимым укусам можно было догадаться, что происходило в других местах, вокруг глаз и ушей. Во рту горечь снадобья переборола яд слепней, так что у Фелисин закружилась голова, а сердце забилося очень быстро. Личинки посыпались на язык, словно зернышки риса. Она сплюнула.

– Мне очень жаль, Фелисин, – проговорил Геборик. Он с состраданием рассматривал следы укусов у нее на лице.

По телу Фелисин пробежал холодок.

– Что случилось? Я ослепну? Оглухну? Да в чем дело, Геборик? Говори уже!

Он покачал головой и медленно разогнулся:

– Укусы кровных слепней... их яд убивает плоть. Ты исцелишься, но могут остаться оспины. Мне так жаль, девочка. Вокруг глаз все выглядит хуже некуда...

Она чуть не рассмеялась, несмотря на то что голова кружилась все сильнее: «Подумаешь, проблема». По телу снова пробежала дрожь, и Фелисин обхватила себя руками:

– Я видела такие отметины. У местных. Рабов. Не один раз...

– Да. Обычно кровные слепни не собираются в рои. Должно быть, их привлек пожар. Послушай, не расстраивайся: хороший целитель – владеющий Высшим Дэнулом – сможет убрать шрамы. Мы найдем тебе такого целителя, Фелисин. Клянусь клыками Фэнера – непременно найдем!

– Меня тошнит.

– Это из-за тинктуры. Она вызывает учащенное сердцебиение, озноб и тошноту. Это сок одного ядовитого растения из Семиградья. Если бы ты полностью выпила содержимое крошечной бутылочки, то умерла бы через несколько минут.

На этот раз она рассмеялась ломким, дребезжащим смехом:

– Я бы, наверное, даже обрадовалась, узрев врата Худа, Геборик. – Фелисин покосилась на бывшего жреца. Голубоватое сияние начало меркнуть. – Похоже, Фэнер – бог всепрощающий.

Старик нахмурился:

– Честно говоря, я сам пока в этом не разобрался. Однако знаю многих высших жрецов Фэнера, которых хватил бы удар, услышь они, что их бог-вепрь... всепрощающий. – Старик вздохнул. – Но видимо, ты права.

– Тебе, наверное, стоит выказать ему благодарность. Принести жертву.

– Да, наверное, – проворчал бывший жрец и отвел глаза.

– Какое же великое преступление отторгло тебя от твоего бога, Геборик?

Старик не ответил. Через некоторое время он поднялся и взглянул на объятый пламенем город:

– К нам скачут всадники.

Фелисин села ровнее, но голова все еще слишком кружилась, чтобы встать.

– Бенет?

– Нет.

В следующий миг отряд малазанцев уже был рядом, остановился прямо напротив Геборика и Фелисин. Возглавлял всадников капитан Саварк. Досийский клинок рассек ему щеку. Форма капитана была темной и мокрой от крови. Девушка невольно отшатнулась от взгляда его холодных, как у ящерицы, глаз.

Наконец Саварк заговорил:

– Когда окажетесь на гребне... посмотрите на юг.

Геборик тихо выругался от удивления:

– Ты отпускаешь нас? Спасибо, капитан.

Лицо Саварка потемнело.

– Не ради тебя, старик. Именно такие смутьяны, как ты, и устроили все это. Я бы тебя прямо на месте поднял на копьё. – Капитан снова перевел взгляд на Фелисин и как будто хотел сказать что-то еще, но затем лишь развернул коня.

Двое беглецов молча наблюдали, как всадники скачут обратно к Черепку. Солдаты ехали на битву. И Фелисин почему-то сразу поняла, что они все погибнут. Капитан Саварк, Пелла. Все малазанцы. Она перевела взгляд на Геборика. Старик задумчиво смотрел, как отряд приблизился к городу и исчез в дыму.

В следующий миг из камышей рядом поднялся Бодэн.

Фелисин встала на ноги и шагнула к нему:

– Где Бенет?

– Он мертв, девочка.

– Ты... ты...

Слова потонули в волне боли, горя, которое потрясло ее больше, чем все пережитое прежде. Фелисин покачнулась и отступила на шаг.

Бодэн не сводил с нее глаз.

Геборик откашлялся:

– Нужно спешить. Скоро рассвет, а я, хоть и сомневаюсь, что на озере нас кто-то заметит, думаю, что лучше все-таки затаиться. В конце концов, мы – малазанцы. – Он подошел к надутым бурдюкам. – Значит, план действий такой. Спрячемся на другом конце старой штольни, дождемся вечера и выйдем в путь после заката. Так меньше шансов попасться на глаза какому-нибудь разъезду досиев.

Фелисин безвольно поплелась за мужчинами к кромке воды. Бодэн привязал один из бурдюков к груди Геборику. Девушка поняла, что второй бурдюк ей придется делить с Бодэном. Она внимательно смотрела на здоровяка, пока тот проверял крепления на кожаном пузыре.

«Бенет мертв. Это Бодэн так говорит. Да он его, наверное, и вовсе не искал. Бенет жив. Наверняка. Нос разбит, только и всего. Бодэн лжет».

Вода Утопного озера смыла с кожи Фелисин остатки ила и тинктуры. Ну, хоть какое-то облегчение.

Тяжелое дыхание эхом отражалось от отвесного утеса. Фелисин продрогла и чувствовала, как вода пытается утащить ее вниз. Она покрепче ухватила за ремешки на бурдюке.

– Не вижу никакой пещеры, – прохрипела девушка.

– Странно, что ты вообще хоть что-то видишь, – проворчал Бодэн.

Фелисин не ответила. Плоть вокруг глаз так опухла, что остались только узкие щелочки. Уши казались кусками мяса, тяжелыми и огромными, а десны во рту отекали так, что скрыли зубы. Она дышала с трудом, постоянно откашливалась, но это не помогало. Однако нет худа без добра: Фелисин так сосредоточилась на физических страданиях, что на иные переживания сил уже не было. Это принесло ей неожиданное облегчение.

«Выжить – только это сейчас важно. Пусть Тавора увидит все шрамы, которыми я ей обязана, в тот день, когда мы встретимся лицом к лицу. Тогда мне даже ничего не придется говорить, чтобы оправдать свою месть».

– Вход под водой, – сказал Геборик. – Нам придется проткнуть пузыри и нырнуть. Первым поплывет Бодэн с веревкой, привязанной к поясу. Держись за эту веревку, девочка, иначе тебя утянет на дно.

Бодэн дал ей кинжал, затем положил веревку поверх покачивающегося на поверхности озера бурдюка. В следующий миг он оттолкнулся в сторону утеса и скрылся под водой.

Фелисин крепко ухватила за веревку, глядя, как разматываются кольца.

– А какая там глубина?

– Футов семь или восемь, – ответил Геборик. – Да еще длина пещеры примерно пятнадцать футов. Так что придется надолго задержать дыхание. Справишься, девочка?

«Придется».

Над озером разнеслись далекие крики. Последние жалкие вопли догорающего поселка. Все произошло так быстро: лишь за одну ночь Черепок постиг кровавый конец. Все это казалось... каким-то ненастоящим.

Фелисин почувствовала, что веревка дернулась.

– Твоя очередь, – сказал Геборик. – Проткни бурдюк, потом отпусти – пусть тонет, а сама двигайся по веревке.

Она перехватила кинжал лезвием вниз и вонзила его в кожу. Наружу со свистом вырвался воздух, пузырь начал сдуваться и пошел ко дну. Вода потянула Фелисин вниз, словно чьи-то цепкие руки. Девушка судорожно набрала полную грудь воздуха, прежде чем нырнула. В следующий миг веревка вела уже не вниз, а вверх. Фелисин наткнулась на скользкую поверхность утеса. Кинжал скрылся внизу, когда она ухватила за веревку обеими руками и начала подтягиваться.

Вход в пещеру в темноте казался только еще более темным пятном, а вода была ледяной. От недостатка воздуха легкие уже горели огнем. Фелисин почувствовала, что вот-вот потеряет сознание, но диким усилием воли отогнала это ощущение. Вдали сверкнул отблеск света. Бешено отталкиваясь ногами, девушка, рот которой уже наполнился водой, рванулась вперед.

Сильные руки ухватили ее за обшитый каймой воротник туники и легко вытащили наверх – к воздуху и свету. Фелисин лежала на жестком холодном камне, содрогаясь от приступов кашля. Рядом с ее головой теплилась масляная лампа. Чуть дальше к стене прислонились два походных мешка, стоявшие на деревянном каркасе, и набухшие от воды бурдюки.

– Проклятье! Ты никак потеряла мой нож?

– Да провались ты к Худу, Бодэн!

Разбойник заворчал – это он так смеялся, – а затем начал быстро выбирать веревку. Вскоре над водой показалась голова Геборика. Бодэн вытащил бывшего жреца на каменный приступок.

– Наверху, похоже, дело плохо, – заметил великан. – Наши припасы принесли сразу сюда.

– Понятно. – Геборик сел, судорожно глотая воздух.

– Вы двое лучше оставайтесь здесь, а я схожу разведать, что да как, – сказал Бодэн.

– Ага, давай.

Когда Бодэн исчез в глубине штольни, Фелисин села.

– Что там наверху, плохо?

Историк пожал плечами.

– Я должна знать, – не сдавалась Фелисин. – Хватит уже секретов.

Он поморщился:

– Недаром Саварк сказал: «Посмотрите на юг».

– И что?

– А то, девочка. Давайждемся Бодэна, хорошо?

– Мне холодно.

– Мы решили не брать сменную одежду, места мало. Тут продукты, вода, оружие, кремь и огниво. Есть одеяла, но лучше их не мочить.

– Ничего, скоро высохнут, – отрезала девушка и подобралась к одному из дорожных мешков.

Через несколько минут вернулся Бодэн и присел рядом с Гебориком. Дрожа под одеялом, Фелисин наблюдала за мужчинами.

– Нет, Бодэн, – заявила она, когда тот приготовился что-то прошептать бывшему жрецу, – говори так, чтобы все слышали.

Великан покосился на Геборика, но тот лишь пожал плечами.

– До Досин-Пали отсюда тридцать лиг, – сказал Бодэн. – Но вспышки и зарево видно хорошо.

Историк нахмурился.

– Даже грозу с молниями не было бы видно с такого расстояния, Бодэн.

– Точно, и это не гроза. Самое настоящее колдовство, старик. Битва магов.

– Худов дух! – пробормотал Геборик. – Вот это сражение!

– Стало быть, началось, – буркнул Бодэн.

– Вы про что говорите? – спросила Фелисин.

– Семиградье восстало, девочка. Вихрь Дриджны поднялся.

Плоскодонка оказалась длиной всего в тринадцать футов. Дукер долго колебался, прежде чем забраться в нее. Шесть дюймов воды плескалось под двумя досками, которые выполняли роль палубы. Многочисленные мелкие течи в днище были просто заткнуты тряпками – ну и ну! А уж запах гниющей рыбы просто валил с ног.

Кальп, который стоял на причале, закутавшись в свой армейский дождевик, даже и не сдвинулся с места.

– И сколько же ты, – поинтересовался он ровным тоном, – заплатил за эту... лодку?

Историк вздохнул и поднял на чародея глаза:

– Ты не сможешь ее починить? Какой, ты говоришь, у тебя магический Путь, Кальп?

– К починке лодок, – отрезал тот, – моя магия не имеет никакого отношения.

– Ладно, – вздохнул Дукер, выбираясь обратно на причал. – Ясно одно: на такой посудине пролив нам не пересечь. Человек, который продал мне эту барку, несколько преувеличил ее достоинства.

– Обычное дело. Как говорится: «Не обманешь – не продашь». Лучше бы ты просто нанял судно.

Дукер хмыкнул:

– Разве я мог кому-то довериться?

– Ну и как теперь быть?

Историк пожал плечами:

– Пошли обратно в таверну. Тут нужен новый план.

Они двинулись назад по скрипучему причалу и вскоре выбрались на узкую грунтовую дорогу, которая по совместительству являлась еще и главной улицей деревни. Рыбачьи

хибары по обе стороны демонстрировали полное отсутствие гордости, свойственное маленьким поселениям, возникшим в тени большого города. Уже стемнело, и, кроме стаи собак, которые по очереди катали в пыли рыбий скелет, никого поблизости видно не было. Тяжелые занавеси скрывали почти весь свет внутри домов. Воздух был горячим, ветер с материка продолжал теснить морской бриз.

Деревенская таверна стояла на сваях – выдавшая виды одноэтажная развалюха под соломенной крышей, где стенами служила джутовая ткань, натянутая на выцветший деревянный каркас. В песке под домом ползали крабы. Напротив таверны расположился каменный блокгауз малазанского отряда береговой охраны, который состоял из шести матросов: четверо явно были уроженцами Кона, а определить происхождение двух других представлялось затруднительным. Да и сейчас прежние национальные различия, пожалуй, уже не имели особого значения.

«Новая имперская порода», – подумал Дукер, когда они с Кальпом вошли в таверну и вернулись к столу, где сидели прежде. Малазанские солдаты сгруппировались вокруг другого, который стоял ближе к стене. При этом мешковину отогнули так, чтобы глазам открылся безмятежный пейзаж – жухлая трава, белый песок и поблескивающее вдали море. Дукер позавидовал морякам, потому что ветер наверняка доносил до них свежий воздух.

Солдаты пока еще не подходили к ним, но историк понимал, что это только вопрос времени. В такой деревеньке каждый путник вызывает к себе интерес, а уж люди в плащах военного образца – еще большая редкость. Наверняка моряки сгорают от любопытства.

Кальп указал хозяину у стойки на кувшин с элем, а затем наклонился поближе к Дукеру: – Скоро нам наверняка начнут задавать вопросы. Это первая проблема. У нас нет лодки. Это вторая. Лично я в моряки вообще не гожусь, это третья...

– Хорошо, хорошо, – прошипел историк. – Худов дух, выход непременно найдется. Дай мне подумать спокойно!

Кальп с кислым лицом отодвинулся.

Мотыльки неуклюже крутились вокруг мигающих фонарей, которыми освещался зал. Местных жителей тут вообще не наблюдалось, а внимание одинокого человека за барной стойкой было неотрывно приковано к малазанским солдатам. Он не отвел от них взгляда узких темных глаз, даже когда поставил кувшин с элем перед Кальпом.

Глядя ему вслед, маг хмыкнул:

– Странный какой-то вечер выдался, Дукер.

– Да уж. Пусто совсем нынче в заведении.

«Где же все?»

Тут их внимание привлек скрип стула: старший по чину малазанец – капрал, судя по значку на сюрко⁴, – поднялся и подошел к чужакам. Под блеклым жестяным значком виднелось пятно побольше – там ткань не выцвела: этот человек когда-то был сержантом.

Капрал был высоким и крепким, лицо – плоское и широкое – выдавало канское происхождение. На лысой голове виднелись порезы от бритвы, некоторые из них до сих пор прикрывала корочка подсохшей крови. Вояка не сводил глаз с Кальпа.

Маг заговорил первым:

– Иди лучше своей дорогой, приятель, если не хочешь и дальше тоже пятиться.

Моряк недоуменно моргнул:

– Куда пятиться?

– Сперва сержант, потом капрал – а теперь ты никак в рядовые нацелился? Предупреждаю тебя по-хорошему: оставь нас в покое.

⁴ *Сюрко* – длинный и просторный плащ-нарамник, чуть ниже коленей, с разрезами спереди и сзади, без рукавов. Часто носился поверх кольчуги, чтобы та не нагревалась и не страдала от влаги и грязи.

Угроза не произвела на моряка впечатления.

– А сам-то ты кто? – процедил он. – Не вижу знаков отличия.

– Потому что не знаешь, куда смотреть. Возвращайся за свой стол, капрал, и не суй нос в чужие дела.

– Ты из Седьмой армии. – Его собеседник явно не собирался последовать доброму совету. – Дезертир небось.

Жесткие брови Кальпа приподнялись.

– Капрал, перед тобой последний боевой маг Седьмой армии. А теперь уноси отсюда ноги, пока я их тебе узлом не завязал.

Взгляд капрала метнулся к Дукеру.

– Нет, он не чародей, – вздохнул маг. – Просто мой гость.

– Считаешь, будто я лезу не в свое дело? – Капрал упер широкие ладони в столешницу и наклонился поближе к Кальпу. – Имей в виду: если я учую хоть намек на то, что ты открываешь свой магический Путь, мигом получишь нож в глотку. Мы охраняем побережье, чародей, и все, что тут творится, – мое дело. А теперь давай-ка объясняй, зачем вы сюда приперлись, пока я не отрезал твои большие уши, чтобы повесить их себе на пояс.

Дукер откашлялся:

– Прежде чем все это зайдет слишком далеко...

– А ты заткнись! – рявкнул капрал, продолжая буравить взглядом Кальпа.

Его тираду прервали донесшиеся издали крики.

– Истин! – взревел капрал. – Иди-ка посмотри, что там снаружи происходит.

Молодой парнишка вскочил на ноги, проверил новенький короткий меч в ножнах на поясе и подошел к двери.

– Мы здесь, – сказал капралу Дукер, – чтобы купить лодку...

Потрясенное проклятие донеслось снаружи, за ним последовал торопливый топот сапог по скрипучей лестнице таверны. Новобранец по имени Истин ввалился внутрь, лицо его побелело. Из уст юноши полился впечатляющий поток портовых ругательств, закончившийся словами:

– ...и вооруженная толпа снаружи, капрал! Они там явно не для разговоров собрались. Я видел, как люди разделились: примерно дюжина двинулась к нашей «Рипате».

Остальные моряки были уже на ногах. Один обратился к капралу:

– Они ведь за просто ее сожгут, Геслер, а мы потом застрянем на этом вонючем побережье...

– Оружие к бою и в строй! – прорычал Геслер. Он распрямился и повернулся к другому матросу. – Ступай к передней двери, Ураган. Найди, кто там верховодит этой толпой, и влети ему стрелу между глаз.

– Мы должны спасти корабль! – снова вмешался первый матрос.

Геслер кивнул:

– И спасем, Веред, можешь не сомневаться.

Моряк по имени Ураган занял место у двери, в руках у него будто бы из ниоткуда появился взведенный арбалет. А крики снаружи уже стали громче и звучали все ближе. Толпа распалялась, чтобы набраться храбрости и ворваться в таверну. Истин, совсем еще мальчишка, стоял в центре зала; короткий меч дрожал у него в руке, а лицо покраснело от гнева.

– Успокойся, парень, – сказал Геслер. Его взгляд упал на Кальпа. – Если ты теперь откроешь свой Путь, маг, я уже, может быть, и не отрежу тебе уши.

– Ты нажил себе врагов в этой деревне, капрал? – спросил Дукер у Геслера.

Тот усмехнулся:

– Для них все малазанцы – враги. Это уже давненько назревало. На «Рипате» достаточно продовольствия и всего необходимого. Пожалуй, мы можем довести вас до Хиссара... Нужно только сперва тут разобраться. С арбалетом управляться умеешь?

Историк тяжело вздохнул, а затем кивнул.

– Будьте готовы: стрелы полетят сквозь стены, – сказал от дверей Ураган.

– Нашел их главаря?

– Так точно, и держится он на расстоянии.

– Нельзя ждать – все к задней двери!

Хозяин таверны, который все это время сидел за маленькой стойкой на дальнем конце зала, теперь вышел вперед, сгорбившись, точно краб, в ожидании первых стрел, которые пробьют стены из мешковины.

– Эй, мезлан! А счет оплатить? Ты и так уже задолжал мне за много недель! Семьдесят две джакаты...

– А во сколько ты оцениваешь свою шкуру? – поинтересовался Геслер, жестом приказав Истину идти к другим матросам, которые уже выскальзывали наружу через пролом в дальней стене.

Глаза хозяина испуганно округлились.

– Намекаешь, что жизнь дороже, мезлан?

– Именно так, – кивнул капрал.

Прохладный влажный воздух, пахнувший мхом и мокрым камнем, наполнил зал. Дукер посмотрел на Кальпа, который лишь молча покачал головой. Историк поднялся.

– У них там есть свой маг, капрал...

Рев хлынул с улицы и волной врезался в таверну. Деревянный каркас прогнулся, джутовые стены раздулись, как паруса. Кальп издал предостерегающий крик, сорвался со стула и покатился по полу. Дерево затрещало, ткань разорвалась.

Ураган рванулся прочь от передней стены, а затем все в таверне одновременно ринулись к задней двери. Пол под ногами накренился, когда передние сваи вырвались из земли. Столы и стулья попадали, покатались вместе со всем остальным. Веревающий хозяин скрылся под упавшими полками с кувшинами для вина.

Вывалившись в дыру, Дукер рухнул в темноту и приземлился на кучу сухих водорослей. На него сверху упал Кальп. Хотя маг и был худощавым, однако у историка буквально вышибло из легких весь воздух.

Передний край таверны продолжал подниматься под напором колдовской силы, которая вцепилась в него и давила.

– Сделай же что-нибудь, Кальп! – прохрипел Дукер.

В ответ маг поднял историка на ноги и хорошенько толкнул вперед.

– Поскорее бежать прочь! Вот что нам нужно делать!

Чародейство, охватившее таверну, вдруг утихло. Покачнувшись на задних сваях, здание упало вперед. Перекрестные балки треснули. Таверна словно бы взорвалась, деревянный каркас развалился. Потолок рухнул вниз, ударился о пол, подняв тучу песка и пыли.

Дукер побежал к берегу. Его сразу же нагнал Ураган и пропыхтел:

– Худ, похоже, уж оплатил хозяину все счета, да? – Моряк приподнял свой арбалет. – Я здесь, чтобы вас прикрыть. Капрал ушел вперед – ох, чую, будет драчка по пути к причалу.

– А где Кальп? – спросил Дукер. Все произошло так быстро, что он совсем потерял голову. – Он был рядом со мной...

– Небось отправился вынюхивать этого чародея. Кто же их, магов, разберет?! Ежели только вообще не сбежал. Видит Худ, ваш приятель пока что не особо отличился, да?

Они добежали до пляжа. В тридцати шагах слева Геслер и матросы мчались навстречу дюжине местных жителей, которые перегородили узкий причал. Там был пришвартован узкий

одномачтовый патрульный корабль. Справа береговая линия плавно изгибалась, уходя к далекому Хиссару... городу, охваченному огнем. Дукер споткнулся и остановился, изумленно глядя на багровое небо над Хиссаром.

– Тоговы соски! – прошипел Ураган, увидев, что именно так поразило историка. – А Дриджна, про которую столько болтали, и впрямь началась. Ну что, теперь небось передумали возвращаться в город?

– Нет, не передумал, – отрезал Дукер. – Я должен вернуться к Колтейну. К демонам проклятую лодку! Доберусь верхом: моя лошадь в конюшне.

– Да эти мерзавцы ей сейчас бока шупают, бьюсь об заклад. В этих краях люди ездят на верблюдах, а лошадей – едят. Забудьте о ней. – Солдат протянул к нему руку, но историк уже побежал обратно по берегу, прочь от «Рипаты» и боя, который разгорелся на причале.

Ураган сперва замешкался, а потом выругался и бросился вслед за Дукером.

Магическое пламя вспыхнуло в воздухе над главной улицей, а затем раздался истошный крик.

«Кальп сражается, – подумал Дукер. – Неужто это его предсмертный вопль?»

Историк продолжал бежать по пляжу вдоль деревни. Добравшись, как ему показалось, до конюшни, он повернул прочь от моря, пробираясь через заросли на полосе прилива. Рядом возник Ураган.

– Присмотрю, чтобы по дороге с вами ничего не случилось, ладно?

– Благодарю, – прошептал Дукер.

– А вы сами-то кто будете?

– Имперский историк. А кто ты такой, Ураган?

Моряк хмыкнул:

– Да так. Совсем никто.

Проскользнув за первый ряд хибар, они замедлили шаг, стараясь держаться в тени. И тут вдруг воздух рядом с ними покрылся рябью – и появился Кальп. Плащ его обгорел, а лицо покраснело от ожога.

– Какого Худа вы оба тут делаете? – прошипел он. – Здесь, между прочим, разгуливает высший маг – Худ его разберет, откуда и зачем он взялся. Хуже другое: он знает, что я здесь, так что болтаться рядом со мной небезопасно. Я едва вывернулся в прошлый раз...

– Это ты так пронзительно вопил? – спросил Дукер.

– А тебя когда-нибудь заклятием прикладывало? У меня все кости чуть не вырвало из суставов. И в штаны нагадил. Зато живой.

– Это пока что, – ухмыльнулся Ураган.

– Спасибо на добром слове, – пробормотал Кальп.

– Нам нужно... – Дукер не договорил.

Ночь вокруг внезапно расцвела сверкающим пламенным взрывом, которым всех троих швырнуло на землю. Историк завопил от боли, ему вторили остальные. Чары впились в тело, словно ледяные когти, коснулись костей и потоками агонии разлились по всем членам. Его крик стал громче, когда боль достигла мозга, заволокла мир красноватым кровавым туманом, который будто кипел перед глазами. Дукер забился в конвульсиях, начал кататься по земле, но спасения не было. Заклятие убивало историка, врываясь буквально в каждый уголок его естества.

А затем все кончилось. Он неподвижно лежал, прижавшись одной щекой к прохладной грязной земле. Тело еще некоторое время продолжало подергиваться. Он обгадился и обмочился. Его пот пах горечью.

Чья-то рука ухватила Дукера за ворот телабы. Горячее дыхание Кальпа коснулось уха.

– Я ответил ему, – прошептал маг. – Достаточно сильно, чтобы он почувствовал. Нужно добраться до корабля... Геслера...

– Иди с Ураганом, – выдохнул Дукер. – А я возьму лошадей...

– Да ты никак свихнулся?

Прикусив губу, чтобы не закричать, историк кое-как поднялся на ноги. Он зашатался, когда воспоминания о боли прокатились по рукам и ногам.

– Иди с Ураганом, чтоб тебя! Быстро!

Кальп внимательно посмотрел на Дукера и прищурился:

– Ага, снова притворишься досием? Может сработать...

Бледный как смерть Ураган подергал мага за рукав:

– Геслер ждать не будет. Вы идете?

– Да, конечно.

В последний раз кивнув Дукеру, маг двинулся за моряком. Оба быстро побежали к берегу.

Геслеру и его бойцам пришлось несладко. На почерневшем песке у причала лежали тела погибших: дюжина местных и двое моряков береговой охраны. Геслер, которого с боков прикрывали Истин и другой матрос, пытался сдерживать новый отряд деревенских жителей. Не помня себя от ярости, мужчины и женщины бросались вперед с гарпунами, деревянными молотками, мясницкими ножами, а некоторые – и с голыми руками. Два оставшихся матроса – оба раненые – были уже на «Рипате», пытались быстро отдать швартовы.

Ураган подвел Кальпа примерно на дюжину шагов к месту боя, а затем присел, прицелился и выстрелил в толпу. Кто-то завопил. Ураган перебросил арбалет за плечо, выхватил короткий меч и охотничий кинжал.

– Есть у тебя что-нибудь на такой случай, маг? – спросил моряк и, не дожидаясь ответа, бросился на толпу с фланга.

Местные отшатнулись; никто не погиб, но многие были ужасно изувечены, когда Ураган врубился в их ряды, – мертвые, в отличие от раненых, по крайней мере никому не мешали.

Геслер остался один у края причала: Истин волок бесчувственного товарища к кораблю. Один из матросов на палубе «Рипаты» больше не шевелился.

Кальп колебался, зная, что любое колдовство может привлечь сюда высшего мага. Кадровый чародей сомневался, что выдержит еще одну такую атаку. Все его суставы кровоточили изнутри, плоть набухала от крови. К утру он уже не сможет шевелиться. Если вообще доживет до утра. Но даже так – в запасе у него еще оставались некоторые уловки.

Кальп воздел руки и пронзительно закричал. Перед ним возникла стена огня, с ревом покатилась к толпе. Местные отступили, затем обратились в бегство. Пламя Кальпа продолжало преследовать их по всему берегу, а затем угасло.

Ураган резко обернулся:

– Если ты сумел такое сотворить...

– Да это ерунда, – буркнул Кальп, подходя к солдатам.

– Стена огня?!

– Говорю же, ерунда! Это всего лишь обман, иллюзия, дурень! Давайте выбираться отсюда!

Веред умер в двадцати пядях от берега: плотно засевший в груди наконечник гарпуна наконец выпустил на липкую палубу последние капли его крови. Геслер бесцеремонно перебросил мертвеца за борт. Теперь на ногах, кроме капрала, остались только молоденький Истин, Ураган и Кальп. Второй матрос держался из последних сил: из раны на левом бедре повсюду хлестала кровь, и до врат Худа ему оставалось несколько минут.

– Всем молчать, не шуметь, – прошептал Кальп. – Никакого света: на берегу высший маг.

Они задержали дыхание. Безжалостная рука закрыла рот умирающему, пока стоны не стихли.

«Рипата», на которой был поднят только штормовой парус, медленно выходила из неглубокой бухты; киль с тихим шелестом разрезал воду.

Недостаточно тихим, понял Кальп. Он открыл свой магический Путь и стал распространять звуки в случайных направлениях: приглушенный голос тут, скрип дерева там. Раскинул, насколько мог, покров сумрака, сдерживая силу своего Пути, позволяя ему лишь дразнить противника, а не бросать вызов.

В шестидесяти пядях от них вспыхнули чары, привлеченные обманным звуком. Сумрак поглотил свет заклęcia.

Ночь снова погрузилась в тишину. Геслер и остальные, кажется, поняли, что делает Кальп. Солдаты не сводили с него глаз, смотрели с надеждой и едва сдерживаемым страхом. Истин вцепился в рулевое весло и сидел неподвижно, не смея ничего делать, только держал парус на ветру.

Казалось, будто корабль едва ползет. По лицу Кальпа катился пот: он весь взмок, пытаясь улизнуть от чар высшего мага, который его искал. Он чувствовал, как расходятся смертоносные сети, и лишь теперь осознал, что его противником оказалась женщина, а вовсе не мужчина.

Далеко на юге гавань Хиссара превратилась в сверкающую стену багрового пламени. Истин даже не пытался повернуть туда, и Кальп, как и все остальные, понял, что подмоги в городе они не найдут. Семиградье поднялось, начался мятеж, который давно предсказывали.

«А мы сейчас в море. Остались ли еще безопасные для нас гавани? Геслер сказал, что на корабле полно припасов. Хватит ли их, чтобы добраться до Арэна? Но и там придется пройти по враждебным водам... Есть вариант получше – Фалар, но он лежит в шести сотнях лиг к югу от Досин-Пали».

Когда чародейка на берегу сперва ослабила свои заклęcia, а затем и вовсе перестала их искать, мысли Кальпа приняли иное направление.

«А ведь Геборик Легкая Рука, этот несчастный ублюдок, сейчас направляется к побережью, если все пошло по плану. Через пустыню – к безжизненному берегу».

– Можете выдохнуть, – сказал маг. – Нас больше не ищут.

– Мы слишком далеко уплыли? – спросил Истин.

– Нет, ей просто надоело. Думаю, у нее есть дела поважнее, парень. – Он повернулся к Геслеру. – Капрал!

– Да?

– Мы должны пересечь пролив. Подойти к Отатараловому берегу.

– Какого Худа мы там забыли, маг?

– Извини, но на этот раз я настаиваю. Исполни приказ старшего по званию.

– А что, если мы просто выбросим тебя за борт? – спокойно поинтересовался Геслер. – Там ведь дхэнраби кормятся вдоль Сахульской отмели. Вот они обрадуются такому угощению...

Кальп вздохнул:

– Мы должны подобрать высшего жреца Фэнера, капрал. Если скормишь меня дхэнраби, никто и слезинки не проронит. Разозлишь жреца – и его разгневанный бог уставится на тебя своим красным глазом. Готов так рискнуть?

Капрал откинул голову и расхохотался. Истин и Ураган тоже заухмылялись.

– Вам смешно? – нахмурился Кальп.

Ураган перегнулся через планширь и сплюнул в море. Он вытер рот тыльной стороной ладони и сказал:

– Похоже, Фэнер уже смотрит на нас, маг. Мы ведь из Вепревой роты расформированной Первой армии. Ну а потом Ласин, как известно, раздавила наш культ. Так что теперь мы просто бойцы жалкой береговой охраны.

– Да вот только это не помешало нам воздавать должное Фэнеру, маг, – пояснил Геслер. – И даже новичков посвящать в воинский культ, – добавил он, кивнув в сторону Истина. – Так что указывай дорогу. Отатараловый берег, говоришь? Поворачивай на восток, парень, и давайте поставим парус да приготовим спинакер⁵ под утренний ветер.

Кальп медленно сел.

– Никому больше, кроме меня, штаны постирать не надо? – спросил он.

Закутавшись в телабу, Дукер ехал прочь от деревни. Дорога шла по берегу, и по обе стороны ее возникали фигуры, почти неразличимые в слабом лунном свете. Казалось, в прохладном воздухе пустыни таится примесь песчаной бури, иссушающего глотку морока. Добравшись до перекрестка, историк натянул поводья. Основная дорога вела дальше на юг, к Хиссару. Торговый тракт сворачивал на запад, вглубь континента. В четверти мили впереди разбила лагерь армия мятежников.

Никакого порядка в этой армии не было. Тысячи шатров хаотически растянулись вокруг огромного центрального загона, окутанного подсвеченной факелами тучей пыли. Над песками разносились песни кочевников. Не дальше чем в пятидесяти шагах от Дукера взвод малазанских солдат беспомощно извивался на «скользких койках» – так местные называли четыре длинных копыя, вкопанных в землю: жертву клали на острия, которые вонзались ей в плечи и бедра. В зависимости от веса и силы воли, позволявшей не шевелиться, кровавый путь вниз мог растянуться на часы. Если Худ будет милостив, утреннее солнце приблизит смерть несчастных. Историк почувствовал, как сердце в груди холодеет от гнева.

Дукер знал, что ничем не может помочь несчастным. Просто оставаться в живых на этой охваченной жаждой крови земле – уже было нелегким делом. Но день воздаяния придет. Если будет на то воля богов.

Над Хиссаром разлилось магическое пламя, ослепительное и – на таком расстоянии – беззвучное. Живы ли еще Колтейн и Балът? Как там Седьмая армия? Сумел ли Сормо И'нат заблаговременно предвидеть то, что случилось сейчас?

Дукер ударил коня в бока каблуками и поехал по береговой дороге. Появление целой армии мятежников его потрясло. Она возникла как будто из ниоткуда, и, несмотря на хаос, царивший в лагере, там также имелись командиры, полные кровожадной воли и способные добиться своего. Это не спонтанный бунт, все спланировано заранее.

⁵ *Спинакер* – тип паруса; имел выпуклую форму и предназначался для использования на полных курсах, от галфвинда до фордевинда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.